

0, НК-3(1 м.ч. № 00-

Щ812

Авенариус, Василіѹ Р

АВ-18

КНИГА

0

КІЕВСКИХЪ БОГАТЫРЯХЪ.

СВОДЪ

А. Сербскі

24 ИЗВРАННЫХЪ БЫЛИНЪ ДРЕВНЕ-КІЕВСКАГО ЭПОСА.

Составилъ В. П. Авенариусъ.

Съ портретомъ пѣва былинъ Рябилина, работы Л. А. Сѣрякова, и 12 картинами, гравированными на деревѣ, по рисункамъ А. В. Прохорова, въ ксилограф. заведеніи Клича и Рохлицера въ Лейпцигѣ.

Щ8121

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.

1876.

РГЗ114

А92

(171)

18.12.56
П. П. П. П.
56

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Введеніе къ былинамъ (съ портретомъ народнаго пѣвца Рябинина).	III
БЫЛИНЫ:	
I. Вольга Всеславьевичъ (съ картинкой)	3
II. Дунай Ивановичъ сватомъ князя Владиміра	15
III. Дунай Ивановичъ и Настасья королевична	29
IV. Алеша Поповичъ (съ карт.)	35
V. Первый бой Добрыни Никитича съ змѣемъ Горынчищемъ . .	46
VI. Второй бой Добрыни съ змѣемъ (съ карт.)	52
VII. Ставѣръ Годиновичъ и Василиса Миевична	62
VIII. Соловей Будиміровичъ (съ карт.)	77
IX. Исцѣленіе Ильи Муромца	90
X. Илья Муромецъ, черниговцы и Соловей разбойникъ (съ карт.)	98
XI. Микула Селяниновичъ (съ карт.)	118
XII. Святогоръ	129
XIII. Добрыня Никитичъ и Настасья Миевична	134
XIV. Илья Муромецъ и Святогоръ (съ карт.)	139
XV. Илья Муромецъ и Идолище	146
XVI. Илья Муромецъ въ ссорѣ съ княземъ Владиміромъ	156
XVII. Илья Муромецъ и Калинъ царь (съ карт.)	167
XVIII. Чурила Пленковичъ (съ карт.)	190
XIX. Дюжъ Степановичъ	201
XX. Добрыня Никитичъ въ отъѣздѣ (съ карт.)	228
XXI. Михайло Потыкъ	243

XXII. Илья Муромецъ и Сокольникъ (съ карт.)	253
XXIII. Три поѣздки Ильи Муромца (съ карт.)	267
XXIV. Какъ перевелись богатыри на святой Руси	277
Примѣчанія къ былинамъ	I
Алфавитный Указатель требующихъ объясненія собственныхъ именъ и необычныхъ словъ, встречающихся въ былинахъ	XXV

ВВЕДЕНИЕ КЪ БЫЛИНАМЪ.

Младенецъ, едва перенявшій нѣсколько отрывочныхъ словъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ окружающаго міра, въ которомъ все для него ново, подъ вліяніемъ пняюшеиныхъ чудныхъ сказокъ и пѣсенекъ, начинаетъ безъ умолку лепетать и щебетать, пока языкъ и слухъ его не разовьются до связной рѣчи и музыкальныхъ звуковъ. Точно также и всякая юная отрасль великой человѣческой семьи, выходя изъ первобытнаго состоянія и пробуждаясь къ духовной жизни, ощущаетъ безотчетную потребность все свое фантастическое міросозерцаніе, всѣ выдающіеся случаи изъ жизни цѣлаго народа или главныхъ общественныхъ дѣятелей облечь въ замысловатый разсказъ, который, за отсутствіемъ или малой распространенностью письменности, и передается устно изъ поколѣнія въ поколѣніе, притомъ въ стихотворной и музыкальной формѣ, ласкающей слухъ и легко сохраняемой памятью. Никакое народное гульбище, никакое семейное торжество не можетъ обойтись безъ вдохновеннаго носителя народной поэзіи—безъ „*рапсода*“ (греческое названіе *слагателей* эпическихъ пѣсенъ, принятое во всѣхъ литературахъ), который, подъ звуки безыскусственнаго струннаго инструмента, напѣваетъ про милую, славную старину. Благодаря своему метрическому складу, народное сказаніе даже въ теченіе столѣтій не подвергается особенно существеннымъ измѣненіямъ и сохраняетъ

свой самобытный характеръ, совершенствуясь главнѣйше въ отдѣлѣ: умѣлый рапсо́дъ твердо запоминаетъ и дословно повторяетъ всякій разъ тѣ неожиданные обороты въ ходѣ повѣствованія, тѣ картинныя сравненія и звучные стихи, которые въ глазахъ его слушателей зажигаютъ восторженный огонь или на устахъ ихъ вызываютъ довольную улыбку. Замѣчая, напротивъ, что слушатели начинаютъ зѣвать, разсѣянно поглядывать по сторонамъ, — смѣтливый рассказчикъ не преминетъ въ слѣдующій разъ собрatить не въ мѣру разросшееся описаніе, навѣвающее скуку, приче́мъ съ художническимъ чутьемъ наложить на всю картину, смотря по обстоятельствамъ, больше или темныхъ или свѣтлыхъ красокъ. Если при такомъ-то выраженіи, при такомъ-то стихѣ слушатели, недоумѣвая, переглядываются, морщатся или почесываютъ за ухомъ, онъ остережется вторично вызвать тоже впечатлѣніе, и неудобопонятное выраженіе, неужелюбій стихъ, при новомъ пересказѣ, замѣняется другимъ выраженіемъ и стихомъ: если впечатлѣніе на этотъ разъ замѣтно благопріятнѣе, то новое выраженіе, новый стихъ и впредь идутъ въ дѣло; если нѣтъ, то они опять передѣлываются, пока не удовлетворяютъ наконецъ и самого повѣствователя и его слушателей. Отрывочныя сказанія, одухотворенныя одною общою идеею, вращающіяся около одного главнаго событія, около одной первенствующей личности, мало по малу, какъ-бы сами собою, сливаются въ одинъ сплошной разсказъ, который въ окончательномъ видѣ и обращается въ народную эпопею. Такимъ образомъ, народная эпопея есть опозти- зированная *исторія* народа, рассказанная имъ самимъ.

Русская эпическая пѣсня не выработалась до стройной эпопеи, остановившись на переходной ступени—отдѣльныхъ рапсодій, носящихъ у насъ названіе „*былинъ*“ (разсказъ о *быломъ*), а также „*старинъ*“ (разсказъ о *старинѣ*) или просто „пѣсень“. *) Но, по единству мѣста дѣйствія, времени и личностей, былины могутъ быть раздѣлены на нѣсколько группъ или „цикловъ“: 1) древнѣйшій циклъ—о полумифическихъ герояхъ до-владимірской эпохи, такъ-называемыхъ „*старшихъ*“ богатыряхъ (см. прим. 3 въ концѣ книги), 2) *кіевскій* или *Владиміровъ* циклъ, 3) *новгородскій*, 4) *московскій* и 5) *казацкій*. Всѣхъ обширнѣе и замѣчательнѣе циклъ кіевскій. Всѣ былины этого цикла имѣютъ своимъ предметомъ „князя-солнышка“, „ласковаго Владиміра стольно-кіевского“, т.-е. Владиміра Святаго (980—1014 г.г.), съ его богатырскою дружиной. Князь-солнышко—центральное свѣтило, около котораго вращается его планетная система—богатыри и богатырицы, свергающіе, однако, не только заимствуемымъ отъ центральнаго солнца свѣтомъ, но и своимъ собственнымъ внутреннимъ огнемъ, какъ свѣтились имъ въ древнѣйшую эпоху мірозданія и небесные спутники нашего дневнаго свѣтила, пока не остыли понемногу и не покрылись твердою корою, отсвѣчивающею только солнечный блескъ. Княжеская „грядня“, подобно римскому форуму,—свѣтовой

*) Совершенно особнякомъ отъ нашего былеваго творчества стоитъ народное произведеніе XII вѣка—„Слово о Полку Игоревѣ“, которое, разсказанное устами современника, хотя и отличается задушевною непосредственностью, образностью и нѣкоторымъ ритмическимъ складомъ, но описываетъ только частный эпизодъ изъ боевой жизни новгородъ-сѣверскаго князя Игоря Святославича и лишено основнаго условія пѣсни—болѣе или менѣе правильнаго стихотворнаго размѣра.

фокусъ общественной и государственной жизни, изъ котораго исходятъ и въ который возвращаются всѣ лучи ея: подѣ звонѣ „полуторанудовыхъ“ чашъ, подѣ звуки „аровчатыхъ“ гуслей, здѣсь сливки древне-кѣвскаго общества щеголяютъ другъ передъ другомъ кто чѣмъ гораздѣ, сватаются, интригуютъ, ссорятся, мирятся, замышляютъ богатырскіе выѣзды противъ насильниковъ внутреннихъ и внѣшнихъ и отдыхаютъ на лаврахъ послѣ многолѣтняго стоянія на сторожевой „заставѣ“.

Что Владиміръ Святій съ его богатырскою дружиною сдѣлался главнымъ центромъ нашего народнаго эпоса—объясняется тѣмъ, что царствованіе этого князя, „краснымъ солнышкомъ“ разсвѣтывшаго лежавшій дотолѣ надъ Русью мракъ язычества и кочевой неурядицы, было дѣйствительно самою свѣтлою эпохою до-татарскаго времени. Послѣ же долгодѣтняго гнета азіатскихъ пришельцевъ, славный богатырскій вѣкъ „князя-солнышка“ долженъ былъ представляться народу въ еще болѣе радужныхъ краскахъ, и даже подвиги героевъ позднѣйшихъ—Дмитрія Донскаго, Ермака—безсознательно пріурочивались новѣйшими рапсодами все къ тому-же „солнечному“ вѣку.

Въ старыя времена, близкія къ событіямъ, описываемымъ въ древне-кѣвской пѣснѣ, пѣсня эта пѣлась „загусельщиками“ (гусярами) и „каливками переходжими“ (нищими калѣвками) вездѣ, гдѣ она слушалась охотно: и на княжескихъ пирахъ, и на семейныхъ торжествахъ горожанъ и крестьянъ, и всенародно—на рынкахъ и ярмаркахъ. Съ татарскимъ погромомъ, пѣсня наша по-неволѣ смолела на мѣстѣ своего зарожденія и искала спасенія въ дали,

въ глуши, гдѣ ей можно было еще свободно раздаваться. Въ теченіе 2^{1/2} вѣковъ татарскаго ига, понемногу заглохли въ кievской Руси и воспоминанія о князѣ-солнышеѣ и его славныхъ богатыряхъ, и въ послѣдовавшіе затѣмъ періоды казачества и литовскаго владычества, облегченная русская грудь затянула уже пѣсню о новѣйшихъ богатыряхъ—казакахъ и литовцахъ; но прекрасныя сами по себѣ малороссійскія „думы“, не имѣя между собою органической связи, не только не могли слиться въ какое-либо подобіе эпопей, но, по преобладанію въ нихъ лирическаго элемента, должны быть отнесены скорѣе къ лирической, чѣмъ къ эпической поэзіи. Въ нѣкоторыхъ изъ среднихъ великорусскихъ губерній слышатся еще рѣдкіе, но значительно искаженные отголоски древняго кievскаго эпоса. На отдаленнѣйшихъ же окраинахъ, въ губерніяхъ Олонецкой, Архангельской, Пермской и сибирскихъ, въ селеніяхъ, лежащихъ среди лѣсовъ и болотъ, въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, отъ торговой и заводской дѣятельности, особенно между раскольниками, вѣрно держащимися старины, стародавняя пѣсня сохранилась еще довольно чисто, поется и слушается съ умиленіемъ, почти съ благоговѣніемъ. Какое впечатлѣніе производитъ она въ безыскусственной сельской обстановкѣ на всякаго свѣжаго человека—лучше всего можно видѣть изъ описанія извѣстнаго собирателя былинъ Рыбникова предпринятой имъ въ маѣ 1860 году поѣздки въ Заонежье, гдѣ ему въ первый разъ удалось услышать настоящаго „сказителя“, какъ называютъ себя тамошніе рапсоды. Приводимъ здѣсь описаніе это собственными словами собирателя:

„Знакомые мои отговаривали меня всячески отъ поѣздки водою: по ихъ словамъ, озеро Онежское очень бурное, перемѣны вѣтра совершенно неожиданны, а въ разныхъ мѣстахъ разсѣяно множество мелей и подводныхъ камней. Но хозяинъ соймы (лодки) понравился мнѣ своимъ привѣтливымъ обращеніемъ и словоохотливостью, и я скоро уговорилъ его перевести меня въ Пудожгорскій приходъ. Въ свѣтлую и холодную весеннюю ночь мы простились съ „баженнымъ“ (милымъ) городкомъ и поѣхали къ Ивановскимъ островамъ. Поднялся „стрѣтнй“ вѣтеръ. Чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ сильнѣе онъ разыгрывался, и только къ утру, часовъ черезъ шесть самой утомительной работы, измученные гребцы пристали къ Шуй-Наволоку — пустынному, болотистому и лѣсистому острову, въ 12 верстахъ отъ Петрозаводска. На островѣ стоитъ закопченная „фатера“ — домикъ, куда въ меженную и осеннюю пору, при затишьѣ, противномъ вѣтрѣ и бурѣ, проѣзжіе укрываются на ночь. Около пристани было много лодокъ изъ Заонежья, и „фатера“ народомъ полнымъ-полна. Правду сказать, она была черезчуръ смрадна и грязна, и, хоть было очень холодно, но не похотѣлось мнѣ взойти въ нее на отдыхъ. Я улегся на мѣшкѣ около тощаго костра, заварилъ себѣ чаю въ кастрюлѣ, выпилъ и поѣлъ изъ дорожнаго запаса, и, пригрѣвшись у огонька, незамѣтно заснулъ. Меня разбудили странные звуки: до того я много слыхалъ и пѣсень, и стиховъ духовныхъ, а такого напѣва не слыхивалъ. Живой, причудливый и веселый, порой онъ становился быстрѣе, порой обрывался и ладомъ своимъ напоминалъ что-то стародавнее, забытое нашимъ поколѣ-

ніемъ. Долго не хотѣлось проснуться и вслушаться въ отдѣльныя слова пѣсни: такъ радостно было оставаться во власти совершенно новаго впечатлѣнія. Севозъ дрему я разсмотрѣлъ, что шагахъ въ трехъ отъ меня сидитъ нѣсколько крестьянъ, а поетъ-то сѣдатый старикъ, съ овладистою, бѣлою бородою, быстрыми глазами и добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Присосѣдившись на корточкахъ у потухшаго огня, онъ оборачивался то къ одному сосѣду, то къ другому, и пѣлъ свою пѣсню, перерывая ее иногда усмѣшкою. Кончилъ пѣвецъ, и началъ пѣть другую пѣсню: тутъ я разобралъ, что поется былина о Садеѣ купцѣ, богатомъ гостѣ *). Разумѣется, я сейчасъ же былъ на ногахъ, уговорилъ крестьянина повторить пропѣтое и записалъ съ его словъ. Сталъ спрашивать, не знаетъ ли онъ еще чего-нибудь. Мой новый знакомецъ, Леонтій Богдановичъ, изъ деревни Серѣдки, Кижской волости, пообѣщаль мнѣ сказать много былинъ: и про Добрынюшку Нивитича, про Илью Муромца и про Михайла Потыга сына Ивановича, про удалаго Василья Буслаевича **), про Хотенушку Блудовича, про сорокъ каликъ съ каликою, про Святогора богатыря, да зналъ-то онъ варіанты неполные и какъ-то не досказывалъ словъ. Впрочемъ, на первый разъ и записывалось какъ-то неохотно, а больше слушалось. Много я впоследствии слыхалъ рѣдкихъ былинъ, помню древніе превосходные напѣвы; пѣли ихъ пѣвцы съ отличнымъ голосомъ и мастерскою дикцію, а по правдѣ скажу, не чувствовалъ уже никогда того свѣжаго впечатлѣнія,

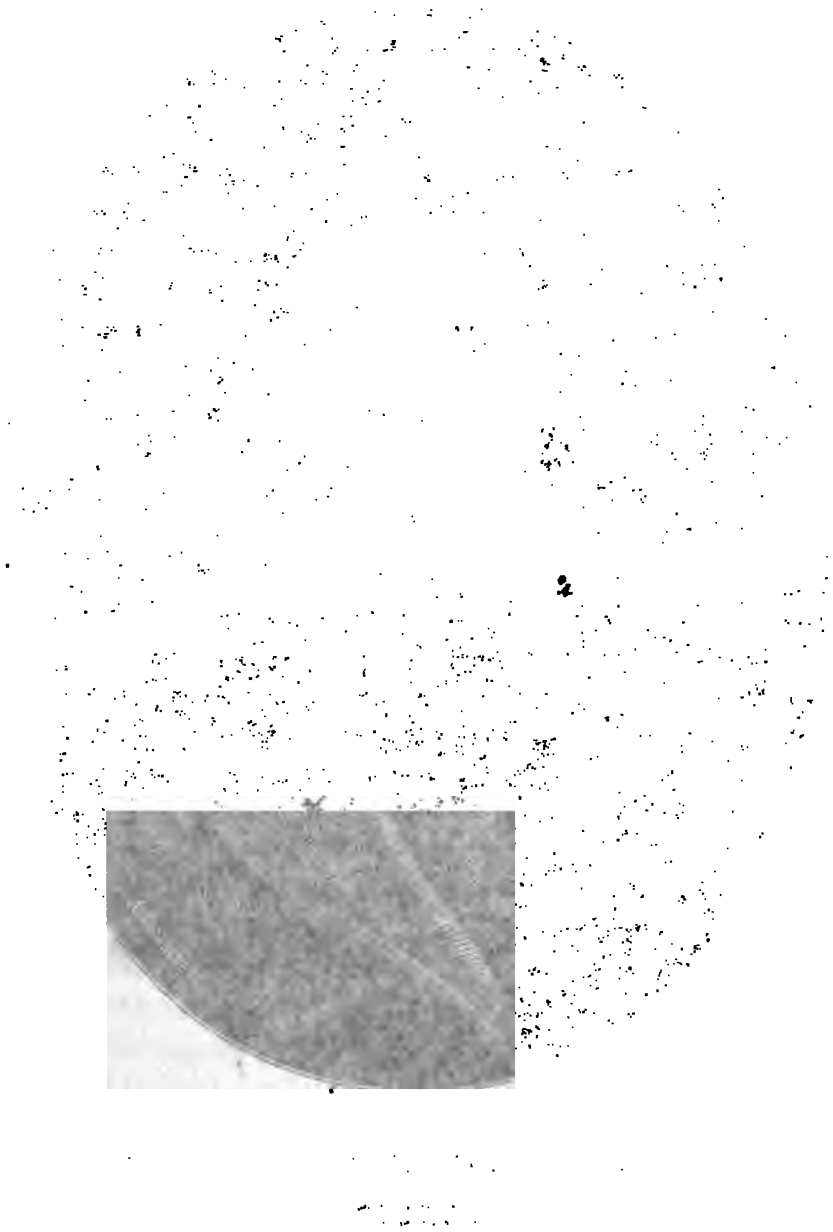
*) Былина новгородскаго цикла.

***) Тоже.

которое произвели плохіе варианты былинъ, пропѣтые разбитымъ голосомъ старика Леонтя на Шуй-Наволоковѣ.“

Хотя былины поются въ настоящее время и „каликами“, пѣвцами по ремеслу, специальность которыхъ — „духовные“ стихи, но настоящими носителями и рачителями народнаго эпоса являются „сказители“, непромышленяющіе своимъ пѣніемъ, а занимающіеся имъ, какъ истинные художники, изъ любви къ искуству. Они обыкновенно—зажиточные крестьяне: по мѣткому замѣчанію другаго собирателя былинъ Гильфердинга, „былины, повидимому, укладываются только въ такихъ головахъ, которыя соединяютъ природный умъ и память съ порядочностью, необходимою и для практическаго успѣха въ жизни“. Лучшимъ изъ живущихъ сказителей почитается 80-ти лѣтній крестьянинъ деревни Серѣдки, Кижской волости, Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, Трофимъ Григорьевичъ *Рябининъ* (портретъ котораго прилагается въ нашей книгѣ)—ученикъ двухъ извѣстнѣйшихъ олонецкихъ пѣвцовъ начала нынѣшняго столѣтія: Ильи Елустафьева и дяди Рябинина—Игнатія Андреевыхъ. Кромѣ крестьянъ, хорошіе рапсоды встрѣчаются и между нѣкоторыми переходными ремесленниками, именно между занимающимися портнымъ и сапожнымъ мастерствами. Замѣчательно, однако, что самая незначительная часть пѣвцовъ грамотна: какъ слѣпой, прозрѣвъ, теряетъ прежнюю тонкость осязанія, такъ и человекъ грамотный не въ состояніи уже удержать въ памяти пространныхъ стихотворныхъ рапсодій въ нѣсколько сотъ стиховъ.

Впрочемъ, и въ современной глуши нашихъ отдален-

ныхъ окраинъ, начинаетъ понемногу вымирать поколѣніе истыхъ пѣвцовъ. Какъ слышалъ Рыбниковъ въ Пудожѣ отъ старожилонъ, еще не такъ давно — въ началѣ настоящаго столѣтія, у мѣстныхъ обывателей всѣхъ сословій собирались вечеринки „съ сказителями“; но теперь сказители „вышли изъ моды“ и находятъ себѣ внимательныхъ слушателей только въ деревняхъ. Даже на сельской Шунгской ярмаркѣ, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, калики, распѣвавшіе на погостѣ, кромѣ духовныхъ стиховъ, и былевныя пѣсни, исчезли съ 50-хъ годовъ, но не столько вслѣдствіе равнодушія слушателей, сколько „ради порядка“, по настоянію земской полиціи. Этотъ простонародный „продуктъ“ постигла общая участь всякаго мало требуемаго товара: съ уменьшеніемъ спроса, уменьшилось и его производство: лучшіе пѣвцы — старики съ семью-восемьюдесятью за плечами; молодое поколѣніе, зараженное промышленнымъ духомъ новаго времени, слушаетъ ихъ пѣсню однимъ ухомъ и перенимаетъ ее туго. Недалеко то время, когда передъ пронзительнымъ свистомъ локомотива и фабрикъ окончательно замоленетъ задушевная пѣсня о сѣдой старинѣ! *)

Тѣмъ болѣе настоятельнымъ представлялось для отечественной литературы записать {сохранившіеся еще въ памяти народной обрывки русскаго эпоса. Трудъ этотъ болѣе или менѣе выполненъ нѣсколькими собирателями, преимущественно четырьмя: *Кириешю Даниловымъ* („Древнія Россійскія Стихотворенія“, изд. въ первый разъ въ 1804 г.),

*) Таже участь предстоить и малороссійской „думѣ“: посѣтвшій осенью 1873 года Петербургъ 70-ти лѣтній слѣпой „жобзарь“ Остапъ Вересай — чуть ли не послѣдній истинно-народный пѣвецъ Малороссіи.

П. В. Кирьевскимъ (10 томовъ „Пѣсенъ“, изд. съ 1860—1874 г.), *П. Н. Рыбниковымъ* (4 тома „Пѣсенъ“, изд. съ 1861—1867 г.) и *А. Ѳ. Гильфердингомъ* (1 томъ „Онежскихъ былинъ“ въ 1336 стрн. мелкой печати, изд. въ 1873 г.).

Однако, и до настоящаго времени для большинства нашего читающаго общества эти чисто-народныя произведенія остаются недоступными, какъ потому, что они разсѣяны по множеству дорого-стоющихъ книгъ въ нѣсколькихъ десяткахъ варіантовъ, такъ и потому, что едва ли хоть одинъ изъ записанныхъ варіантовъ, сколько бы онъ ни превосходилъ другіе варіанты той-же былины интересными подробностями или поэтическими красотами, можетъ произвести вполне впечатлѣніе, имѣя всегда нѣсколько испорченныхъ стиховъ, явныя недомолвки или несогласныя съ требованіями современнаго изящнаго вкуса и нравственности выраженія и частности. Задача наша была — дать русскимъ читателямъ и, въ особенности, русскому юношеству возможность въ одной, не слишкомъ объемистой, книгѣ близко ознакомиться съ лучшими перлами древне-кіевскаго эпоса. Съ этою цѣлью сличивъ, по стихамъ, всѣ извѣстные варіанты избранныхъ былинъ какъ Владимірова круга, такъ и предшествующаго ему круга „старшихъ богатырей“, тѣсно связаннаго съ нимъ мѣстомъ дѣйствія (въ кіевской Руси) и лицами (старшимъ богатыремъ Святогоромъ и дочерьми старшаго же богатыря Микулы Селяниновича), выбравъ лучшіе, по нашему мнѣнію, стихи, устранивъ или смягчивъ все слишкомъ грубое и сгладивъ шероховатости стихосложенія, затруднявшія плавное теченіе стиховъ,—мы соста-

вили возможно полный сводъ каждой былины, причемъ не пренебрегли, конечно, ни былинами съ полуразрушеннымъ стихомъ или таѣмъ-называемыми „побывальщинами“, ни прозаическими „богатырскими сказками“, представляющими только послѣднюю стадію разложенія былинь. Расположивъ затѣмъ былины въ хронологическомъ порядкѣ, мы позволили себѣ, для болъшей занимательности разсказа, послѣдовать примѣру нѣмца Зимрока и финляндца Лѣнрота, которые, въ новѣйшее время, разрозненные отрывки древнегерманской „Пѣсни объ Амелунгахъ“ и финской „Калевалы“ сгруппировали въ связныя поэмы: не касаясь существа былинь, мы связали ихъ въ возможно послѣдовательную хронику, стоявшія же отдѣльно отъ Владимірова круга былины о „старшихъ“ богатыряхъ вложили въ уста славнаго „загусельщика“—Добрыни Никитича, какъ то часто встрѣчается и въ другихъ народныхъ эпическихъ пѣсняхъ. Что касается былевыхъ анахронизмовъ, то мелкіе позднѣйшіе наросты (какъ-то: огнестрѣльное оружіе, подзорныя трубки, постоянный эпитетъ Ильи Муромца „казакъ“ и т. п.) нами, по возможности, устранены; крупныхъ, органически-сросшихся со всѣмъ былевымъ эпосомъ (какъ, напр., валовое наименованіе всѣхъ внѣшнихъ враговъ киевлянъ „татаровьями“) мы не считали себя въ правѣ тронуть, чтобы ненарокомъ не посягнуть на самобытное ядро разсказа. Значеніе важнѣйшихъ изъ такихъ анахронизмовъ, какъ и вообще всѣхъ встрѣчающихся въ былинахъ фактовъ, личностей и предметовъ, требующихъ поясненія, указано въ приложенныхъ въ концѣ книги *Примѣчаніяхъ*, гдѣ помѣщены нами и нѣкоторые, заслуживающіе вниманія, ва-

ріанты былевыхъ стиховъ. Для сохраненія самобытнаго характера былинъ, мы равнымъ образомъ удержали значительное число вышедшихъ уже изъ употребленія или малоизвѣстныхъ народныхъ словъ, *Алфавитный Указатель* которымъ также прилагается.

Теперь намъ остается сказать еще о томъ, какъ слѣдуетъ читать былины и какъ онѣ поются рапсодами. Первоначальный размѣръ ббльшей части былинъ — правильный хорейскій: 4, 5 или 6 хореевъ, изъ которыхъ послѣдній, чрезъ прибавленіе короткаго слога, обращенъ въ дактиль: напр.:

„Въ стольномъ | было | горо | дѣ во | Кіевѣ.“

Этотъ размѣръ, соблюдаемый лучшими рапсодами (напр. Рябининымъ) довольно строго, принятъ нами въ ббльшей части былинъ. Рѣдкія отступленія допущены нами только въ тѣхъ случаяхъ, когда и у рапсодовъ, для ббльшей выразительности, послѣдняя стопа растянута еще на одинъ лишній слогъ, на которомъ слышится полу-удареніе, какъ въ слѣдующемъ ироническомъ возгласѣ богатыри Настасьи Миеуличны:

„Я-то думала, комарики покусываютъ,
Анъ то русскіе богатыри пощѣльнваютъ.“

Изъ сколькихъ бы стопъ ни состоялъ хорейскій стихъ, привычный слухъ различаетъ всегда ни болѣе, ни менѣе, какъ три ударенія, изъ которыхъ послѣднее упадаетъ на длинный слогъ послѣдней стопы:

„Въ стóльномъ было гóродѣ во Кіевѣ
 Да у ласковаго князя у Владíмира
 Бýло пировáньице почéстенъ пиръ
 Нá многихъ князéй, на бóяровъ.“

(Или:

„На многíхъ князéй, на бóяровъ.“)

Особенно важно имѣть въ виду это правило при чтеніи такихъ стиховъ, гдѣ конецъ послѣдней стопы составляетъ отдѣльное слово, имѣющее въ прозаической рѣчи свое особое удареніе, противоположное стихотворному; напр., должно читать: „во чистóмъ полѣ“, „ни однóй птички“, а не „во ч́истомъ полѣ“, „ни одной пт́ички“. Чтобы при выговариваніи словъ, требующихъ необычнаго ударенія, не встрѣчалось недоразумѣнія, нами надъ подлежащими слогами поставленъ знакъ ударенія.

У бóльшей части пѣвцовъ, впрочемъ, правильный хорейскій размѣръ утратился: неизмѣннымъ остается только условіе, чтобы въ стихѣ было *три* ударенія; изъ слоговъ же, неимѣющихъ ударенія, можетъ быть выпущено, по надобности, сколько угодно, лишь бы между двумя слогами съ удареніемъ оставался одинъ *безъ* ударенія. Такъ образовался особый размѣръ, полухорейскій, полудактилическій *) (хорошо извѣстный всякому читателю по знаменитой лермонтовской „Пѣснѣ про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова“, оче-

*) Подъ *дактилемъ* (— ∪ ∪) мы разумѣемъ здѣсь вообще стопу изъ одного длиннаго и двухъ короткихъ слоговъ, такъ какъ и *амфибрахій* (∪ — ∪), и *анапестъ* (∪ ∪ —) обращаются въ дактиль, если въ началѣ стиха выпустить одинъ или два слога.

видно, навѣянной на чуткаго поэта „Древними Стихотвореніями“ Кирши Данилова):

„Закатѣлося красное солнышко,
Закатѣлось за горушки высокія,
За моря глубокія, широкія,
Разсаждались часты звѣзды по свѣтлу небу.“

Нерѣдко первое удареніе въ стихѣ бываетъ и не на третьемъ слогѣ, а на второмъ или на первомъ:

„Дружина моя добрая, хоробрая,
Тридцать молодцевъ безъ единого!“

Точно также къ концу стиха нерѣдко прибавляются лишніе слоги, изъ которыхъ въ такомъ случаѣ послѣдній получаетъ нѣкоторое удареніе, сообщающее стиху особенную, размашистую упругость:

„Я какъ ржи напашу да въ скірды сложу,
Въ скірды сложу, съ поля вѣволочю,
Съ поля вѣволочю, дома вѣмолочю,
Драни надеру да пѣва накурю,
Пѣва накурю да гостей заберу,—
Стануть гости пить, стануть кѣшати,
Стануть здравствовать меня да похвалявати:
— Ай ты здравствуешь, Микула Селявиновичь!“

Только въ 6-мъ и въ 8-мъ стихахъ сохранено здѣсь обыкновенное дактилическое окончаніе (—оо). Такимъ полухореическимъ, полудактилическимъ размѣромъ изложены у насъ три былины о „старшихъ“ богатыряхъ (№ №: 1,

11 и 12), и первая и послѣдняя былины объ Ильѣ Муромцѣ (№№: 9 и 23). Не говоря уже о томъ, что возстановить въ этихъ былинахъ, безъ ущерба для ихъ содержанія, правильный хореическій стихъ, которымъ онѣ вѣроятно также были нѣкогда сложены, представлялось бы очень затруднительнымъ, такъ какъ не имѣется на лицо ни одного варіанта ихъ такого стихосложенія, — по нашему мнѣнію, неровный, своевольный хореическо-дактилическій размѣръ даже соотвѣтствуетъ какъ стихійному характеру старшихъ богатырей и появляющихся въ первой былинѣ объ Ильѣ каликъ переходящихъ, такъ и нетвердымъ шагамъ муромскаго героя, сейчасъ послѣ исцѣленія его отъ тридцатилѣтняго паралича и при закатѣ его дней, когда онъ по-старчески при всякомъ случаѣ сѣдой головой покачиваетсяъ.

Третій размѣръ, весьма схожій съ предъидущимъ, отличается отъ него только обиліемъ во многихъ стихахъ дактилическихъ стопъ:

„Высотá ли — высотá поднебésная!
Глуботá — глуботá океáнь-море!“

Или:

„Здравствуешь, сблнышко Владíмиръ князь!
Дáй, госудáрь, намъ праведный сýдь,
Дáй на Чури́лу сына Пленковичá.“

Благодаря дактилямъ, стихъ дѣлается игривымъ, какъ бы рѣзво скачущимъ. Этимъ размѣромъ поются всѣми рцсодами и изложены и у насъ двѣ веселыя былины объ удалыхъ молодцахъ: Соловьѣ Будиміровичѣ (№ 8) и Чурилѣ

Плѣновичѣ (№ 18). Прибаутки къ былинамъ — эти вызывающіе ритурнели въ началѣ или въ концѣ ихъ — также иногда принимаютъ дактилическій складъ:

„Нашему хозяину честь бы была,
 Намъ бы, ребѣтамъ, ведро пѣва было:
 Самъ бы испѣлъ, да и намъ бы поднѣсь.“

Изрѣдка въ прибауткахъ допускаются, среди такихъ дактилическихъ стиховъ, чисто-хореическіе, даже съ хореическимъ окончаніемъ:

„Охъ вы, рощи, рощи зеленія! липушки цвѣтныя!“

Или короткій хореическій стихъ:

„Здунинай-най-най!
 Болѣ пѣть впередъ не знай.“

Гомеровскія пѣсни въ древней Греціи пѣлись, какъ извѣстно, речитативомъ. Напѣвы нашихъ народныхъ расподовъ также очень просты и не ушли далеко отъ речитатива. У каждаго пѣвца для десятковъ былинъ одинъ, два, много три разныхъ напѣва; но ускореніемъ или замедленіемъ пѣнія, возвышеніемъ или пониженіемъ голоса чрезвычайно разнообразятся напѣвы, такъ что тотъ-же многосложный мотивъ на нѣсколькихъ нотахъ въ одной былинѣ звучитъ грозно-торжественно, въ другой протяжно-уныло, въ третьей весело-игриво. „Въ Ставрѣ“, какъ выразился Рябининъ, „надо пѣть толще, а въ Потыкѣ тонше“. Точно также полезно, по нашему мнѣнію, и при чтеніи вслухъ былинъ, примѣнительно къ ихъ содержанію, „утолщать“ или „уточать“ тонъ.

Въ заключеніе не можемъ не выразить искренней признательности извѣстному изслѣдователю древне-кіевскаго эпоса, профессору О. Ѳ. Миллеру и В. Ф. Гильфердингъ: первому — за сдѣланныя намъ указанія на многія такія черты, которыя служатъ къ болѣе отчетливой обрисовкѣ кіевскихъ богатырей, особенно главнаго изъ нихъ — Ильи Муромца; послѣдней—за предупредительно-предоставленное намъ право воспользоваться для нашей книги столь удачнымъ портретомъ гѣвца Рябина (работы Л. А. Сѣрякова), приложеннымъ къ сборнику ея покойнаго супруга.

ВЫЛНУ.

БЫЛИНА ПЕРВАЯ.

ВОЛГА ВСЕСЛАВЬЕВИЧЪ.

Нашему хозяину честь бы была,
Намъ бы, ребятамъ, ведро пѣва было:
Самъ бы испѣлъ да и намъ бы поднёсъ.
Станемъ мы, ребята, сказывать,
А вы, люди добрые, послушайте
Что про старое время, про доселѣшнее.
Изъ-за лѣсу было изъ-за темнаго,
Изъ-подъ чуднаго вѣста съ-подъ Леванидова, ⁽¹⁾
Изъ-подъ бѣлаго горяча камня Латыря—⁽²⁾
Тутъ повышла, повышла, новыбѣжала,
Выбѣгала-вылежала матка Волга-рѣка,
Мѣстомъ шла она ровно три тысячи версть,
А и много-же въ себя она рѣкъ побрала,
Да побольше того вѣдь ручьевъ пожрала,
Широкѣ-далекѣ подъ Казань прошла,
Шире, далѣй того да подъ Астрахань;
Здѣсь пускала устьѣ ровно семьдесятъ версть,
Выпадала во морюшко Хвалынское.
Да все это, братцы, не старинушка,
Все-то это, братцы, прибауточка,
А теперь старинамъ у насъ зачѣнь пойдетъ.

* *
*

Какъ не красно солнце въ небѣ разыгралося —
 Какъ во стольномъ городѣ во Кіевѣ .
 У Владиміра у князя солныша
 Заводилось пированьице — почѣстенъ пиръ,
 Собирались всѣ князья да бояре,
 Русскіе могучіе богатыри, ⁽³⁾
 ✓ Да и поленницы ли удальи. ⁽⁴⁾
 А живетъ во городѣ во Кіевѣ
 У своей любезной рѣдной матушки,
 У честной вдовы Афимьи Александровны,
 Добрый мѣлодецъ, боярскій сынъ,
 Что по имени Добрынюшка Никитичъ младъ. ⁽⁵⁾
 Какъ садила его матушка за грамоту,
 Какъ учила уму-разуму да вѣжеству,
 Какъ возрѣстила до полного до возраста, —
 Сталъ Добрынюшка въ чисто поле поѣзживать,
 На почѣстенъ пиръ къ Владиміру показивать,
 На пиру да во гусѣдышки поигрывать.
 А и будетъ день во половину дня,
 Княженецкій столъ да во полу-столъ,
 За столомъ всѣ пьяны-веселы,
 Самъ Владиміръ свѣтель-радошень, —
 Во столовую во гридню княженецкую
 Входитъ тутъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
 Крестъ владеть да по писаному,
 И поклонъ ведетъ да по учёному,
 Поклоняется на всѣ четыре стороны,
 Солнышку Владиміру въ особину.
 Проводили мѣлодца тутъ во большой уголь,
 Во большой уголь, во мѣсто бѣльшее,
 За столы садили за дубовые,
 За тѣ яства за сахарныя,
 За тѣ питья за медвяныя.
 Не золотая трубочка вострубила,

Не серебряна сапѳочка возыграла—
Воспрогѳворилъ самъ батюшка Владиміръ князь,
Воскричалъ да громкимъ голосомъ:

„Гой вы, слуги мои, слуги вѳрные!

Наливайте-ка вы чару зеленá вина,
Наливайте чару пива пьянаго,
Наливайте чару меду сладкаго,
Слейте всѳ три чары во едѳную,
Подносите чару добру мѳлодцу,
Молоду Добрынюшкѳ Никитичу“.

Слушались князя слуги вѳрные,

Наливали чару зеленá вина,
Наливали чару пива пьянаго,
Наливали чару меду сладкаго,
Слили всѳ три чары во едѳную:
Стала мѳрой чара въ полтора ведра,
Стала вѳсомъ чара въ полторá пуда;
Подносили молоду Добрынюшкѳ.
Принималъ ее Добрыня едѳной рукой,
Выпивалъ ее Никитичъ едѳнымъ духомъ.
Самъ Владиміра на томъ поздравствовалъ.

И спрогѳворить Владиміръ стольно-кѳевскій:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!

А бери-ка ты гусѳлышки ярѳчаты,
Поподѳрни-ка во струнки золочѳныя,
По уныльнѳму сыграй намъ, по умильному,
Во другой сыграй да по весѳлому.“

Какъ беретъ Добрыня во бѳлы руки
Тѳ звончатя гусѳлышки ярѳчаты,
Поподѳрнетъ да во струнки золочѳныя,
Заиграетъ стихъ Еврейскій по уныльному,
По уныльному да по умильному—
Во пиру всѳ призадумались,
Призадумались да позаслушались.

Заигралъ Добрыня по весѣлому,
 Игрище завель отъ Ерусѣлима,
 Игрище другое отъ Царя-града,
 Третіе отъ стольна града Кіева—
 Во пирѹ привель всѣхъ на весельице.
 Какъ Владиміру игра та показалася,
 Говорить Владимірь стольно-кіевскій:
 „Ай же ты, лихой игровъ Добрынюшка!
 Распотѣшь-ка мнѣ еще князей да бѣаровъ,
 Звеси могучіихъ богатырей:
 Заведи старінку стародавнюю
 Про того про старшаго богатыря,
 Про удѣлаго Вольгѹ Всеславьича.“ (6)

Какъ повель опять Добрыня по гусѣлышкамъ,
 Заигралъ напѣвки святорусскія,
 Заводилъ старінку стародавнюю
 Про удѣлаго Вольгѹ Всеславьича:

* * *

„Заватилось красное солнышко,
 Заватилось за горушки высокія,
 За моря глубокія, широкія,
 Разсаждались часты звѣзды по свѣтлѹ небу—
 Нарождался на матушкѣ святой Руси
 Молодой богатырь Вольгѹ Всеславьевичъ.
 Только будетъ Вольгѹ полтора часа,
 Говорить Вольгѹ, будто громъ гремитъ:
 „— А и гой еси, сударыня матушка,
 Молодая Марѣа Всеславьевна!
 Ты не пѣленай во пѣлену червчатую,
 Не поясай въ поясы шелкѣвые—
 Пеленай меня, сударыня матушка,
 Въ вѣрѣнкія латы булатныя,

А на буйну голову влады златъ шоломъ,
Въ праву руку—пáлицу свинцовую,
Чтобы вѣсомъ была пáлица въ триста пудъ.—

„Росъ-подрось Вольгá до пяти годковъ,
Какъ пошёлъ Вольгá по сырôй землѣ—
Мать-сырá земля всколыбалася,
По темнѣмъ лѣсамъ звѣри разбѣжались,
По подоблачью птицы разлетались,
По синю морю рыбы разметались.
И пошелъ Вольгá Всеславьевичъ
Обучаться всякимъ хитростямъ-мудростямъ:

Обучался первой хитрости-мудрости—

✓ Обертываться яснымъ соколомъ;
Обучался другой хитрости-мудрости—
Обертываться сѣрымъ волкомъ;
Обучался третьей хитрости-мудрости—
Обертываться туромъ—золотые рога.

Да задáлся отъ семи годовъ,

Обучался до двѣнадцати.

Сталъ дружину себѣ набирать Вольгá,

Дружинушку добрую, хорóбрую,

Набиралъ дружину трѣ года:

Самому Вольгá пятнадцать лѣтъ,

И всей его дружинѣ по пятнадцати.

Тридцать мóлодцевъ набралъ безъ одинаго,

Становился самъ тридцатымъ.

„И возгóворить Вольгá таковы́ слова:

„— Дружина моя добрая, хорóбрая,

Тридцать мóлодцевъ безъ одинаго!

Слушайте-ка братца большаго,

Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:

Отъ моей отъ славы богатырска

Звѣри ушли во темнѣ лѣса,

Птицы ушли подъ оболова;

Рыбы ушли во синё море,
 Во синё море, въ глубокой станы;
 Вейте-ка тенета шелковья,
 Становите-ка ихъ во темномъ лѣсу,
 Во темномъ лѣсу, по сырѣй землѣ,
 И ловите въ нихъ куницъ и лисицъ,
 Всякихъ дивихъ звѣрей и черныхъ соболей. —

„Они слушали братца большаго,
 Дѣлали дѣло повелѣное:
 Вили тенета шелковья,
 Становили ихъ во темномъ лѣсу,
 Во темномъ лѣсу, по сырѣй землѣ,
 Ловили три дня и три ночи —
 Не могли добыть ни одного звѣрка.
 Обернулся Вольга лютымъ звѣремъ,
 Поскочилъ въ темный лѣсъ, по сырѣй землѣ,
 Загонялъ въ тенета куницъ и лисицъ,
 Всякихъ дивихъ звѣрей и черныхъ соболей;
 Ни медвѣдю, ни волку спуску нѣтъ;
 Да и мелкимъ звѣрюшкомъ не брѣзгивалъ:
 Забиралъ поскакучихъ заюшекъ,
 Бралъ и малыхъ горнастаюшекъ.
 И поилъ-кормилъ онъ дружиннушку.
 Обувалъ-одѣвалъ добрыхъ молодцевъ.
 И носили они шубы соболиныя,
 Перемѣнныя шубы-то — барсовыя.

„И возгѣворить Вольга таковыя слова:

„ — Дружинушка моя добрая, хорѣбрая!

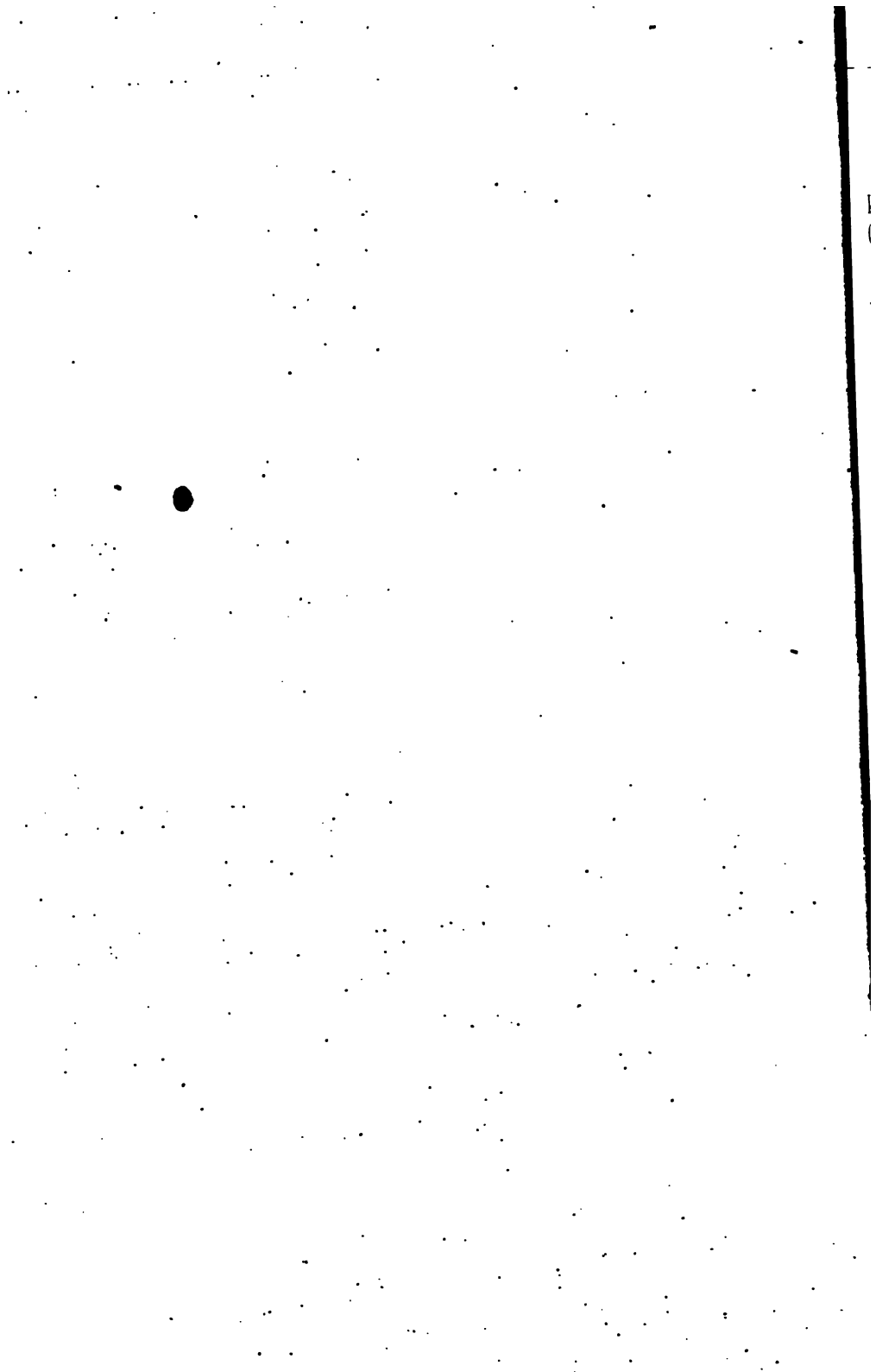
Слушайте-ка братца большаго,
 Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
 Звѣри въ лѣсахъ всѣ повѣловлены;
 Вейте-ка сѣти шелковья,
 Становите-ка ихъ во темномъ лѣсу,
 Во темномъ лѣсу, на самый верхъ,

І. ВОЛЫГА-ВСЕСЛАВІЕНІЦЬ.

Стр. 8.

Обернуся Воляга яснымъ соколомъ,
Полетѣтъ Воляга по подоблачю,
Заворачивае въ сѣти гусей-лебедей,
Сѣбныхъ вточекъ и малыхъ пташечекъ.

И ловите въ нихъ гусей-лѣбедей,
Сърыхъ уточекъ и малыхъ пташечекъ. —

„Они слушали братца бѣльшаго,
Дѣлали дѣло повелѣное:
Вили сѣточкы шелковья,
Становили ихъ во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу, на самый верхъ,
Ловили три дня и три ночи —
Не могли добыть ни одной птички.
Обернулся Вольга яснымъ соволомъ,
Полетѣлъ Вольга по подоблачью,
Заворачивалъ въ сѣти гусей-лѣбедей,
Сърыхъ уточекъ и малыхъ пташечекъ.
И поилъ-кормилъ онъ дружинущку,
Всѣ-то яства у него отборныя,
Перемѣнныя яства — сахарныя.

„И возговорить Вольга таковы слова:

„— Дружина моя добрая, хоробрая!
Слушайте-ка братца бѣльшаго,
Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
Звѣри-птицы въ лѣсахъ всѣ повѣловлены;
Вы берите-ка топоры дроворубныя.
Стройте-ка суденышко дубовое,
Ладьте-ка тонева шелковыя,
Поплавочки кладите чиста золота.
Выѣзжайте на синѣ море,
И ловите рыбу-сѣмжинку, бѣлужинку,
Дорогую рыбку осѣтринку,
Да и щученьку, малую плотиченьку. —

„Они слушали братца бѣльшаго,
Дѣлали дѣло повелѣное:
Брали топоры дроворубныя.
Строили суденышко дубовое,
Ладили тонева шелковыя.

Выѣзжали на синѣ море,
 Ловили три дня и три ночи—
 Не могли добыть ни одной рыбки.
 Обернулся Вольгá рыбой-щучиной,
 Опустился Вольгá во синѣ море,
 Изъ глубокихъ станóвъ рыбъ выпугалъ,
 Заворачивалъ рыбу-сѣмжинку, бѣлужинку,
 Дорогую рыбку осѣтринку,
 Бралъ и щученьку, малую плотиченьку...
 „Какъ прошла тутъ слава великая
 Ко стольному граду Кіеву,
 Что индейскій царь (7) снаряжается,
 Стольный Кіевъ градъ взять похваляется,
 Божьи церкви разорить, на дымъ пустить.
 И возгóворить Вольгá таковы слова:

„—Дружина моя добрая, хорóбрая!
 А и есть ли удалый добрый мóлодецъ,
 Чтó сходилъ бы во царство индейское,
 Про царя Салтыва Ставрúльевича
 Да про думу его тайную провѣдати,
 Думаетъ ли ѣхать на святую Русь?
 Того мóлодца я буду жаловать
 За его за услугу великую.—

„Тутъ всѣ мóлодцы добрые, хорóбрые—
 Большой тулется за средняго,
 Средній тулется за мѣньшаго,
 А отъ мѣньшаго и отвѣту нѣтъ.
 Какъ-бы листь со травой пристилается,
 Вся дружина его приклоняется:

„—Ужъ такого ли уда́ла добра мóлодца
 Нѣтъ опричь тебя, Вольгá Всеславича!—

„—Такъ ужъ видно жъ Вольгá самому пойдти!—

„Обернулся туромъ—золотые рога,
 Первый сковъ за цѣлú версту скочилъ,

А другой-то скобъ не могли найти.
 Добѣжалъ до царства индейскаго,
 Обернулся малой птицей-пташицей,
 Садился на царское окошечко,
 И слушалъ рѣчи тайныя.

„Говорить царь Салтыкъ Ставрुльевичъ
 Со своею царицей Азвяковной:

„—Ай же ты, жена возлюбленная,
 Молодая царица Азвяковна!

Знаешь ли мою царскую выдумку?—

„Говорить царица Азвяковна:

„—Ай же, царь Салтыкъ Ставрुльевичъ!

Какъ мнѣ знать твою царскую выдумку?—

„Говорить царь Салтыкъ Ставрульевичъ:

„—Я задумалъ ѣхать на святую Русь,

Завоюю девять городовъ на Руси,
 Подарю города девяти сынамъ,
 Самому себѣ возьму славный Кіевъ градъ,
 А тебѣ, царица Азвяковна,
 Подарю дорогую шубоньку.—

„Говорить царица Азвяковна:

„—Ночью спалось—во снѣ мнѣ видѣлось:

Съ-подъ восточной съ-подъ сторонушки
 Налетѣла мала птица-пташица,
 А съ-подъ западной съ-подъ сторонушки
 Налетѣла птица черной воронъ;
 Во чистомъ полѣ онѣ слеталися,
 Межъ собою бились-подиралися;
 Малая-то птица-пташица
 Черна ворона повѣлелевала,
 По перышку его повѣщипала,
 На вѣтеръ всего повѣпустила.
 Малая птица-пташица—
 Молодой богатырь Вольга Всеславьевичъ,

Черный воронъ—царь Салтыкъ Ставрѹльевичъ.—

„Какъ тѣ рѣчи царю не слюбилися:

Какъ ударить онъ царицу по бѣлѹ лицу,

Повернется—и въ другой-то разъ,

Кинетъ царицу о кирпичать полъ.

Кинетъ ее и въ другой-то разъ:

„—А поѣду же я на святую Русь.

Завоюю девять городовъ на Руси.

Подарю города девяти сынамъ,

Самому себѣ возьму славный Кіевъ градъ!—

„Воспрогѡворить Вольгá Всеславьевичъ:

„—Ай ты, царь Салтыкъ Ставрѹльевичъ!

Не бывать тебѣ на святой Руси,

Не владѣть тебѣ градомъ Кіевомъ!—

„Обернулся Вольгá сѣрымъ волкомъ.

Поскочилъ Вольгá на конюшенъ дворъ,

Добрыхъ коней всѣхъ поперебралъ,

Глотки у всѣхъ поперебралъ:

Обернулся малымъ горнастаюшкой,

Побѣжалъ по подваламъ, по погребамъ,

У тугихъ луковъ тетивки накусывалъ,

У валѣныхъ стрѣлъ желѣзца повѣнчивалъ,

Сабли острыя повищербилъ,

Палицы булатныя дугой согнулъ.

Обернулся тогда яснымъ соколомъ,

Высоко взвился по подоблачью.

Полетѣлъ далече во чисто поле.

Ко дружинишеѣ доброй, хороброй,

Разбудилъ удалыхъ добрыхъ мѡлодцевъ:

„—Гой, дружина моя добрая, хоробрая!

Не время теперь спать, порá вставать!

Мы пойдѣте-ка къ царству индейскому!—

„И пошли они къ царству индейскому,

Подѡшли къ стѣнѣ бѣлокаменной:

Крѣпкѣ стѣна бѣлокаменна,
Ворѣты въ стѣнѣ желѣзныя,
Крюкѣ-засовы всѣ мѣдныя,
Стоять караулы денны-ночны,
Стоить подворотня—дорогъ рыбій зубъ,
Мудреные вырѣзы вырѣзаны,
А и только въ вырѣзъ мурашу пройти.
Закручинились мѣлодцы, запечалились:

„— Потерять, знать, даромъ буйны головы!

А и какъ намъ будетъ стѣну пройти?—

„Молодой Вольга догадливъ былъ:

Самъ себя обернулъ мурашикомъ
И всѣхъ добрыхъ мѣлодцевъ мурашками—
Прошли они стѣну бѣлокаменну,
На ту сторону, въ царство индейское.
Обернулъ опять добрыми мѣлодцами
Со всею со сбруею ратною,
Говорить имъ самъ, приказъ даетъ:

„— Дружина моя добрая, хорѣбная!

Вы ходите-ка по царству индейскому,
Вы рубите-ка и стараго и малаго,
Не оставьте въ царствѣ на сѣмена;
Оставьте только женскій полъ,
Красныхъ дѣвушекъ-душечекъ по выбору
Немного немало— семь тысячей.—

„А и ходятъ они по царству индейскому,

А и рубятъ и стараго, и малаго,
А и только оставляютъ женскій полъ,
Красныхъ дѣвушекъ-душечекъ по выбору
Немного немало— семь тысячей.

„— Дружина моя добрая, хорѣбная!

А станемъ-ка теперь полонѣ дѣлать.—

„Что было на дѣлежѣ дорогого,

Что было на дѣлежѣ дешево?

Добры вѣни были по семи рублей,
Сабли острыя по пяти рублей,
Тяжки палицы булатныя по трѣ рубля.
А то было дешево—женскій полъ:
Старушечки были по полושечкѣ,
Молодѣшечки по двѣ полושечки,
Красны дѣвушки-душечки по денежкѣ.

„То старина, то и дѣянье!

Синему морю на утѣшенье,
Старымъ людѣмъ на послушанье,
Молодымъ молодцѣмъ на перенѣманье,
А веселымъ молодцѣмъ на потѣшенье,
Сидячій во бесѣдушнѣ смиренной,
Испиваючи медь, зеленѣ вино;
А и гдѣ мы пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Государю-свѣту, красну солнышку,
Нашему хозяину ласковому!“

БЫЛИНА ВТОРАЯ.

ДУНАЙ ИВАНОВИЧЪ СВАТОМЪ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА.

Хорошо Добрынюшка Никитичъ младъ
Во гусѣлышкѣ играетъ во ярѣвчаты,
Хорошо поетъ старѣнку стародавнюю
Про удалаго Вольгу Всеславьича
Со его дружиной доброю, хорѣброю.
На пиру всѣ пріутихли, пріумолкнули,
Пріумолкнули да прислушались.
Какъ встаетъ изъ-за стола за задняго
Старый тутъ Бермята (8) сынъ Васильевичъ,
Говоритъ самъ таковыя слова:

„А слыхалъ еще я отъ старѣхъ людей,
Что того Салтыва-то Ставрulichа,
Ухвата, Вольга ударилъ о кирпичатъ полъ,
Во крохи расшибъ да самъ царемъ насѣлъ,
Взялъ себѣ царицею Азвяговну,
А его дружина добрая, хорѣбрая
На тѣхъ красныхъ дѣвушкахъ переженилася“.

Какъ тутъ солнышко Владиміръ распотѣшилсѣ,
Повскочилъ со мѣста княженецкаго,
По столовой гриднѣ запохаживаль,
Частую бородку запоглаживаль,
Бѣлыми руками заразвѣживаль,
Желтыми вудрѣми запотрѣживаль,

Пословечно сударь выговáривалъ:

„Гой же вы, мои князья да бояре,
Сильные, могучіе богатыри!
Всѣ-то вы во Кіевѣ пожѣнены,
Всѣ-то дѣвушки-бойрушки повѣданы,
Только я, Владиміръ, не женатъ живу,
Не женатъ живу да холостымъ слыву.
Вы не знаете ли, братцы, красной дѣвицы,
Красной дѣвицы—мнѣ, князю, супротивницы:
Чтобы станикомъ была ровнѣшенька,
Ростомъ, какъ и самъ я, высокóшенька,
Очи были бѣ ясна сокола,
Брови были бѣ чѣрна соболя,
Тѣло было бѣ снѣгу бѣлаго,
Красотой красна и мнѣ умомъ сверстна:
Было бѣ съ кѣмъ мнѣ думушку подумати,
Было бѣ съ кѣмъ словечко перемолвити,
Во пиру-бесѣдушѣ кѣмъ похвалитися,
А и было бы кому вамъ поклонитися,
Было бы кому вамъ честь воздать“.

Говоритъ Бермята сынъ Васильевичъ:

„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
Бласлови-ка, государь, мнѣ слово вымолвить.
Знаю я тебѣ княгиню—красну дѣвицу,
Красну дѣвицу да супротивницу:
Какъ во той землѣ, во хоробрóй Литвѣ,
У того у короля литовскаго ⁽⁹⁾
Есть двѣ дочери любимыя на вѣданѣ;
Бóльшая-то дочь Настасья королевична
Не пойдетъ къ тебѣ княгинею-царицею:
Ѣздитъ въ полѣ сильной поленицею;
Мѣньшая же дочь Апраксья королевична ⁽¹⁰⁾
Въ теремѣ сидитъ все, во златомъ верху,
Что за тридевятью ли замочками

Да за тридевятью сторожѣчками:
 Красно солнышко ее не запечеть,
 Буйны вѣтрушки ее не обвѣютъ,
 Многи люди не увидятъ, не обзѣрятся.
 А и ростомъ-то она высокая,
 А и станомъ становитая,
 Красотою красовитая:
 Черны брови—соболя заморскаго,
 Ясны очи—собола пролѣтнаго,
 Личушкомъ бѣла какъ зимній снѣгъ,
 Да и въ грамотѣ-то поучѣная:
 Будеть съ кѣмъ тебѣ свой вѣкъ корѣтати,
 Будеть намъ кому и честь воздать.“

Какъ то слово князю по душѣ пришло,
 Больно солнышку словечко полюбилось,
 И возгѣворить онъ таковы слова:

„Ай же вы, мои князья да бояре,
 Ай же вы, могучіе богатыри!
 А кого же мнѣ послать посвататься
 За меня за князя за Владимира
 У того у короля литовскаго
 На прекрасной на Апраксѣ королевичнѣ?“

Всѣ за столикомъ сидятъ, умолкнули,
 Приумолкнули да приутихнули,
 Приутихнули да затулялися:
 Бѣльшіе туляются за среднихъ,
 Средніе туляются за меньшихъ,
 А отъ меньшей тулицы-то и отвѣту нѣтъ.

Возстаетъ опять Бермята сынъ Васильевичъ:

„Гой еси ты, солнышко Владимиръ князь!
 Благлови еще мнѣ слово молвити.
 Ты пошли-ка сватомъ добра мѣлодца,
 Тихаго Дунаюшку Иванова ⁽¹⁾:.
 Тихій-то Дунай вѣдь во послахъ бывальъ,

Много множество чужихъ земель видалъ,
Тихій-то Дунай и говорить гораздъ—
Ужъ кому, какъ не ему бы, и посвататься.“

Не изъ ббльшаго тутъ мѣста, не изъ мѣньшаго,
Изъ того ли мѣста да изъ средняго,
Изъ-за стбля изъ-за бѣлодубова
Возстаетъ удалый добрый молодець,
Тихій тотъ Дунай Ивановичъ,
Понизѣнью князю поклоняется:

„Гой еси ты, государь нашъ батюшка,
Ласковый Владиміръ стольно-кѣвскій!
Бласлови и мнѣ словечю молвити,
Безъ казнѣнія, безъ дальней высылки?“

Говоритъ Владиміръ стольно-кѣвскій:

„Ай же, тихій ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
Хочешь говорить, такъ говори теперь.“

„Жилъ я, государь, во хоробрѣй Литвѣ
Девять лѣтъ у короля литовскаго:
Три года у короля я вѣнчалъ,
Три года у короля я стольничалъ,
Три года у короля я вѣшничалъ.
А и вѣрно слово говорилъ тебѣ
Старый человекъ Бермята сынъ Васильевичъ:
Есть двѣ дочери у короля литовскаго,
Обѣ дочери—пригожія, хорошія.
Много вѣживалъ я по инымъ землямъ,
Много видывалъ я королевиченъ,
Много видывалъ и изъ ума пыталъ:
Та красна лицомъ—да не сверстна умомъ,
Та сверстна умомъ—да не красна лицомъ.
Не нахаживалъ я эдакой красавицы,
И не видывалъ я эдакой пригожицы,
Какъ та младша дочка королевская,
Молода Апраксыя королевична:

Ходить — словно бѣлая лебѣдушка,
Глазомъ глянетъ — словно свѣтлый день;
А и въ грамотѣ-то больно гóраздо.
Было бы тебѣ съ кѣмъ жить да быть,
Было бы кого назвать намъ матушкой,
Величать намъ государней!“

„Ай же ты, Дунаюшка Ивановичъ!
Ты умѣлъ ее тепериче повѣхвастать,
Такъ умѣй-ка ты ее оттолъ и вывести.
Ты возьми съ собою силы сорокъ тысячей,
Ты возьми казны да десять тысячей,
Поѣзжай во ту во хоробру Литву,
О томъ добромъ дѣлѣ да о свѣтовствѣ
На прекрасной на Апраксѣ королевичѣ.“

Скоро бралъ Владиміръ чарочку хрустальную,
Дорогаго хрустала восточнаго,
Со краями позлаченными,
Наливалъ во чару зеленá вина,
Да не малую стопу, а полтора ведра,
Разводилъ медами да стоялыми,
И подносить тихому Дунаюшеѣ;
Скоро бралъ Дунаюшка Ивановичъ
Чарочку отъ князя во бѣлы ручки,
Принималъ одною ручкою,
Выпивалъ однимъ душкомъ,
Подавалъ назадъ Владиміру,
Понизенько князю поклоняется:

„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
А не надобно мнѣ силѣ княженецкія,
И не надобно мнѣ золотой казны:
Да не биться же мнѣ тамъ, не рѣтиться;
Дай-ка только мнѣ товарища любимаго,
Молода Добрынюшку Нивитича:
Роду онъ, Добрынюшка, хорошаго.“

Да умѣеть онъ съ людьми и рѣчь вести;
Соизволь еще сходить намъ на конюшенъ дворъ,
Выбрать двухъ жеребчиковъ неѣзжанныхъ,
Выбрать два сѣдлышка недѣржанныхъ,
Да еще двѣ плѣточки нехлѣстныхъ,
Самъ пиши-ка ярлыки да скорописчаты
О томъ добромъ дѣлѣ да о сватовствѣ.“

Браль опять Владиміръ чару во бѣлы ручки,
Наливалъ во чару зеленá вина,
Разводилъ медами да стоялыми,
И подноситъ молоду Добрынюшеѣ:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
А пожалуй-ка къ Дунаю во товарищи;
Да идите съ нимъ вы на конюшенъ дворъ,
Да берите тамъ всего, что надобно.“

Скоро всталъ Добрыня на рѣзвы ножки,
Скоро браль отъ князя чару во бѣлы ручки,
Принималъ одною рукою,
Выпивалъ однимъ душеомъ,
Понизѣнько князю еланялся;
Скоро шли они съ палаты бѣлокаменной,
Выходили на конюшенъ дворъ,
Брали двухъ жеребчиковъ неѣзжанныхъ,
Брали два сѣдлышка недѣржанныхъ,
Да еще двѣ плѣточки нехлѣстныхъ,
Сами обкольчужились, облатились,
Приняли еще отъ князя солнышка
Ярлыки тѣ скорописчаты,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали;
А и видѣли ихъ на коней-то сядючи,
Да не видѣли ихъ на коняхъ поѣдучи:
Будто ясны соболю воспорхнули,
По пути-дорожѣ только пыль пошла.

Какъ поѣхали они тутъ изъ земли въ землю,

Изъ земли въ землю да изъ орды въ орду,
Пріѣзжали скоро въ хоробрѹ Литву,
Ко тому ли королю литовскому,
Заѣзжали на широкой королевской дворъ,
Становились противъ самыхъ окошечекъ,
Соскочили со добрыхъ коней.

Говоритъ Дунаюшка Ивановичъ:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты побудь-ка тутъ, покарауль коней,
Подъ окошечкомъ косящатымъ похаживай,
За собой добрыхъ коней похаживай,
Во палаты королевския поглядывай,
Поспѣвай на выруку, какъ позову тебя.“

Самъ проходитъ во палаты королевския;
Знаетъ онъ порядки королевские:
Что не надо ни креститься, ни молитвиться, —
Бьетъ челомъ лишь королю онъ, поклоняется:

„Здравствуй, батюшка, король ты хоробрѹ Литвы!“

На Дуная тутъ король оглянется:

„Ай же, тихій ты Дунай да сынъ Ивановичъ!

А и жилъ ты у меня вѣдь цѣлыхъ девять лѣтъ:

Три года ли жилъ во конюхахъ,

Три года ли жилъ во стольнибахъ,

Три года ли жилъ во ключнибахъ,

Жиль-служилъ мнѣ вѣрой-правдою.

За твои услуги молодецкія

Посажу тебя теперь за большій столъ,

Посажу за большій столъ, во мѣсто большее,

Бшь-ка до-сыта да пей-ка до-люби.“

Посадилъ за большій столъ, во мѣсто большее

Тихаго Дунаюшку Иванова,

Самъ Дуная сталъ выспрашивать, вывѣдывать:

„А скажи, Дунай, скажи-ка, не утай себя,

За какимъ ты дѣломъ къ намъ пожаловалъ?

Насъ ли повидать, себя казать,
 Аль по старому пожить да мнѣ служить?“
 „Гой ты, батюшка, король ты хоробрѣй Литвы!
 Я не васъ пріѣхалъ повидать, себя казать,
 Не по старому пожить, тебѣ служить;
 Я прибыль о добромъ дѣлѣ къ вамъ—о свѣтовствѣ
 На твоей на дочери Апраксіи
 За Владиміра за внязя солнышка.“

Положилъ онъ ярлыки тутъ на дубовый столъ;
 А король въ сердцахъ ихъ мечеть о кирпичать полъ,
 Чѣрны кудри рветъ себѣ на головѣ,
 Говорить самъ таковы слова:

„Глупый внязь Владиміръ стольно-кіевскій!
 Меньшую-то дочку сватаеть,
 Большую во дѣвкахъ засадила!
 Коль Апраксю за кого просватаю,
 Такъ просватаю во Золоту Орду,
 За того собаку царя Каліина.
 Самого тебя, Дунаюшка Ивановичъ,
 Кабы прежде не служилъ мнѣ вѣрой-правдою,
 За твои за рѣчи неумильныя
 Посадила бы въ погребѣ глубокіе,
 Позадвинулъ бы дощечками желѣзными,
 Позасыпалъ бы песками рудожѣлыми,
 Пропитомствовалъ бы хлѣбушкомъ-водицею;
 Погостилъ бы у меня ты въ хоробрѣй Литвѣ,
 Ума-разума въ головку понабрался бы.“

Какъ тутъ тихому Дунаю за бѣду пало,
 Повскочилъ Дунаюшка да на рѣзвѣи ножки,
 Поднялъ ручку выше головы,
 Кулакомъ ударилъ по столу—
 Столъ дубовый порастрѣскался,
 Питья на столѣ порасплескались,
 Вся посуда на столѣ разсыпалась.

Какъ забѣгалъ тутъ король по застолью,
Куньей шубкой укрывается:

„Ахти, братцы! вѣтъ такъ на бѣду попалъ,
Ахти, братцы! на великую.

Какъ съ бѣдой, не знаю, развязатися?“

Со двора ли тутъ бѣгцы бѣгутъ, гонцы гонять:

„Ай ты, батюшка, король нашъ хоробрѣй Литвы!

Вѣшь ты, пьешь да утѣшаешься,

А невзгоды надъ собой не вѣдаешь:

На твоёмъ дворѣ на королевскомъ

Добрый мѣлодецъ невѣдомый уродствуется:

Во лѣвѣй рукѣ два повода шелковныхъ—

Держить двухъ коней да богатырскихъ,

Во правѣй рукѣ дубинка сорочинская,

Чебурацкаго свинцу налита въ сорокъ пудъ.

Яснымъ соболомъ онъ по двору полѣтываетъ,

Чернымъ ворономъ онъ по двору поархиваетъ,

Изъ конца въ конецъ онъ по двору поскакиваетъ,

На всѣ стороны дубинкою помакиваетъ,

Крупной силы побилъ сорокъ тысячей,

Мелкой силушки—и смѣты нѣтъ.

Неужто намъ изъ-за дѣвки всѣмъ погинути?“

А король-то бѣгаетъ по застолью,

Куньей шубкой укрывается:

„Ай же, тихій ты Дунаюшка Ивановичъ!

Ужъ попомни-ка ты стару хлѣбъ да соль,

Поуйми-ка своего товарища,

Видно, дѣчущка самимъ вамъ Богомъ сужена.

Ужъ вы служки, нянюшки да мамушки!

Вы бѣгите-ка во теремъ ко златымъ верхамъ,

Отмените тридевятъ замочиковъ,

Тридевятъ да сторожѣчиковъ

Къ молодой Апраксѣ королевичнѣ,

Поумойте дѣвицу блѣхонью,

Сокрутите хорошохонько,
Проводите на широкій дворъ,
Посадите на добра воня,
Отпустите на святую Русь,
Во замужество за князя за Владиміра.“

Выходилъ Дунай тутъ на крутой крылецъ,
Унималъ любимаго товарища:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Полю же тебѣ теперь уродствовать,
А и есть намъ, видно, помочь божія.“

Проходилъ самъ во златѣмъ верхамъ,
Тридевятъ замочиковъ отщѣлживалъ,
Дверцы со кривцовъ выстѣвливалъ—
Королевскія палаты запаталися.

А сидитъ во теремѣ, въ златомъ верху
Молода Апраксья королевична,
Во однихъ тонкихъ чулочкахъ безъ чоботовъ,
Русая коса-то пораспущена.
Какъ увидѣла Дунаюшку Иванова,
Испужалась бѣлая лебѣдушка,
Бросилась какъ угорѣлая.

Воспроговорилъ Дунай Ивановичъ:

„Ай же ты, Апраксья королевична!
А идешь ли ты за князя за Владиміра?“

Говоритъ Апраксья королевична:

„Ай ты, славный богатырь Дунай Ивановичъ!
Три года я Богу вѣдь молилася,
Чтобъ попастьъ замужъ за князя за Владиміра.“

Какъ пришли тутъ нянюшки да мамушки,
Поумыли-убѣлили красну дѣвицу,
Напушили личико ей бѣлое,
Сокрутили хорошохонько,
Проводили на широкій дворъ.
Бралъ ее Дунай да за бѣлы ручки,

На добра коня садилъ да къ головѣ хребтомъ,
Самъ Дунаюшка садился къ головѣ лицомъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
Да по славному раздолью по чисту полю.

Какъ настигла во раздольѣ во чистомъ полѣ.
Во пути-дороженьѣ ихъ ночеа темная,
Пораздѣрнули палатку полотняную,
Заходили во палатку опочивъ держать;
Въ ноженъи поставили добрыхъ коней,
Въ головы ли копыа долгомѣрныя,
По правой руцѣ ли сабли острья,
По лѣвой руцѣ ли палицы тяжелыя.
А и спать они да высыпаются,
Темну ночку сномъ корѣтають.
Темной ночею ничего не видѣли,
Ничего не видѣли, да много слышали,
Слышали погоню богатырскую,
Услыхали по́свистъ по-змѣиному,
Услыхали по́крикъ по-звѣриному.
Говоритъ Дунаюшка Ивановичъ:

„Гой же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Вѣдь за нами есть погоня богатырская.
Поѣзжай-ка со Апраксей королевичной
На святую Русь, во стольный Кіевъ градъ,
Къ ласковому князю во Владиміру,
Отвези ему поклоны, челомъ-бѣтьице,
Да подай ему невѣсту во бѣлы ручки.
Самъ я здѣсь останусь, во чистомъ полѣ,
Со богатыремъ побиться да поратиться.“

И садили красну дѣвицу да на добра коня,
На добра коня да къ головѣ хребтомъ,
Самъ Добрынюшка садился къ головѣ лицомъ,
Распростился и поѣхалъ съ красной дѣвицей
На святую Русь, на стольный Кіевъ градъ.

Тихій же Дунаюшка Ивановичъ
 Не съ упадкою, а со прихваткою,
 Со прихваткой богатырскою
 Ёдетъ ко богатырю на стрѣтушву.

Какъ не двѣ тутъ горушки сватилися —
 Съѣхалися два могучіихъ богатыря,
 Попытать ли богатырскихъ плечъ,
 Поиспробовать отваги молодецкія;
 Сдѣлали разѣздъ въ чистомъ полѣ,
 Съѣхалися во одно мѣсто,
 Приударили во палицы булатныя,
 Словно громъ грянулъ въ поднёбесьи —
 Палицы въ рукахъ ихъ приломилися.
 Какъ разѣхалися опять въ чистомъ полѣ,
 Съѣхалися во одно мѣсто,
 Приударили во сабли острыя —
 Остры сабли притупилися.
 Въ третій разъ разѣхалися въ чистомъ полѣ,
 Съѣхалися во одно мѣсто,
 Приударили во копыя долгомѣрныя —
 Вышибъ тихій тутъ Дунай Ивановичъ
 Изъ сѣдла лихаго супротивнича,
 Со добра коня сронилъ да на сыру землю,
 Самъ едва лишь усидѣлъ въ сѣдлѣ,
 Не казнилъ удала супротивнича,
 Только ко сырой землѣ копьемъ прижалъ,
 Въ бѣлу грудь тупымъ концемъ уперъ:
 „Ты скажись-ка мнѣ, удалый добрый мѣлодецъ,
 Ты коей земли, коей орды,
 Коего отца да коей матери?“
 Добрый мѣлодецъ ему отвѣтъ держить:
 „Ай же, тихій ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
 Что же ты меня не опозналъ?
 Во одной дороженькѣ со мною ѣзживалъ,

Во одной бесѣдушкѣ со мною сиживаль,
Со одной и чарочки со мною кушиваль.
Жиль у насъ вѣдь ровно девять лѣтъ:
Три года ли жилъ во конюхахъ,
Три года ли жилъ во стольникахъ,
Три года ли жилъ во влюшникахъ.“

„Ай же ты, Настасья королевична!
А почто ты ѣздишь по чисту полю,
Поленицею удалою полякуешь?“
„А почто вы, святорусскіе богатыри,
Увезли сестрицу мнѣ любимую?
А поляковать я ѣзжу во чисто поле—
Поискать себѣ да супротивнича:
А и кто меня побьетъ въ чистомъ полѣ,
За того мнѣ и замужъ идти.“

Говорить Дунаюшеа Ивановичъ:

„Во семи земляхъ служилъ я, во семи ордахъ,
Не съумѣлъ себѣ я выжить красной дѣвицы,
А теперъ я во чистомъ полѣ
Супротивницу нашель себѣ, обручницу.
Ай ты, молода Настасья королевична!
Собирайся-ка со мною въ путь-дороженью,
Свидывай-ка златъ целомъ со буйной головы,
Свидывай-ка латы со кольчугою,
Обряжайся по-дѣвичьему
Во простую епанечу бѣлую,
Да поѣдемъ-ка со мной во стольный Кіевъ градъ,
Къ ласковому князю ко Владиміру,
Сходимъ вмѣстѣ въ церковь божию,
Примемъ вмѣстѣ по злату вѣнцу.“

Обряжалася Настасья по-дѣвичьему,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
Прибыли во стольный Кіевъ градъ,
Подѣзжали къ матушеѣ ко церкви божіей;

А Владиміръ князь съ Апраксѣй королевичной
Въ церковь божію ужь во вѣнцу идетъ.
На церковномъ на крыльцѣ сестрицы встрѣтились,
Встрѣтились сестрицы, поздоровались:
Вмѣстѣ ли крестились и молитвились,
Вмѣстѣ ли пошли теперь и въ церковь божію,
Вмѣстѣ приняли и по злату вѣнцу,
Положили заповѣдь великую:
Съ мужевьями жить да быть, да вѣкъ корѣтати.
Завели тутъ свадебку, почѣстенъ пиръ,
Пированьице на весь крещённый людъ,
Не на мало, не на много—на двѣнадцать дѣнь.

БЫЛИНА ТРЕТЬЯ.

ДУНАЙ ИВАНОВИЧЪ и НАСТАСЬЯ КОРОЛЕВИЧНА ¹²⁾.

Въ стольномъ было городѣ во Кіевѣ
Ласковый Владиміръ князь вѣнчается
Со прекрасной со Апраксѣй королевичной,
Тихій ли Дунаюшка Ивановичъ
Съ бѣльшею сестрицею вѣнчается,
Съ молодой Настасѣй королевичной.
Какъ пошли со церкви божіей,
Приходили во палаты бѣлокаменны,—
Заводили тутъ почѣстенъ пиръ,
Пированьице на весь крещѣный людъ
Не на мало, не на много—на двѣнадцать дѣнь.
Всѣ-то за столы посажены,
Всѣмъ-то яства, питица налажены;
Всхоже солнышко идетъ ко западу,
Бѣлый день идетъ ко вечеру,
А почѣстенъ пиръ идетъ ко вѣселу;
Въ полъ-сыта всѣ наѣдаются,
Въ полъ-пьяна всѣ напиваются,
Всѣ промежъ собою порасхвастались:
Сильный хвастаетъ великой силушкой,
Голый щазъ—одѣжей цвѣтною,

А богатый—золотой вазной;
 Кто гораздъ бороться рукопашною,
 Кто гораздъ стрѣляти изъ туга лука,
 Кто гораздъ поѣздить на добромъ конѣ;
 Умный хвалится отцомъ да матерью,
 А безумный—молодой женой.

Какъ выходитъ тутъ Дунаюшка Ивановичъ
 Изъ-за тѣхъ изъ-за столовъ дубовыхъ,
 Изъ-за тѣхъ свамеечевъ окольныхъ,
 Отъ своей семеюшки любимыя,
 Молодой Настасьи королевичны;
 Сталь Дунай по горенѣ похаживать,
 Пословечно выговаривать:

„А и нѣту мѡлодца во Кіевѣ
 Противъ тихаго Дунаюшки Иванова:
 Отъ того отъ короля литовскаго
 Вытащилъ двѣ бѣлыхъ лебеди,
 Самъ себя женилъ и друга подарилъ.“

Говорить ему Настасья королевична:
 „Ай же ты, Дунаюшка Ивановичъ!
 Не пустымъ ли ты, Дунай, расхвастался?
 Хоть не долго здѣсь, во Кіевѣ, я побыла,
 Много я во Кіевѣ повѣзнала:
 Нѣту силой мѡлодцевъ, ухваткою
 Супротивъ Самсона да Самойлова,
 Нѣтъ поѣздкой мѡлодцевъ, посадкою
 Супротивъ Михайла Пѡтыка Иванова,
 Уговоромъ мѡлодцевъ, смиренницею
 Противъ молода Добрынюшки Никитича,
 Красотою мѡлодцевъ, угожествомъ
 Противъ внязя солнышка Владиміра,—
 А на выстрѣль нѣту изъ туга лука
 Супротивъ Настасьи королевичны:
 На твою голову молодецкую

Покладу свое колечико серебряно,
Понаставлю свой булатный ножъ,
Отойду сама да на пятьсотъ шаговъ,
Три раза калёну стрѣлочку повѣстрѣлю,
Пропущу сквозь то колечико серебряно,
По тому по острію ножёвому,
Чтобъ разсклаась стрѣлочка калёная
На двѣ равныхъ половиночки,
Обѣ вѣсомъ и на взглядъ равны,
Покатилися бы на двѣ стороны,
Не сронили бы колечика съ головушки.“

Какъ тутъ тихому Дунаю ко стыду пришло,
Говорить Дунаюшка Ивановичъ:

„Ай же ты, Настасья королевична!

А мы выйдемъ-ка съ тобою во чисто поле,
Востроты другъ у друга отвѣдаемъ,
Кто стрѣлять гораздѣй изъ туга лука.“

Выходилъ Дунай съ ней во чисто поле,

Полагалъ колечико серебряно
На свою ли на головку молодецкую,
Понаставилъ свой булатный ножъ;
Отошла Настасья королевична
Отъ Дуная на пятьсотъ шаговъ,
Брала въ ручки тугой лукъ разрывчатый,
Налагала стрѣлочку калёную,
Натянула за ухо тетивочку,
И спущала стрѣлочку калёную:
Пропустила сквозь колечико серебряно,
По тому по острію ножёвому,
Раскололась стрѣлочка калёная
На двѣ равныхъ половиночки,
Обѣ вѣсомъ и на взглядъ равны,
Покатились на двѣ стороны,
Не сронили съ головы колечика.

Три раза Настасья королевична
Пропустила стрѣлочку калѣную
Во колечико серебряно,
По тому по острію ножѣвому,
Да не сшибла съ головы колечика.

Говорить Дунай ей таковы слова:
„Ай же ты, Настасья королевична!
Становись-ка супротивъ меня.“

Полагалъ колечико серебряно
Ей на буйную головушку,
Понаставилъ свой булатный ножъ,
Отошелъ самъ на пятьсотъ шаговъ.
Первый разъ стрѣлилъ—перестрѣлилъ,
Другой разъ стрѣлилъ—не дѣстрѣлилъ,
Третій разъ стрѣлилъ—попасть не могъ.
Какъ у тихаго Дунаюшки Иванова
Разгорѣлося тутъ ретивѣ сердце,
Ретивѣ сердце да молодецкое;
Сталъ онъ стрѣлочкой помахивать,
Самъ ли стрѣлочкѣ да выговаривать:

„Ай же ты, моя стрѣла любимая!
Ужь пади-ка ты не на воду, не на землю,
Попади-ка ты Настасьѣ да во бѣлу грудь.“

Восполѣшилась бягинюшка Аправсія,
Стала тихаго Дуная уговаривать:

„А и гой еси ты, мой любимый зятюшка,
Молодой Дунай да сынъ Ивановичъ!
То была лишь шуточка пошучена.“

Возмолилася ему и молодá жена,
Кланялася въ землю, убивалася,
Горючьми слезами уливалася:

„Гой еси ты, мой любезный ладушка,
Молодой Дунаюшка Ивановичъ!
Ты прости, прости меня во женской глупости!

Ты оставь-ка шутку до другаго дня;
Ты теперь, Дунаюшка, хмѣльнѣшенежь,
Ты теперь, Дунаюшка, пьянѣшенежь,
Угодишь и въ-правду въ молодѹ жену,
Сдѣлаешь голову безпвинную.“

Стали всѣ князья да бѣяре,
Сильные, могучіе богатыри
Тихаго Дуная уговаривать:
Озадѣрился Дунай, не слушаетъ,
Налагаетъ стрѣлочку калѣную;
Спѣла у туга лува тетивочка,
Угодила стрѣлочка калѣная
Молодой Настасьѣ да во бѣлу грудь;
Пала молода Настасья на сырѹ землю,
Облилася кровію горючею;
Туть Настасьѣ и славу поють.

Подошелъ Дунаюшка Ивановичъ,
Запечалился Дунаюшка, расплавался,
Говорилъ самъ таковыя слова:

„Гдѣ головкой пала лебедь бѣлая,
Тамъ пади головкой и ясѣнь соколъ!“

Вынималъ изъ нѣженъ саблю острую,
Становилъ въ сырѹ землю тупымъ концомъ,
Падалъ самъ на саблю ретивымъ сердцомъ;
Туть и тихому Дунаюшеѣ славу поють.

Гдѣ головкой пала лебедь бѣлая,
Тамъ отъ крови отъ ея напрасныя
Протекала быстрая Настасья-рѣченъка;
А гдѣ палъ головкою ясѣнь соколъ,
Тамъ отъ крови отъ Дунаевой
Протекала славная Дунай-рѣка;
На двѣ струйки рѣчки расходилися,
Во одно мѣсто опять сходилися.
Выросло туть два дровца випарисныхъ,

Во одно мѣсто верхушки совивались,
Вѣточки со вѣточками соплетались.
Малы дѣти идутъ — набалуется,
Молодые идутъ — надивуются,
Стары люди идутъ — понаплачутся.

БЫЛИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

АЛЕША ПОПОВИЧЪ. (13)

Какъ изъ славнаго Ростова, красна города,
Не ясёнъ совобль съ совобликомъ вылётываль —
Выѣзжали два могучихъ богатыря,
Что по имени Алешенька Поповичъ младъ, (14)
Съ нимъ молоденькй Екимъ Ивановичъ.
Ѣздили богатыри плечо въ плечо,
Стремя въ стремя богатырское;
Ѣздили, гуляли по чисту полю,
Не наѣзживали ничего въ чистомъ полѣ,
Не видали птицы перелётныя,
Не видали звѣря порыскучаго;
Только и наѣхали въ чистомъ полѣ
Три дороженьки широкия,
Промежду дороженекъ горючъ камень лежитъ,
А на камнѣ подписи подписаны.
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
„Ай ты, братецъ мой Екимъ Ивановичъ!
Человѣкъ ты поучённый въ грамотѣ:
Посмотри на камнѣ подписи,
Что на камнѣ-то подписано?“
Соскочилъ Екимъ тутъ со добра коня,
Посмотрѣлъ на камнѣ подписи,
А на камнѣ три дороженьки расписаны:

„Первая дороженька на Муромъ градъ,
А другая на Черниговъ градъ,
Третья ли ко городу ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру.“

Говорить Екимъ Ивановичъ:

„Ай ты, братецъ мой Алешенька Поповичъ младъ!
Ты какой дорожкой изволишь путь держать?“

Говорить ему Алешенька Поповичъ младъ:

„Лучше ѣхать намъ ко городу ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру.“

Повернули добры мѳлодцы добрыхъ коней,
И поѣхали ко городу ко Кіеву.

Не доѣхавши до славной до Сафать-рѣви, ⁽¹⁵⁾

Становились на лугахъ зеленыхъ,
Покормить своихъ добрыхъ коней,
Разставляли два бѣлыхъ шатра,
И Алеша поизволилъ опочивъ держать.
Мало время позамѣшкавши,
Молодой Екимъ добрыхъ коней
Въ зеленъ дугъ пустилъ стреноживши,
Самъ въ шатеръ ложился опочивъ держать.

Какъ прошла та ночь осенняя,

Ото сна Алеша пробуждается,

Возстаетъ ранѳ-ранѳешенько,

Утренней зарею умывается,

Бѣлою ширинкой утирается,

Ко востоку Богу молится.

Молодой Екимъ Ивановичъ

По добрыхъ коней сходилъ скорешенько,

Попойть сводилъ ихъ на Сафать-рѣву.

Приказалъ Алеша тутъ сѣдлатъ добрыхъ коней.

Осѣдлавши онъ, Екимъ, добрыхъ коней,

Снаряжались ко городу ко Кіеву.

Приходилъ къ нимъ тутъ валика перехожая: ⁽¹⁶⁾

Лапотки на немъ семи шелковъ,
Подковыренныя чистымъ серебромъ,
Передокъ унизанъ краснымъ золотомъ,
Шуба соболиная да долгополая,
Шляпа сорочинская да земли греческой.
Шелепуга подорожная
Чебурацкаго свинцу налита въ тридцать пудъ.
Говорить калика перехожая:

„Ой вы гой еси, удалы добры мѳлодцы!
Видѣль я за славной за Сафать-рѣкой
Молода Тугарина Змѣвича: (17)
Въ вышину-то онъ, Тугаринъ, трехъ сажень,
Промежъ плечь-то у него коса сажень,
Промежъ глазъ-то каленá стрѣла,
Конь крылатый подъ Тугариномъ какъ лютый звѣрь,
Изъ хайлища-то огонь пышетъ,
Изъ ушей-то дымъ столбомъ валить.“

Привязался тутъ Алешенька Поповичъ младъ:

„Ай ты, братецъ мой, калика перехожая!

Дай свое мнѣ платьице каличее,
Самъ возьми мое да богатырское,
Дай мнѣ лапотки семи шелковъ,
Подковыренныя чистымъ серебромъ,
Передокъ унизанъ краснымъ золотомъ,
Шубку соболиную да долгополую,
Шляпу сорочинскую да земли греческой,
Шелепугу подорожную
Чебурацкаго свинцу налиту въ тридцать пудъ.“

Не отказывалъ калика перехожая,

Далъ ему свое онъ платьице каличее,
Надѣвалъ самъ платье богатырское.
Наряжается Алешенька каликою,
Взялъ съ собою шелепугу подорожную
Чебурацкаго свинцу налиту въ тридцать пудъ,

Взялъ еще въ запасъ чингалище булатное,
И пошелъ за славную Сафать-рѣву.

Какъ завидѣлъ тутъ Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ
Отъ далі Алешеньу Поповича,
Заревѣлъ собака зычнымъ голосомъ,
Инь продрогнула дубровушка зелѣная,
Младъ Алеша еле живъ идетъ.
Говорить ему Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ:

„Ай ты гой еси, калива перехожая!
Не слыхалъ ли ты да не видалъ ли гдѣ
Про младá Алешу про Поповича?
Я бѣ Алешу закололъ копьемъ,
Закололъ копьемъ, спалилъ огнемъ.“

Говорить Алешенька каликою:

„Ай ты гой еси, Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ!
Подъѣзжай ко мнѣ поближе ты, ко старчицу:
Не слыхать мнѣ отъ далі-то, что ты говоришь.“

Подъѣзжалъ къ нему Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ.
Какъ сверстался младъ Алеша со Тугариномъ,
Шелепугою его по головѣ хлестнулъ,
Буйну голову Тугарину разбилъ-расшибъ,
Повалилъ собаку на сырú землю,
Самъ вскочилъ ему на черну грудь.
А и взмóлится Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ:

„Гой еси, калива перехожая!
Ты не самъ ли есть Алешенька Поповичъ младъ?
Если ты Алеша—побратаемся.“

Въ тѣ поры Алешенька врагу не вѣровалъ,
Отрубилъ ему онъ буйну голову,
Поснималъ съ него онъ платье цвѣтное,
Платье цвѣтное да нá сто тысячей,
Самого во торокѣ вязалъ,
Одѣвался въ платье цвѣтное,
На коня его садился на люта звѣря,

„Ай ты гой еси, Тутаринь сынъ Змѣвичъ младъ!
Подъѣзжай ко мнѣ поближе ты, ко старчицу:
Не слыхать мнѣ отъ дамъ-то, что ты говоришь.“

И поѣхалъ ко своимъ бѣлымъ шатрамъ.

Какъ увидѣли его Екимъ съ валикою,

Испужались, сѣли на добрыхъ коней,

Побѣжали ко Ростову городу.

Настигаетъ ихъ Алешенька Поповичъ младъ.

Какъ обернется Екимъ Ивановичъ,

Показался онъ ему Тугариномъ,

И выдѣргивалъ онъ боевую палицу,

Палицу булатную во тридцать нудъ,

И бросалъ ее назадъ себя—

Угодилъ Алешѣ въ груди бѣлыя,

Сшибъ Алешу изъ черкаскаго сѣдѣлыша,

И упалъ онъ на сырú землю.

Соскочилъ Екимъ тутъ со добра коня,

Сѣлъ ему на груди бѣлыя,

Ладить ихъ пороть ему чингалищемъ—

И увидѣлъ золотъ чуденъ крестъ на немъ,

Самъ заплакалъ, говоритъ каличищу:

„По грѣхамъ мнѣ, видно, учинилося,

Что убилъ я брата своего родимаго!“

Стали оба тутъ его трясти, качать,

Подали ему питья заморскаго,

И пришелъ онъ отъ того ко живности.

Помѣнялися они съ валикой платицею:

Надѣвалъ валика платице валичье,

Надѣвалъ Алеша богатырское,

А Тугарина-то платье цвѣтное

Положили въ торокѣ въ себѣ.

Сами сѣли на добрыхъ коней,

И поѣхали ко городу ко Киеву,

Къ ласковому князю ко Владимиру.

Какъ пріѣхали они во Киевъ градъ,

Какъ заѣхали на княженецкій дворъ,

Соскочили со добрыхъ коней,

Привязали во столбамъ дубовымъ
И пошли во гридни свѣтлыя.
А у ласковаго князя у Владиміра
Со его княгиней со Апраксіей
Поразставлены столы дубовые
И идетъ хорошъ почѣстенъ пиръ.
Какъ вошли во гридни свѣтлыя,
Молятся святому Спасу образу,
Бьютъ челомъ на всѣ четыре стороны,
Князю со княгинею въ особину.
Говоритъ имъ ласковый Владиміръ князь:

„Гой еси вы, добры мѣлодцы!

А и какъ же васъ зовутъ по имени,
Величаютъ по изотчеству?
Вамъ по имени бы можно мѣсто дать,
По изотчеству пожаловать.“

Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:

„Я изъ славнаго Ростова, красна города,
Сынъ Леонтыя, стараго попа соборнаго,
А зовутъ Алешею Поповичемъ.
Повстрѣчалъ путемъ Тугарина Змѣевича,
Голову срубилъ чудовищу,
Въ торокахъ его привезъ къ тебѣ.“

Какъ возрадуется тутъ Владиміръ князь,
Говоритъ Алешѣ таковыя слова:

„Гой еси, Алешенька Поповичъ младъ!

А садись-ка ты да по отечеству
Во большое мѣсто, во большій уголь,
Во другое мѣсто богатырское—
Во скамью дубову супротивъ меня,
Въ третье мѣсто—куда самъ захошь.“

Не садился младъ Алеша во большій уголь,
Не садился во скамью дубовую,
Сѣлъ онъ со товарищами на палатный брусъ.

Воскричалъ Владиміръ князь тутъ громкимъ голосомъ:

„Гой еси вы, слуги вѣрные!

Вы идите-ка да на широкій дворъ
За чудовищемъ Тугариномъ Змѣвичемъ,
Вы берите-ка со тороковъ его,
Принесите предъ лицо мое.“

И идутъ двѣнадцать добрыхъ молодцевъ,
Принесли Тугарина Змѣвича
На доскѣ изъ красна золота,
Посадили во большой уголъ,
Рядомъ со княгиней со Апраксией. (18)
Были же тутъ повара догадливы:
Приносили яствушекъ сахарныхъ,
Приносили бѣлую лебѣдушку.
Стали ѣсть всѣ, прохладжаться;
А Тугаринъ сынъ Змѣвичъ младъ нечестно ѣсть:
По ковригѣ цѣлой за щекѣ мечѣтъ,
Проглотилъ заразъ всю лебедь бѣлую,
Закусилъ еще ковригой монастырскою.
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:

„Какъ у моего у государя батюшки,
У Леонтыя у попа Ростовскаго,
Было пище старое, сѣдтое,
Еле по подстолю таскалося;
Какъ хватило пище кость великую,
Гдѣ хватило тамъ и подавилоса:
Подавиться и Тугарину Змѣвичу
Отъ меня Алеша отъ Поповича.“

Почерпѣлъ Тугаринъ какъ осення ночь,
Просянѣлъ Алеша, какъ свѣтѣль мѣсяць.
Были повара опять догадливы:
Приносили зеленá вина,
Приносили питьицевъ медвяныхъ,
Питьицевъ медвяныхъ, заморскихъ;

Стали пить всѣ, прохлажаться;
А Тугаринъ сынъ Змѣвичъ младъ нечестно пьеть:
Въ разъ охлѣстываетъ чары цѣлыя,
Каждая-то чара въ полтора ведра.
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:

„Какъ у моего родителя у батюшки,
У Леонтыя у попа Ростовскаго,
Было старое корѣвище,
Еле по двору таскалося,
На поварню къ поварамъ забилоса,
Браги прѣсной цѣлый чанъ охлестнуло,
Гдѣ охлестнуло—и треснуло:
Треснуть и Тугарину Змѣвичу
Отъ меня Алеши отъ Поповича.“

Потемнѣлъ Тугаринъ, какъ осенняя ночь,
Выдернулъ чингалище булатное,
Бросилъ во Алешу во Поповича;
Да Алешенька на то повѣртовъ былъ,
И не могъ Тугаринъ угодить въ него.
А стоялъ у печки у муравленой
Молодой Екимъ Ивановичъ,
Налету чингалище подхватывалъ,
Самъ Алешѣ приговаривалъ:

„Ай ты, братецъ мой Алешенька Поповичъ младъ!
Самъ изволишь ли бросать въ него, аль мнѣ велишь?“

Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:

„Самъ не брошу и тебѣ не дамъ бросать.

Заутро ужó съ нимъ перевѣдаюсь:
Бюся съ нимъ я о великъ закладъ,
Не о стѣ рубляхъ и не о тысячѣхъ—
Бюся о своей о буйной головѣ.“

Въ тѣ поры князя и бѣяре
Повскочили на рѣзвѣи ноги,
Всѣ поруки держать за Тугарина:

Какъ по сту рублей князья владуть,
По пятидесяти ббаре,
А крестьяне по пяти рублей.
Гости ли торговые случилися:
Подъ Тугарина Змѣевича
Подписали корабли свои,
Что стояли на быстромъ Днѣпрѣ
Со товарами заморскими.
За Алешу за Поповича подписывалъ
Изо всѣхъ владыка лишь черниговскій.

Взвился тутъ Тугаринъ и съ палатъ ушелъ,
На добра коня садился, на люта звѣря;
Поднялся на крыльяхъ его добрый конь,
Полетѣлъ высоко близъ подъ облакомъ.
Со товарищами и Алеша вонъ пошелъ;
На добрыхъ коней садился,
И поѣхали во славною во Сафатъ-рѣкѣ;
Поразставили бѣлы шатры,
Отпустили коней въ зелені луга,
Сами стали опочивъ держать.

Тутъ Алеша цѣлу ночь не спалъ—
Цѣлу ночь стоитъ да на востокъ лицомъ,
Со слезами Богу молится:

„Дай-ка, Господи, мнѣ тучу грозную,
Тучу грозную со градомъ-дождичкомъ,
Подмочило бы коня крылатаго
У Тугарина Змѣевича,
Опустился бы Тугаринъ на сырú землю,
Было бы мнѣ съ нимъ посяѣхаться.“

По тому ли по Алешину моленію,
По Господнему да по велѣнію,
Наставала туча грозная,
Туча грозная со градомъ-дождичкомъ,
Подмочило крылья у коня крылатаго,

Палъ Тугаринъ на сырú землю.
Прибѣгаетъ тутъ Екимъ Ивановичъ
Ко Алешѣ съ радостною вѣсточкой,
Что Тугаринъ ѣдетъ по сырôй землѣ.
Скоро младъ Алеша снаряжается,
Взялъ съ собою палицу тяжелую,
Взялъ еще въ запасъ чингалище булатное,
И сядилса на добра коня,
Ѣдетъ ко Тугарину на стрѣтушку.
А Тугаринъ ѣдетъ на добромъ конѣ,
На добромъ конѣ да по сырôй землѣ,
Увидаль Алешеньку Поповича,
Заревѣль собака зычнымъ голосомъ:

„Гой еси, Алешенька Поповичъ младъ!

Хошь ли, я тебя огнемъ спалю?
Хошь ли, я тебя конемъ стопчу?
Хошь ли, я тебя копьемъ убью?“

Замахнулся онъ чингалищемъ булатнымъ,
Чтобы снять съ Алеша буйну голову;
А Алеша былъ востѣръ собой:
Завернулся за ту гриву лошадиную;
Промахнулося чингалище булатное
И ушло въ сырú землю до чѣрена.
Говорить Алешенька Тугарину
Изъ-за гривы лошадиныя:

„Гой же ты, Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ!

Бился ты со мною о великъ закладъ:
Биться-драться одинъ-на-одинъ,
А вѣдь за тобою силы смѣты нѣтъ
На меня Алешу на Поповича.“

Какъ оглянется Тугаринъ тутъ назадъ себя,
Младъ Алеша былъ востѣръ собой:
Вывернулся изъ-за гривы лошадиныя,
Да ударить палицей тяжелою

Въ буйну голову Тугарина Змѣевича—
Своротилося главѣще на праву страну,
Туловище да на лѣвую.
Соскочилъ Алеша со добра коня,
Бралъ чингалище булатное,
Прокололъ собакѣ уши въ головѣ,
Да главѣща-то не можетъ на плечо поднять,
Жалкимъ голосомъ кричить товарищамъ:

„Гой еси, мои вы вѣрные товарищи!
Подсобите-ва главѣще на плечо поднять.“

Подѣзжали вѣрные товарищи,
Помогли главѣще на плечо поднять.
И несетъ его Алеша ко добру коню,
Привязалъ кудѣрушками желтыми
Къ стремянамъ ко лошадинымъ,
И повезъ ко городу ко Киеву.

Какъ прѣхали они во Киевъ градъ,
Какъ заѣхали на княженецкій дворъ,
Бросилъ онъ середь двора чудовище.
Увидалъ ихъ ласковый Владиміръ князь,
Выходилъ къ нимъ на краснó крыльцо,
Проводилъ ихъ въ гридни свѣтлыя,
За убраные столы сажалъ,
Самъ Алешѣ приговаривалъ:

„Гой еси, Алешенька Поповичъ младъ!
Ужъ живи-ва ты теперь у насъ во Киевѣ,
Послужи-ва мнѣ, князю Владимиру:
Дó-люби тебя пожалуй.“

Такъ про молода Алешу старину поють,
Морю синему на тишину,
Добрымъ людямъ на послушанье.

БЫЛИНА ПЯТАЯ.

ПЕРВЫЙ ВОЙ ДОБРЫНИ НИКИТИЧА СЪ ЗМЪЕМЪ ГОРЫНЧИЩЕМЪ.

Середа ли было лѣта краснаго,
Во жары ли непомѣрные Петровскіе,
Захотѣлося Добрынюшеѣ Никитичу
Во студѣной быстрой рѣченькѣ
Окупати тѣло богатырское.
Приходиль Добрыня къ рѣдной матушкѣ,
Ко честной вдовѣ Афимѣ Александровнѣ,
Говориль ей таковы слова:

„Ай же ты, моя родитель-матушка!
Ужь ты дай-ка мнѣ прощеньице,
Дай прощеньице-благословеньице
Създить ко той славной ко Пучай-рѣкѣ: ⁽¹⁹⁾
Мнѣ охота во студѣной быстрой рѣченькѣ
Окупати тѣло богатырское.“

Говорить Добрынѣ рѣдна матушка,
Та честна вдова многоразумная:

„Гой еси ты, свѣтъ мой, чадо милое,
Душенька, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты не ѣди-ка купаться во Пучай-рѣкѣ;
Та Пучай-рѣка свирѣпая, сердитая:
Изъ-за первой струйки какъ огонь сѣчьеть,
Изъ-за средней струйки искры сыплются,
Изъ-за третьей струйки дымъ столбомъ валить,
Дымъ столбомъ валить да съ жаромъ-пламенемъ.“

Не послушался Добрыня рѣдной матушки,
 Выходилъ онъ изъ столовой горенки
 Да во славныя палаты бѣловаменны,
 Одѣвалъ одѣжицу дорожную,
 Накрывался шляпой земли греческой,
 Заходилъ въ широкъ конюшенъ дворъ
 И уздалъ, сѣдлалъ добра коня;
 Бралъ копьё съ собою долгомѣрное,
 Тугой луэъ да валены стрѣлы,
 Саблю острую да палицу тяжелую—
 Не для драки бралъ, для кроволитьца,
 Для потѣхи бралъ для молодецка.
 Какъ садился тутъ Добрыня на добра коня,
 Какъ съѣзжалъ да съ широкá двора
 Съ молодымъ слугою, съ малымъ паробкомъ,—
 Плетвою добра коня понуживалъ,
 Палицей булатною поигрывалъ,
 Долгомѣрнымъ копьёмъ да поворачивалъ.
 Какъ поѣхалъ по чисту полю да во Пучай-рѣкѣ,
 Какъ проѣздилъ часъ-другой по красну солнышку—
 Богатырское-то тѣло разгорѣлося,
 Разгорѣлося да распотѣлося.
 Приправлялъ коня онъ къ быстрой рѣченькѣ,
 Соскочилъ скоренько со добра коня,
 Бросилъ поводъ малу паробку:
 „Ай же ты, дѣтинка, малый паробокъ!
 Подержи-ка мнѣ, покарауль коня.“
 Снялъ съ головы шляпу земли греческой,
 Разболáкивалъ одѣжицу дорожную,
 Штаники со спусками да чѣрны чѣботы,
 Свидывалъ рубашку миткальную,
 Да спустился во студѣну, быстру рѣченьку.
 Заходилъ за стрѣчку за первую,
 Заходилъ за стрѣчку за среднюю,

Говорить самъ таковы́ слова:

„Мнѣ, Добрынѣ, говорила матушка,
Мнѣ, Никитичу, наказывала рѣдная:
— Не купайся ты, Добрыня, во Пучай-рѣкѣ:
Та Пучай-рѣка свирѣпая, сердитая.—
Анъ Пучай-то рѣченька вротка, смирна,
Будто лужица дождѣвая.“

Не успѣлъ Добрыня слѣва смолвити,
Вѣтра нѣтъ, а тучу нанесло,
Тучи нѣтъ, а будто дождь дождить,
И дождя-то нѣтъ, а громъ гремитъ,
Громъ гремитъ да свищетъ молнія.
Ни отколь на молода Добрынюшеу
Налетѣло змѣище Горынчище,
Лютая змѣя о трехъ о головахъ,
О двѣнадцати змѣя о хоботахъ.

Говорить ему змѣя проклятая:

„А вѣдь стары люди-то пророчили,
Что убиту быть мнѣ, змѣищу Горынчищу,
Молодымъ Добрынею Никитичемъ,
А теперъ Добрыня самъ въ моихъ рукахъ!
Захочу теперъ—Добрыню я огнемъ сожгу,
Захочу теперъ—Добрыню съѣмъ-сожру,
Захочу теперъ—Добрыню въ хоботá возьму,
Въ хоботá возьму да во полонъ снесу.“

Отвѣчаетъ ей Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Ай же ты, змѣя проклятая!
Ты поспѣй-ка захватить Добрынюшку,
Въ тѣ пору Добрынюшкой и хвастайся,
А теперъ Добрыня не въ твоихъ рукахъ.“

Плавать онъ, Добрыня-то, гораздъ вѣдь былъ:
Какъ у тамошняго бережка ныркомъ нырнулъ,
Такъ у здѣшняго повынырнулъ;
Вышелъ по желтѣ песку да на вротѣй берѣгъ.

Въ тѹ пору-то паробоеъ былъ тороповъ:

Вонь угналъ коня Добрынина,

Взялъ съ собой копе Добрынино,

Тѹгой луэъ и валены стрѣлы,

Саблю острую и палицу тяжелую—

Нечѣмъ-то ему съ змѣю попротивиться.

А она опять летитъ проклятая,

Сыплетъ искрами горячими,

Жжетъ ему да тѣло бѣлое.

Приужахнулося сердце богатырское.

Поглядѣлъ Добрынюшка по бѣрежу—

Не случилось ничему лежать на бѣрежкѣ,

Нѣчего-то взять ему въ бѣлы ручки.

Вспомнилась Добрынѣ рѣдна матушка:

„Не велѣла мнѣ, Добрынѣ, рѣдная

Во Пучай-рѣкѣ купатися;

А теперъ приходитъ мнѣ кончинушеа!“

Поглядѣлъ въ послѣдній разъ по бѣрежу—

Увидаль тутъ шляпоньку на бѣрежкѣ,

Шляпоньку свою да земли греческой.

Своро бралъ онъ шляпоньку въ бѣлы ручки,

Насыпаль въ нее песочку желтаго,

Желтаго песочку цѣлыхъ трѣ пуда,

Да со всей досадушкой великою

Какъ ударить шляпонькой поганую—

Изъ двѣнадцати ей поотшибъ три хобота,

Повалилъ змѣю съ размаху на сыру землю,

На сыру землю да во ковыль-траву,

Повскочилъ на груди ей колѣнками,

Отшибить ей хочеть остальные хоботы.

Какъ возмолится змѣя Добрынюшеѣ:

„Ай же ты, молоденькѣй Добрынюшеа!

Не убей меня ты за напраслину,

А спусти летать да по бѣлѹ свѣту:

Буду я тебѣ сестрою мѣньшею,
Будешь ты мнѣ братцемъ ббольшимъ. ⁽²⁰⁾
И положимъ мы съ тобою заповѣдь,
Заповѣдь велику, нерушимую:
Не ѣзжать тебѣ, Добрынюшеѣ, въ чисто поле,
Не топтать моихъ дѣтенышей-змѣенышей;
Не летать и мнѣ, змѣѣ, къ вамъ на святую Русь,
Не носить въ полонъ народу христіанскаго.“

Поддался Добрынюшка на рѣчь лугавую,
Положилъ съ змѣею заповѣдь великую,
И спустилъ изъ-подъ колѣнъ проклятую.
Поднялася вверхъ змѣя подъ облака,
Полетѣла прямо да на Кіевъ градъ;
Пролетая черезъ Кіевъ градъ,
Увидала князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну, ⁽²¹⁾
Что повышла съ мамками да съ няньками
Погулять во зеленѣмъ саду, —
Припадала лютая къ сырой землѣ,
Ухватила князеву племянницу
Въ хобота свои змѣиныя,
Унесла съ собой на гору Сорочинскую, ⁽²²⁾
Во пещерушки свои змѣиныя.

Въ тѣ пору Добрынинъ малый паробокъ
Подбѣгалъ опять къ нему, ко добру мблодцу,
Подавалъ одежицу дорожную,
Подводилъ коня да богатырскаго.
Только сѣлъ Добрыня на добра коня —
Какъ не тѣни темныя затѣмнѣли,
Какъ не тучи черныя попадали —
Какъ летитъ по воздуху змѣя провлятая,
Въ хоботахъ несетъ да князеву племянницу.
Тутъ молоденькій Добрыня закручинился,
Закручинился Добрыня, запечалился.

Въ Кіевъ градъ Добрыня поворотъ держалъ,
Пріѣзжалъ на свой широкій дворъ,
Проходилъ въ палату бѣловаменну,
Во столову горенку ко рѣдной матушкѣ,
Да садился на брусѣ лавочку,
До самой земли повѣсилъ буйну голову,
Ни словечкомъ не промолвился.

Подходила ко Добрынѣ рѣдна матушка,
Стала старая его выспрашивать,
Стала старая вывѣдывать:

„Ты объ чемъ, Добрынюшка, кручинишься?
Ты объ чемъ, мой свѣтъ, печалишься?“

Отвѣчаетъ ей молоденькій Добрынюшка:

„Не объ чемъ я не кручнюся,
Не объ чемъ я не печалюся;
Только дай-ка, матушка, прощеньице,
Дай прощеньице-благословеньице
Мнѣ сходить ко князю ко Владиміру:
У него, у князя у Владиміра,
Зачался почестень пиръ да на двѣнадцать дѣнь,
На многихъ князей его, на бояровъ,
Да на всѣхъ могучихъ богатырей.“

Говоритъ Добрынѣ рѣдна матушка:

„Ай ты, свѣтъ мой, душенька Добрынюшка!
Не ходи-ка ты ко князю на почестень пиръ,
А живи-ка во своемъ дому, у матушки,
Хлѣба-соли ѣшь-ка дѣ-сыта,
Зеленá вина пей дѣ-пьяна,
Золотой казны держи по надобью.“

Не послушался Добрыня матушки,
Снаряжался, отправлялся на почестень пиръ
Къ ласковому князю ко Владиміру.

Какъ на этомъ старина кончается,
А другая начинается.

БЫЛИНА ШЕСТАЯ.

ВТОРОЙ ВОЙ ДОВРЫНИ СЪ ЗМЪЕМЪ.

Какъ идетъ Добрынюшка Никитичъ младъ
На почѣстенъ пиръ ко князю ко Владиміру,
Какъ проходитъ въ грядню княженецкую,
Гдѣ стоятъ столы дубовые,
Стланы сватерти шелкѣвыя,
Понакладаны уѣдушки сахарныя,
Поразставлены напитокки медвяныя,—
Крестъ владеть онъ по писаному,
И поклонъ ведетъ да по учёному,
Поклоняется на всѣ четыре стороны,
Князю со княгинею въ особину.
Проводили гостя во большій уголь,
Во большой уголь, во мѣсто бѣльшее.

Какъ тутъ ласковый Владиміръ князь
По столовой гряднѣ захоаживалъ,
На своихъ богатырей посматривалъ,
Пословечно сударь выговаривалъ:

„Ай вы, сильные, могучіе богатыри!
Хоть идетъ у насъ почѣстенъ пиръ на-веселѣ,
Самому-то мнѣ, Владиміру, не весело:
Унесла змѣя проклятая Горынчище
У меня любимую племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну.

Вы подумайте-ка, братцы, посовѣтуйтесь:
На кого бы мнѣ накинуть службу,
Служебу не малую, великую,
Съѣздить на ту гóру Сорочинскую,
Ко пещерушкамъ змѣинымъ,
Отыскать, добыть любимую племянницу?“

То услышавши, могучіе богатыри
Бóльшіе туляются за средніхъ,
Средніе хоронятся за мѣньшихъ,
А отъ меньшихъ по чину и отвѣту нѣтъ.
Какъ выходитъ тутъ изъ-за стола за средняго
Молодой Алешенька Леонтьевичъ:

„Гой ты, батюшка Владиміръ стольно-кїевскїй!
Былъ вчерась я во чистомъ полѣ,
Видѣлъ у Пучай-рѣви Добрынюшку:
Съ змѣищемъ Горынчищемъ онъ дрался-рѣтился,
Покорилася змѣя ему, винилася,
Называла братцемъ бóльшимъ,
Нарекалася сама сестрою мѣньшею.
Ты пошли-ка на ту службу Добрынюшку:
Онъ тебѣ любимую племянницу
Безъ бою, безъ драки-кроволитица
У названой у сестры своей повѣспросить.“

И возговорилъ Владиміръ стольно-кїевскїй:

„Ай же ты, Добрынюшка Нивитичъ младъ!
Ты садись-ка на добра коня,
Поѣзжай-ка на ту гóру Сорочинскую,
Ко пещерушкамъ змѣинымъ,
Добывай-ка мнѣ любимую племянницу,
Молоду Забавушку Путятичну.
Не добудешь мнѣ племянницы—
Приважу тебѣ, Добрынѣ, голову рубить.“
Опустилъ Добрыня буйну голову,
Утопилъ во столъ дубовый очи ясныя,

Ни словечка на тѣ рѣчи не отвѣтствовалъ.
 Онъ вставалъ изъ-за столовъ дубовыхъ,
 Выходилъ изъ-за скамеечекъ окольныхъ,
 Отдавалъ великое почтеніе
 Князю за весело пированьице,
 И пошелъ въ своимъ палатамъ бѣловаменнымъ.
 Какъ пришелъ въ столовую во горенку
 Ко своей ко рѣдной матушѣ,
 Говорить ему тутъ рѣдна матушка,
 Та честна вдова Афимья Александровна:

„Гой еси ты, свѣтъ мой, чадо милое,
 Душенька Добрынюшка Никитичъ младъ!
 Ты объ чемъ, про что такъ пригорюнился,
 Пригорюнился да закручинился?

Мѣсто ли въ пиру было не по чину,
 Чарой ли въ пиру тебя поббнесли,
 Али пьяница-дуракъ поосмѣялъ въ глаза?“

Отвѣчаетъ ей Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Мѣсто-то въ пиру мнѣ было по чину,
 Чарою въ пиру меня не обнесли,
 Пьяница-дуракъ не осмѣялъ въ глаза;
 А накинудъ на меня Владиміръ князь
 Служебку не малую, великую:
 Съвздить на ту гору Сорочинскую,
 Ко пещерушкамъ змѣинымъ,
 Отыскать ему, добыть племянницу,
 Молоду Забаву дочь Путятичну.“

Говоритъ Добрыня рѣдна матушка:

„Ты ложись-ка спать поранѣй съ вечера,
 Мудренѣе утро будетъ вечера:
 Встанешь утрушкою отъ молодецка сна,
 Заходи въ конюшеньку стоялую,
 Выводи бурка съ конюшеньки,
 Дѣдова коня матѣраго;

А стоитъ буря́а пятнадцать лѣтъ,
По колѣна ноженъки въ назѣмъ зарощены,
Дверь по поясу въ назѣмъ ушла.“

И ложи́лся спать Добрыня съ вечера,
Утрушкѣмъ вставалъ ранѣшенько,
Умывался водушкой бѣлѣшенько,
Утирался полотѣнышкѣмъ сушохо́нько,
Подерутился хорошохо́нько;
Выходилъ въ конюшенъѣ стояло́ей,
Изъ назема дверь пови́тащилъ,
Дѣдову коню матѣрому
Изъ назема ноженъки пови́дернулъ.
Выводилъ за уздицу тесъмя́ную
На широ́кй дворъ добра́ коня,
Сталъ добра́ коня засѣдлыва́ть; улажива́ть:
Полагалъ сперва подпотни́чекъ,
На подпотни́чекъ влалъ потни́чекъ,
Сверху потни́чеа еще да войлочекъ,
А на войлочекъ черкасское сѣдлышко—
Что сѣдлышко-то изукрашено:
Цѣнными шелка́ми пообш́ивано,
Да черво́ннымъ золотомъ обв́ивано.
Сталъ подтягива́ть тутъ подпру́ги шелко́веньки,
Втягиваетъ въ нихъ шпеньки булатные,
Полагаетъ пражки красна золота:
Шеле́з не по́рвется, булатъ не по́трется,
Красно золото не ржавѣ́етъ,
Добры́й мо́лодецъ въ сѣдлѣ́ не ста́рѣетъ.
Всѣ́хъ подтягивалъ двѣ́надцатъ подпру́говъ,
Клалъ еще тринадцатый для по́спости,
Чтобы добры́й конь изъ-подъ сѣдла́ не выскочилъ,
Добра́ мо́лодца въ чистѣ́мъ полѣ́ не выронилъ.
Какъ садилъ тутъ Добрыня на добра́ коня,
Какъ съв́язжалъ да съ широ́ка́ двора,

Провожала его рѣдна матушка,
 Подавала на поѣздѣ плѣточку,
 Плеточку семи шелковъ да разныхъ,
 Говорила, слезы утираючи:

„Гой еси ты, свѣтъ мой, чадо милое!

Ты возьми-ка плеточку семи шелковъ:
 Какъ приѣдешь на ту гѣру Сорочинскую,
 Какъ начнешь змѣненышей потаптывать,
 Да не станеть бурушко посваивать,—
 Ты хлыщи бурѣа промежь ушей,
 Промежь ногъ хлыщи да промежь заднихъ;
 Станеть у тебя бурѣа посваивать,
 Прочь отъ ногъ змѣненышей отряхивать,
 Всѣхъ притопчетъ до одинаго.“

Отломилась вѣточка съ садовой яблоньки,
 Откатилось яблочко отъ яблоньки,
 Отвѣзжаетъ сыпъ отъ рѣдной матушки
 Въ чужедальнюю сторонушку.
 День уходитъ за день будто дождь дождить,
 А недѣля за недѣлю какъ рѣва бѣжить.
 Ъдетъ днемъ Добрынюшка по красну солнышку,
 Ъдетъ ночью онъ по свѣтлу мѣсяцу.
 Въѣхаль на ту гѣру Сорочинскую,
 Сталь топтать поганихъ змѣненышей.
 Подточили тутъ змѣненыши
 У добра воня копытушки,
 И не можетъ добрый конь посваивать,
 Сталь онъ подъ Добрынюшкой припадывать.
 Вспомнилъ тутъ Добрынюшка навазъ родительскій,
 Выдернулъ онъ плечу изъ-за пояса,
 Плеточку семи шелковъ да разныхъ,
 Сталь хлыстать бурѣа промежь ушей,
 Промежь ногъ хлыстать да промежь заднихъ,
 Сталь бурѣу да приговаривать:

„Ай ты, бурушко, скажи-поскаживай,
Прочь отъ ногъ змѣенышей отряхивай.“

Сталь тутъ бурушко скакать-поскаживать,
По верстѣ да по другой помахивать,
По колѣнушки въ сырѹ землю погрязывать,
Изъ сырой земли копытушки выхватывать,
По сѣнной копнѣ земелюшки вывертывать,
За три выстрѣла да камешки откидывать;
Сталь онъ прочь отъ ногъ змѣенышей отряхивать.
Притопталъ всѣхъ до одинаго.

И сходилъ Добрыня со добра коня,
Облачался во доспѣхи брѣвныя,
Бралъ во праву руку саблю острую,
Полагалъ подѣ лѣвую подѣ пазушку
Палицу тяжелую булатную,
На бѣлыи груди копье да долгомѣрное,
Клалъ подѣ поясъ шелепугу подорожную,
Съ ней и плеточку семи шелковъ—
И пошелъ въ пещерушкамъ змѣинымъ.

Какъ не тѣни темныя затѣмнѣли,
Какъ не тучи черныя попадали—
Какъ летитъ сама змѣя Горынчище,
Во когтяхъ несетъ да тѣло мертвое.
Увидала молода Добрынюшку—
Опустила тѣло мертвое
На сырѹ землю, на муравѹ-траву,
Подлетѣла въ молоду Добрынюшкѣ:

„Ай же ты, молоденькый Добрынюшка!
Ты зачѣмъ нарушилъ нашу заповѣдь,
Притопталъ моихъ дѣтенышей-змѣенышей?“

Отвѣчаетъ ей молоденькый Добрынюшка:

„Ай же ты, змѣя проклятая!
Я ль нарушилъ нашу заповѣдь,
Али ты, змѣя, ее нарушила?“

Ты зачѣмъ летѣла черезъ Кіевъ градъ,
Унесла у насъ Забаву дочь Путятичну?
Ты отдай-ка мнѣ Забаву дочь Путятичну
Безъ бою, безъ драки-кроволитьца.“

Не хотѣла отдавать змѣя
Безъ бою, безъ драки-кроволитьца,
Заводила съ нимъ великій, кроволитный бой.
Бились-рѣтились они тутъ трое сутокъ,
А не можетъ одолѣть змѣю Добрынюшка,
Начала змѣя его повидывать,
Начала его побрасывать.

Вспомнилъ онъ опять про плеточку,
Плеточку семи шелковъ да разныхъ,
Бралъ во праву руку плеточку,
Лѣвою поймалъ змѣю поганую,
Преклонилъ ее къ сырѣй землѣ,
Билъ той плеточкой шелбѣвою,
Увротилъ аки скотинушку.

Отрубилъ тогда змѣѣ всѣ хоботы,
Распиналъ ее да по чисту полю,
Разрубилъ на мелки частички.

И пошла съ востока внизъ до запада
Вкругъ Добрыни кровь змѣиная;
Простоялъ въ крови Добрыня трое сутокъ—
Не пожрала крови той сырѣ земля.

Бралъ опять Добрыня плеточку шелбѣвою,
Билъ той плеточкой сырѣ землю,
Самъ землѣ да приговаривалъ:

„Разступись-ка, мать-сырѣ земля,
На четыре разступись на четверти,
Да пожри-ка кровь змѣиную.“

Разступилась мать-сырѣ земля
На четыре да на четверти,
Всю пожрала кровь змѣиную.

„Ай же ты, Бабава дочь Путятична!
Для тебя я издиль-странствовалъ,
Для тебя съ змѣею бился-рагился.
Мы пождемъ-ка теперь во Кіевъ градъ.“

И сошелъ Добрынюшка Нивитичъ младъ
Ко пещерушкамъ змѣиннымъ.
Какъ затворено тамъ мѣдными затворами,
Пѣдперто желѣзными пѣдпорами—
Не пройти въ пещерушки змѣинныя.
Онъ желѣзныя пѣдпоры прочь откидываль,
Мѣдныя затворы вонъ отдвигиваль,
Проходилъ въ пещерушки змѣинныя.
А сидитъ тамъ полонѣвъ-то много множество:
Съ сорока земель царей, царевичей,
Съ сорока ли королей да королевичей,
А простой-то силушки и смѣты нѣтъ.
И спроворилъ Добрынюшка Нивитичъ младъ:

„Ай же вы, цари, царевичи,
Короли да королевичи,
Ты, простая силушка несмѣтная!
Выходите-ка на божью волюшку,
Расходитесь по своимъ мѣстамъ,
По своимъ мѣстамъ да по своимъ домамъ.“

Стали выходить они на божью волюшку,
И пошелъ у нихъ великій шумъ.
Не видать одной Забавушки Путятичны.
Проходилъ Добрыня всѣ пещерушки,
Приходилъ къ послѣдней ко двѣнадцатой—
Только тутъ нашель Забавушку Путятичну,
Ко стѣнѣ руками врозь приковану.
Со стѣны снималь онъ красну дѣвушку,
Браль ее за бѣлы ручушки,
Выводилъ съ пещерушекъ змѣинныхъ,
Говорилъ ей таковы слова:

„Ай же ты, Забава дочь Путятична!
Для тебя я ѣздилъ-странствовалъ,
Для тебя съ змѣею бился-ратился.
Мы поѣдемъ-ка теперь во Кіевъ градъ,

Къ твоему во дядюшеѣ любимому,
Къ ласковому князю во Владиміру.“

И садился тутъ Добрыня на добра коня,
И садилъ съ собою красну дѣвушку,
И повезъ съ собою по чисту полю.
Говорить Добрынѣ красна дѣвушка,
Молода Забава дочь Путятична:

„За твою за выслугу великую
Назвала бы я тебя, Добрыню, батюшкой—
Называть мнѣ такъ Добрыню не можно;
За твою за выслугу великую
Назвала бы братцемъ да родимымъ—
Называть тебя и братцемъ не можно;
За твою за выслугу великую
Назвала бы другомъ да любимымъ—
Самъ Добрыня не возьметъ замужъ меня!“

Отвѣчаетъ ей Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Ахъ ты, молода Забавушка Путятична!
Ты изъ роду княженецкаго,
Я изъ роду изъ боярскаго—
Не чета тебѣ, княжнѣ, боярскій сынъ.“

И повезъ ее во стольный Кіевъ градъ;
А Владиміръ князь ужъ на крыльцѣ стоитъ,
Съ почестью его встрѣчаетъ, съ благодарностью.
Какъ сошелъ Добрыня тутъ съ добра коня,
Опускалъ онъ на земь красну дѣвушку,
Подводилъ племянницу къ Владиміру,
Подавалъ ему во бѣлы ручушки.
И дарилъ его Владиміръ золотой казной,
И дарилъ его онъ платьемъ цвѣтнымъ,
Повланялся до самой земли:

„А спасибо же тебѣ, Добрынюшеѣ!
Сослужилъ ты службу мнѣ великую,
Отыскалъ ты мнѣ любимую племянницу.“

Никого не могъ найти я въ цѣломъ Кіевѣ,
Изо всѣхъ могучихъ изъ богатырей
Одного теба нашель, Добрынюшеу!“

Прибѣгала тутъ и матушка Добрынина,
Во слезахъ брала его въ бѣлы ручки,
Цѣловала во уста сахарныя.
И пошелъ тутъ пиръ у нихъ да пированьице,
Что для молода Добрынюшки Нивитича,
Для другой—Забавушки Путятичны.

Таеъ про молода Добрынюшку Нивитича
Славу славятъ, старину поютъ,
Морю синему ли на утѣшенье,
А вамъ, добрымъ людемъ, на послушанье.

БЫЛИНА СЕДЬМАЯ.

СТАВЁРЬ ГОДИНОВИЧЪ и ВАСИЛИСА ЖИКУЛИЧНА. (23)

Въ стольномъ было городѣ во Кіевѣ
Да у ласковаго князя у Владиміра
Было пированьице, почѣстенъ пиръ
На многѣхъ князей, на бѣяровъ,
На всѣхъ гостюшекъ столовыхъ,
На всѣхъ людюшекъ торговыхъ,
На всѣхъ званыхъ-браныхъ, приходящихъ.
На пиру всѣ наѣдалися,
На честномъ всѣ напивалися,
Чѣмъ-нибудь всѣ похвалялися:
Кто хвалился славнымъ отечествомъ,
Кто удалымъ молодечествомъ,
Иной хвастался добрымъ конемъ,
А другой ли шелковымъ портомъ.
Изо всѣхъ гостей Ставѣрь Годіновичъ, (24)
Молодой торговый гость черниговскій, (25)
Лишь одинъ сидитъ, не ѣсть, не пьетъ, не вушаетъ,
Бѣлой лебеди не рушаетъ,
Да ничѣмъ-то мѣлодецъ не хвастаетъ.
Ходитъ солнышко Владиміръ князь по гореньѣ,
Самъ Ставрѣ да вопроговоритъ:
„Ахъ ты, молодой Ставѣрь да сынъ Годіновичъ!
Что же ты сидишь, не ѣшь, не пьешь, не вушаешь;

Бѣлой лебеди моей не рушаешь,
Да ничѣмъ-то, мѡлодецъ, не хвастаешь?
Али нѣчѣмъ вамъ, черниговцамъ, похвастати?⁴
Отвѣчаетъ молодой Ставѣръ Годиновичъ:
„Нечѣмъ мнѣ, Ставрѣ, предъ вами здѣсь похвастати!
Мнѣ похвастать—не похвастать отцомъ-матушкой:
Отца-матушки моихъ въ живыхъ ужь нѣтъ.
Мнѣ похвастать—не похвастать золотой казной:
Золотá казна торговая не тѡщится,
Малы денежки торговныя не дѣржатся.
Мнѣ похвастать—не похвастать цвѣтнымъ платьицемъ:
Цвѣтны платьица мои не носятя:
У меня есть тридцать мѡлодцевъ,
Тридцать мѡлодцевъ—портныхъ все мастеровъ,
Шьютъ кафтанцы мнѣ все сново-на-ново;
День держу кафтанчикъ, подержу другой,
Да снесу кафтанчикъ въ лавоньку на рыночекъ,
Вамъ же, князьямъ—бѡярѣмъ, повѣйпродамъ,
А возьму съ васъ цѣну полную.
Мнѣ похвастать—не похвастать крѣпкимъ чѡботомъ:
Чѡботы мои не держатся:
У меня есть тридцать мѡлодцевъ,
Тридцать мѡлодцевъ—сапожныхъ мастеровъ,
Шьютъ мнѣ чѡботы все сново-на-ново;
День держу ихъ, проношу другой,
Въ лавоньку снесу опять на рыночекъ,
Вамъ же, князьямъ—бѡярѣмъ, повѣйпродамъ,
А возьму съ васъ цѣну полную.
Мнѣ похвастать—не похвастать и добрымъ конемъ:
Добры кѡни у меня не ѣздяты:
У меня кобылочки все златошерстныя,
Все даютъ жеребчиковъ хорошихъ;
Чтѡ получше-то жеребчики—тѡ ѣзжу самъ,
Чтѡ похуже—тѡ сгоню на рыночекъ,

Вамъ же, князьямъ-боярамъ, повѣпродамъ,
 А возьму съ васъ цѣну полную.
 А и нѣчѣмъ мнѣ предъ вами хвастати.
 Развѣ мнѣ похвастать молодой женой,
 Василисой дочерью Микуличной? ⁽²⁶⁾
 Какъ во лбу-то у нея свѣтѣль мѣсяць,
 По косицамъ—звѣзды частыя,
 Брѣвухи чернѣе черна соболя,
 Очухи яснѣе ясна сокола;
 Всѣхъ васъ, князей-бояровъ, продасть да выкупить,
 А тебя, Владиміра, съ ума сведеть.“

На то слово на пиру всѣ призамолвнули,
 А Владиміру то слово не слюбилось.
 И спроговорить Владиміръ таковыя слова:
 „Гой вы, слуги мои, слуги вѣрные!
 Вы берите-ка Ставра Годинова
 За его за ручухи за бѣлья,
 За его за перстни за злачѣные,
 Отведите-ка во погребѣ холодныя
 За его хвастки да за великія,
 За его за рѣчи неучливья,
 Посадите на овесъ да на воду ⁽²⁷⁾
 Не на много, не на мало—ровно на шесть лѣтъ.
 Пусть-ка тамъ Ставрѣ да обзумѣтся,
 Пусть-ка тамъ да образумится.
 Поглядимъ-ка, какъ Ставрово молодѣ жена
 Муженькѣ изъ погребовъ повѣручить,
 Всѣхъ васъ, князей-бояровъ, продасть да выкупить,
 А меня, Владиміра, съ ума сведеть.“

Взяли слуги вѣрные Ставра Годинова
 За его за ручухи за бѣлья,
 За его за перстни за злачѣные,
 Отвели во погреба глубокіе,
 Позадвинули дощечками желѣзными,

Позащѣлкнули замѣчками булатными,
Пропитомство вляли овсецá съ водой.
Посылалъ Владиміръ князь грознá посла (28)
Ко Ставрú Годиновичу во Черниговъ градъ,
Чтобы дворъ его тамъ запечатати,
Молоду жену его во Кіевъ взять.

Въ тó пору Ставрѡвой молодой женѣ,
Василисѣ дочери Микуличнѣ,
Перепала вѣсточка нерадостна,
Что ея любимый мужъ Ставѣръ Годиновичъ
Солнышкомъ Владиміромъ во Кіевѣ
Посажѣнъ въ полѡнъ во погреба холодныя
Не на много, не на мало—ровно на шесть лѣтъ.
Говорила Василиса дочь Микулична:

„Деньгами мнѣ выкупáть Ставрá—не выкупить,
Силою мнѣ выручáть Ставрá—не выручить.
Я могу ли, нѣтъ, Ставрá повыручить
Да своей догадочкою женскою.“

Шла тутъ Василиса дочь Микулична
По своей палатѣ бѣлобаменной,
Воскричала Василиса во всю голову,
Во всю голову кричала жалкимъ голосомъ:
„Ай же вы, мои служанки вѣрныя!
Вы бѣгите-ка ко мнѣ скорѣшенько,
Вы рубите-ка мнѣ косы русыя,
Вы несите-ка мнѣ платьица посыльныя
Да сѣдлайте-ка коня мнѣ богатырскаго!“

Подбѣгали вѣрныя служаночки,
Подрубили по-мужскѣй ей русы косыньки,
Приносили ей одежицы посыльныя,
Засѣдлали ей коня да богатырскаго.
Накрутилась Василиса въ платья цвѣтныя,
Назвалася посломъ со Золотой Орды,
Что грознымъ посломъ Василиемъ Микуличемъ,

Набрала́ дружинишки хоробрѣя,
 Сорокъ мѳлодцевъ—все молодыхъ борцовъ,
 Соровъ мѳлодцевъ—все молодыхъ стрѣльцовъ,
 И поѣхала посломъ ко Кіеву,
 Къ ласковому князю ко Владиміру.

Половину ли дороженьки пробѣхали,
 А на встрѣчу имъ изъ Кіева грозѣнъ посоль;
 Сѣѣхались послы тутъ, поздоровались;
 Каѣъ великіе послы послуются,
 Ручка обѣ ручку они цѣлуются.

Сталъ изъ Кіева посоль выпрашивать:

„Ай и гой же вы, удалы добры мѳлодцы!
 Вы куда поѣхали, куда васъ Богъ несѣтъ?“

Говорятъ ему, послу, да таѳовы слова:

„Мы изъ дальней, де, земли, изъ Золотой Орды,
 Отъ грозна́ царя собаки Каліна,
 А поѣхали ко городу ко Кіеву,
 Къ ласковому князю ко Владиміру,
 Взять всѣ дани-выходы-невыплаты
 За немного, за немало—за двѣнадцать лѣтъ,
 Что за всякій годъ да по три тысячи.“

Каѣъ изъ Кіева посоль-то позадумался,
 Позадумался, въ отвѣтъ проговорить:

„Самъ я, де, изъ Кіева грозѣнъ посоль,
 Ёду ко Ставрѣ Годінову въ Черниговъ градъ,
 Дворъ его тамъ запечатати,
 Молоду жену его во Кіевъ взять.“

Говорятъ ему удалы добры мѳлодцы:

„Прежде былъ у насъ тамъ постоянный дворъ;
 Нынѣ заѣзжали—никого въ дому:
 Молода жена Ставрѳва убиралася
 Въ дальнюю землю, во Золотѣ Орду.“

Скоро кіевскій посоль тутъ поворотъ держаль,
 Приѣзжалъ во Кіевъ градъ ко князю солнышку,

Разсказалъ ему, Владиміру, тихохонько,
Что изъ дальней, де, земли, изъ Золотой Орды,
• Ъдетъ въ Кіеву немилостивъ посланничекъ
Отъ грозна́ царя собаки Кáлина.
А и больно тутъ Владиміръ запечалился;
Повидалися всѣ, пометалися;
Улицы метуть, да ставятъ ельничекъ; (29)
Передъ воротами ждуть посланнича
Отъ грозна́ царя собаки Кáлина.

А грозёнъ посоль Васильюшка Мивуличъ сынъ,
Не доѣдучи до города до Кіева,
Пораздёрнулъ во чистомъ полѣ бѣлой шатёръ,
Оставлялъ дружину у бѣла́ шатра,
• Ъдетъ самъ во Кіевъ градъ во князю солнышку.
Пріѣзжалъ посоль на княженецкѣй дворъ,
Поскакалъ посоль да со добра́ коня,
Во сыру́ землю коше тупымъ концомъ,
А шелёвый поводъ на злачёный гвоздь,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Прямо шель въ палаты бѣлокаменны,
По ступенцамъ ставится тихошенько,
По сѣнямъ идетъ да полегошенько,
Входитъ въ гридню княженецкую,
Крѣститъ очи по писаному,
И ведеть поклоны по учёному,
Клонится на всѣ четыре стороны,
Князю солнышку съ княгинею въ особину,
Наипаче же той князевой племянницѣ,
Молодой Забавушѣ Путятичнѣ.

Говорить грозну́ послу Владиміръ князь:
„Здравствуешь, посоль ты съ Золотой Орды!
Ты садись-ка съ нами за дубовый столъ,
Отдохни съ широкой со дороженьки.“

Говорить въ отвѣтъ ему грозёнъ посоль:

„Гой еси ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
 Недосугъ сидѣть послу, разсиживать,
 Нась, пословъ, за то не жалуютъ.
 Какъ послалъ меня собака Кáлинь царь
 Взять съ тебя всѣ дани-выходы-невыплаты
 За немного, за немало—за двѣнадцать лѣтъ,
 Что за всякій годъ да по три тысячи;
 Какъ я самъ, посолъ Василій да Микуличъ сынъ,
 Взять себѣ хочу въ супружество
 Молоду твою любимую племянницу,
 Что по имени Забаву дочь Путятичну.“

Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай ты, молодой Васильюшка Микуличъ сынъ!
 Я пойду съ племянницей, подумаю.“

Выводилъ племянницу изъ горенки,
 Спрашивалъ племянницу, вывѣдывалъ:

„Ай же ты, моя любезная племянница!
 Ты пойдешь ли за того грозна посла,
 За младá Васи́лія Мику́лича?“

Говоритъ ему племянница тихохонько:

„Ай же ты, мой дя́дюшка возлюбленны́й!
 Что-то у тебя теперъ затѣяно,
 Что-то у тебя задумано?“

Не отдай ты дѣвицы за женщину,
 Не надѣлай смѣху по святой Руси.“

Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай же ты, любезная племянница!
 Какъ же не отдать мнѣ за грозна посла,
 За грозна посла собаки царя Кáлина?“

„А не быть же то грозну послу—быть женщи́нѣ.
 Знаю я примѣты всѣ по-женскому:
 Какъ по у́лочкѣ идетъ—что уточка плыветъ,
 А по горенкѣ ступаетъ по частене́чку;
 Какъ на лавочкѣ сидитъ—колѣнца вмѣстѣ жметъ,

Съ поволокою глаза повѣживаетъ.
Рѣчь со прѣвизгомъ у ней по-женскому,
Бѣдра крутеньки у ней по-женскому,
Ручки бѣленьки у ней по-женскому,
А и пальчики-то тоненьки по-женскому,
Даже дужки отъ колѣць не вышли всѣ.
Двое на двое намъ будетъ хоть съ тоски пропасть!“

Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:

„Я пойду, посла да попровѣдую:

Буде онъ не мѣлодецъ, а женщина,
Не пойдетъ онъ по-мужскій боротися.“

Взялъ-повыбралъ князь семь молодцовъ-борцовъ,
Пять братовъ Притченцовъ, двухъ Хапиловыхъ, (30)
Выводилъ ихъ на широкій дворъ,
Приходилъ къ Василию Микуличу,
Говорилъ самъ таковыя слова:

„Молодой Василій ты Микуличъ сынъ!

Не угодно ль со борцами да потѣшиться,
На широкомъ на дворѣ да поборотися?“

Отвѣчаетъ младъ Васильюшка Микуличъ сынъ:

„А и нѣкому же у меня боротися:

Во чистомъ полѣ борцы мои оставлены;
Самому мнѣ развѣ поотвѣдати?
Я вѣдь сѣзмала по улочкѣ побѣгивалъ,
Шуточки съ ребятками пошучивалъ.“

И выходитъ ко борцамъ онъ на широкій дворъ;
Среди двора они становятся,
На борьбу на рукопашку сходятся.
Молодой Васильюшка Микуличъ сынъ
Какъ возьметъ во праву руку трехъ борцовъ,
Какъ возьметъ во лѣву руку трехъ другихъ борцовъ,
Столонѣтъ ихъ вмѣстѣ да раскинетъ врозь,
А сѣдмаго-то смахнѣтъ въ серѣдочку—
На земі лежатъ всѣ семь борцовъ, не могутъ встать.

Плюнулъ князь Владиміръ, да и прочь пошелъ:

„Глупая Забава, неразумная!

Дологъ волосъ у тебя, умъ вѣротоевъ:

Женщиною назвала богатыря:

Экаго посла здѣсь и не видано!“

Позаспорилась Забава съ княземъ-дядюшкой:

„Ай же ты, мой государь-свѣтъ дядюшка!

А не быть же то грозну послу—быть женщи́нѣ:

Всѣ примѣты у него по-женскому.“

Говорить Владиміръ стольно-вѣевскій:

„Я пойду, еще посла провѣдую:

Буде онъ не мѡлодецъ, а женщина,

Не пойдетъ стрѣлять онъ изъ туга лука.“

Выводилъ онъ тутъ двѣнадцать молодцовъ-стрѣльцовъ,

Славныхъ все, могучихъ богатырей,

Приходилъ къ Василию Микуличу:

„Молодой Василий ты Микуличъ сынъ!

Не угодно ль со стрѣльцами да потѣшиться,

Изъ туга лука стрѣлять да за цѣлу версту?“

Отвѣчаетъ младъ Васильюшка Микуличъ сынъ:

„Во чистомъ полѣ стрѣльцы мои оставлены.

Самому мнѣ развѣ поотвѣдати?

Я вѣдъ съизмала по ѹлочкѣ побѣгиваль,

Изъ туга лука съ ребятами пострѣливалъ.“

Выходили тутъ двѣнадцать молодцовъ-стрѣльцовъ,

Изъ туга лука стрѣляютъ по сыру дубу,

Попадаютъ за цѣлу версту во сѣрой дубъ;

Отъ ихъ стрѣлочекъ валѣнныхъ,

Отъ стрѣльбы ихъ богатырска

Только сѣрой дубъ шатается,

Будто отъ погоды сильныя.

Говорить посоль Васильюшка Микуличъ сынъ:

„Гой еси, Владиміръ стольно-вѣевскій!

Богатырскихъ вашихъ мнѣ луковъ не надобно.

Прикази-ка мнѣ мой малый лукъ подать,
Воловитное лучёнышко, завозное.“

Какъ тутъ винулись удалы добры мѣлодцы:
Подъ одинъ ли рогъ несутъ пять мѣлодцевъ,
Подъ другой другіе пять несутъ,
Тридцать мѣлодцевъ колчанъ калёныхъ стрѣлъ тащатъ.

Говоритъ посоль Васильюшка Владиміру:

„Ужь потѣшу-ка тебя я, князя солнышка!“

Какъ беретъ во рученьку во лѣвую

Стрѣлочку калёную булатную,
Вытягаеть тугой лукъ да за ухо:
Спѣла шёлкова тетива у туга лука,
Взвыла да пошла стрѣла калёная—
Всѣ тутъ сильные, могучіе богатыри
Бросилися будто угорѣлые,
Князь Владиміръ окарачь напѣлзался;
Хлѣснетъ стрѣлка по сырѣ дубу,
Изломала дубъ во чѣренья ножёвые.

Говоритъ посоль Василий таковѣ слова:

„Какъ ни жаль сырѣ дуба мнѣ, крявовѣстаго,

Болѣ жаль мнѣ стрѣлочки калёныя:

Не найти мнѣ стрѣлки во чистомъ полѣ.“

Плюнулъ князь Владиміръ, да и прочь пошелъ,

Говоритъ себѣ да таковѣ слово:

„Развѣ самъ посла я попровѣдую.“

Приказалъ принестъ дощечку шахматну,

Понаставить золотѣ тавлѣнчѣи,

Говорилъ послу да таковѣ слова:

„Молодой Василий ты Микучичъ сынъ!

Не угодно ли со мной самимъ потѣшиться,

Поиграть во шахматы заморскіе?“

Отвѣчаетъ младъ Васильюшка Микучичъ сынъ:

„Игроки мои въ чистомъ полѣ оставлены.

Самому мнѣ развѣ поотвѣдати?

Я вѣдь сѣзмала тавлейками постѹпывалъ,
Всѣхъ ребятокъ въ шашки-шахматы обыгрывалъ.“

„Ай же ты, лихой игрокъ Васильюшка!
Ты поставь-ка на дощечку дани-выходы,
Самъ я, князь, поставлю стольный Кіевъ градъ.“

Стали тутъ тавлейками застѹпывать,
Стали по доскѣ ходить-гулять.
Въ первый разъ посоль ступень ступилъ—
Ко Владиміру не дѣступилъ;

Во другой ступилъ—призѣступилъ,
Въ третій разъ ступилъ—игру повѣигралъ,
Шахъ и матъ, да и тавлейки подъ доску:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кїевскій!
Проигралъ ты мнѣ свой стольный Кіевъ градъ.“

Говорить ему Владиміръ князь:

„Ты изволь меня, посоль, взять головой съ женой!“

И прогѣворить посоль да таковы слова:

„А не надобно же мнѣ тебя съ княгинею,
Да не надобно и вашего мнѣ Кіева:
Ты отдай-ка за меня замѹжь племянницу,
Молоду Забавушку Путятичну.“

На великихъ радостяхъ Владиміръ князь
Не пошелъ Забаву больше спрашивать,
Сталъ любимую племянницу просватывать
За грозна посла Василя Мивулича:

„А и гой же ты, Васильюшка Мивуличъ сынъ!
Хоть сейчасъ честнымъ ширкомъ да и за свадебку.“

Зачали они справляти свадебку,
Заводили столованьице—почѣстенъ пиръ.

Пиръ идетъ у нихъ уже по третій день,
А сегодня имъ идти ко церкви божіей.

Закручинился посоль тутъ, запечалился.

Говорить ему Владиміръ стольно-кїевскій:

„Что же, молодой Васильюшка, не вѣсель ты?“

Что же буйную головушку повѣсилъ ты?“

Отвѣчаетъ молодой Васильюшка:

„Что-то мнѣ на разумѣ не весело:

Либо померъ дома рѣднѣй батюшка,

Либо матушка велѣла долго жить.

Нѣтъ ли у тебя веселыхъ загусельщиковъ,

Поиграть въ гусельшки ярѣваты,

Спѣть про новы времена, про нынѣшни

Да про стары времена, доселѣшни?“

Доставалъ Владиміръ загусельщиковъ—

Все играютъ да не весело,

Не могли развеселить посла.

Говоритъ посолъ Васильюшка Микуличъ сынъ:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кѣевскій!

Нѣтъ ли у тебя здѣсь затюрѣмщиковъ,

Что умѣли бы играть въ гусельшки?“

Выпускалъ Владиміръ затюрѣмщиковъ,

Стали тѣ играть въ гусельшки—

Все играютъ да не весело.

Говоритъ опять посолъ Васильюшка:

„А и гдѣ же здѣсь живетъ, во Кѣевѣ,

Молодой торговый гость черниговскій,

Что по имени Ставѣръ да сынъ Годиновичъ?

Про него идетъ молва великая,

Что куда гораздъ играть въ гусельшки,

Спѣть про новы времена, про нынѣшни

Да про стары времена, доселѣшни.“

Говоритъ себѣ Владиміръ князь:

„Мнѣ какъ выпустить Ставѣра, такъ не видать Ставѣра,

А не выпустить Ставѣра, такъ разгнѣвить посла.“

Да не смѣлъ Владиміръ разгнѣвить посла,

Посылаетъ за Ставѣромъ Годиновымъ.

Выводили съ погребовъ Ставѣра Годинова,

Приводили на почѣстенъ пиръ.

Повсечилъ посоль тутъ на рѣзвѣи ноги,
 Посадилъ Ставрѣ да супротѣвъ себя,
 Супротѣвъ себя въ свамью дубовую.
 Сталь Ставѣръ гусѣлышки налаживать,
 Сталь ко струнѣмъ струночку натягивать:
 Первую наладилъ съ града Кіева,
 А другую наладилъ изъ Чернигова,
 Третію наладилъ изъ Царя-града;
 Сыгрыши повелъ великіе,
 Величаетъ князя со внягинею,
 А припѣвѣи припѣваетъ съ-за синя моря.
 Всѣ князья да бѣяре сидятъ, дивуются,
 Всѣ богатыри молчатъ, заслушались,
 А послу вздремнулось, захотѣлось спать.
 Говоритъ посоль Ставрѣ да таковы слова:
 „Здравствуешь ты, развесѣлый мѡлодецъ,
 Молодой Ставѣръ да сынъ Гоудиновичъ!
 Ты мѣня никакъ ни ѡпозналъ?“
 Говоритъ въ отвѣтъ Ставѣръ Гоудиновичъ:
 „Не откуда жъ мнѣ и знать тебя.“
 Говоритъ посоль да таковы слова:
 „Гой еси ты, князь Владиміръ стольно-кїевскій!
 Мнѣ твоихъ не надо даней-выходовъ,
 Ты пожалуй-ка мѣня веселымъ мѡлодцемъ,
 Молодымъ Ставрѡмъ Гоудиновымъ.“
 Говоритъ себѣ Владиміръ князь:
 „Какъ отдать Ставрѣ, такъ не видать Ставра,
 Не отдать Ставрѣ, такъ разгнѣвить посла.“
 Да не смѣлъ Владиміръ разгнѣвить посла,
 Отдавалъ Ставрѣ послу съ рукъ на руки.
 Говоритъ посоль да таковы слова:
 „Ай ты, молодой Ставѣръ Гоудиновичъ!
 Мы поѣдемъ-ка съ тобою во чисто поле,
 Посмотрѣть дружинишу хорѡбрую.“

Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
Пріѣзжали ко дружинувѣ хороброей.
Шель посоль Василій во бѣлой шатеръ,
Соврутился Василисой въ платя женскія:

„Здравствуешь, Ставѣръ Годиновицъ!
А теперь-то ты меня не знаешь ли?“

Отвѣчаетъ тутъ Ставѣръ Годиновицъ:

„Здравствуешь, моя любимая семейшва,
Молодая Василиса дочь Микулична!“

„А за что же ты, Ставѣръ Годиновицъ,
Засаженъ былъ княземъ въ погребѣ холодные?“

„Я тобой похвасталъ, молодой женой,
Что всѣхъ князей-бѣяровъ продашь да выкупишь,
Самого Владиміра съ ума сведешь.

А теперь скорѣй посадемъ на добрыхъ коней,
Въ свою сторону уѣдемъ, во Черниговъ градъ.“

Говорила Василиса дочь Микулична:

„А не честь же, не хвала намъ молодецкая
Воровски уѣхати изъ Кіева;

Мы поѣдемъ свадебку доигрывать.

Князья бѣяре-то проданы, выкуплены,

Солнышко Владиміръ князь съ ума сведенъ.“

Воротилися во стольный Кіевъ градъ,

Къ ласковому князю ко Владиміру.

Говорила Василиса дочь Микулична:

„Ай ты, солнышко Владиміръ князь!

Я, грозенъ посоль, Ставѣрѣва молодѣя жена,

Василиса дочь Микулична,

Воротилась свадебку доигрывать.

Да отдашь ли за меня еще племянницу?“

Говорить Забава дочь Путятична:

„Ай же ты, мой дяюшка Владиміръ князь!

Чуть вѣдь смѣху не надѣлалъ ты по всей Руси,

Чуть не отдалъ дѣвицы за женщину!“

Солнышко Владимірь стольно-кіевскій
Со стыда повѣсилъ буйну голову,
Ясны очи утопилъ въ вирпичать полъ,
Самъ прогбверилъ да такові слова:
„Благодарствуешь, Ставѣрь да сынъ Годиновичъ!
Зналь похвастать молодой женой!
Всѣхъ сѣумѣла здѣсь она продать да выкупить,
А меня, Владиміра, съ ума свести.
За твою за похвальбу великую
Ты торгуй-ка вѣкъ во Кіевѣ,
Вѣкъ торгуй и по вѣку безошлинно.“
Какъ тутъ стали отъѣзжать изъ Кіева
Въ свою сторону да во Черниговъ градъ
Молодой Ставѣрь Годиновичъ
Съ молодою Василисою Микуличной,
Выходили провожать ихъ князь съ княгинею.
Тутъ ли про Ставѣра и старину поють,
Морю синему на тишину,
Всѣмъ вамъ, добрымъ людемъ, на послушанье.

БЫЛИНА ВОСЬМАЯ.

СОЛОВЕЙ ВУДИМИРОВИЧЪ.

Высота ли—высота поднебесная!
Глубота—глубота океанъ-море!
Широкó раздолье—по всей землѣ!
Глубокі—темны омуты Днѣпровскіе!

* *
*

Изъ-подъ дуба было, дуба сѣраго,
Изъ-подъ вяза, вяза съ-подъ червлѣнаго,
Изъ-подъ кустышка да съ-подъ ракитова,
Съ-подъ березыньки да съ-подъ вудрявья,
Изъ-подъ камешка да изъ-подъ бѣлаго
Выходила, выбѣгала мать Днѣпра-рѣка,
Пала устьемъ въ море, море Черное.
Изъ-за моря, моря Чернаго,
Съ-за того лукоморья зелѣнаго,
Ото славна города отъ Вѣденца,
По той матушкѣ да по Днѣпрѣ-рѣкѣ
Какъ не чѣрны тученьки затучили,
Какъ не сѣни облачки задѣргали—
Выбѣгали-выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей да все червлѣнныхъ;
А одинъ корабликъ напередъ бѣжитъ,

Наперёдъ бѣжить да какъ собо́ль летить.
Хорошо корабли изукрашены,
Хорошо корабли изнаряжены,
А собо́ль-корабликъ получше всѣхъ:
Высокошенько головушка приподнята,
Носъ-корма сведены по-туриному,
Широки́ бока по-звѣриному—
Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
Вмѣсто очей было вставлено
По драго́му камню по яхонту,
Вмѣсто бровей было вращено
По заморскому черному соболю,
Вмѣсто усовъ было воткнуто
Два булатны́е острые ножичка,
Вмѣсто ушей было вдѣргано
Два горностаюшка зимніе—
Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
Вмѣсто гривы было прибivano
Двѣ лисицы бурнастыя заморскія,
Вмѣсто хвоста повѣшано
Два медвѣдя бѣлые заморскіе—
Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
Тонки парусы были дорогой камви,
Дорогой камбечи хрущатя,
Толсты снасти-канаты семи шелковъ,
Остры якори были булатные,
А колечики у якорей серебряныя,
Еще лапочки были золоченыя—
Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
Среди того сбо́ла-кораблика
Чердачѣкъ стоитъ зѣленъ муравленый,
Потолокъ подѣрнуть рытымъ бархатомъ,
Стѣны крыты-обиты чернымъ собо́лемъ,
Изнавѣшаны лисицами-куницами,

Дорогими соболями заморскими.
Въ чердачѣ—бесѣдочки сидѣльныя,
На бесѣдочкахъ сидитъ купавъ молодѣцъ,
Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ, ⁽³¹⁾
Со своей государыней со матушкой,
Съ молодой Ульяной Васильевной,
А вокругъ сидитъ его дружинуша,
До трехъ сотъ молодцовъ переборныхихъ;
У всѣхъ платье одѣто скурлатъ-еузна,
Купаками подпоясаны шелковыми,
На головкахъ шляпочки пуховыя,
А на ножкахъ сапожки-зелѣнь сафьянъ,
На сапожкахъ пряжечки серебряныя,
А подбиты гвоздочками золочеными.
Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ
Во гусѣлышки играетъ во яровчатныя,
Струнку ко стрункѣ натягиваетъ,
Наигрышь по-голосу налаживаетъ,
По звончатымъ струночкамъ похаживаетъ,
Игры-сыгрыши ведетъ отъ Царя-града,
А другіе ведетъ отъ Ерусѣлима,
И всѣ малыя пришѣвки съ-за сипа моря,
Съ-за синя моря Веденецкаго,
Съ-за того лукоморья зелѣнаго;
Звеселяетъ родитель-матушку,
Молодую Ульяну Васильевну,
Спотѣшаетъ дружину хорѣбрую.
Какъ встаетъ тутъ Соловей со бесѣдушки,
По кораблику по соколу похаживаетъ,
Желтыми кудѣрками потряхиваетъ,
Говоритъ самъ таковыя слова:
„Гой еси вы, гости-корабельщики,
И вы всѣ, цѣловальники любимые!
Вы послушайте-на брата бѣльшаго,

Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
 Подымайте всѣ парусы хрущатые,
 Побѣгайте ко славному ко Киеву,
 Къ ласковому князю ко Владиміру.“

Они слушали братца ббльшаго,
 Дѣлали дѣло повелѣное:
 Подымали всѣ парусы хрущатые,
 Побѣгали ко славному ко Киеву,
 Къ ласковому князю ко Владиміру.

Говорить Соловей сынъ Будиміровичъ:

„Гой вы, братцы, гости-корабельщиви,
 И вы всѣ, цѣловальники любимые!
 Вы берите-ка щупалы желѣзныя,
 Щупалы желѣзныя, долгомѣрныя,
 Щупайте во славномъ во синѣмъ морѣ,
 Мѣряйте лудья подводныя,
 Чтобы намъ, молодцамъ, проѣхати.“

Они дѣлали дѣло повелѣное:

Брали щупалы желѣзныя, долгомѣрныя,
 Щупали во славномъ во синѣмъ морѣ,
 Лудья подводныя проѣхали.

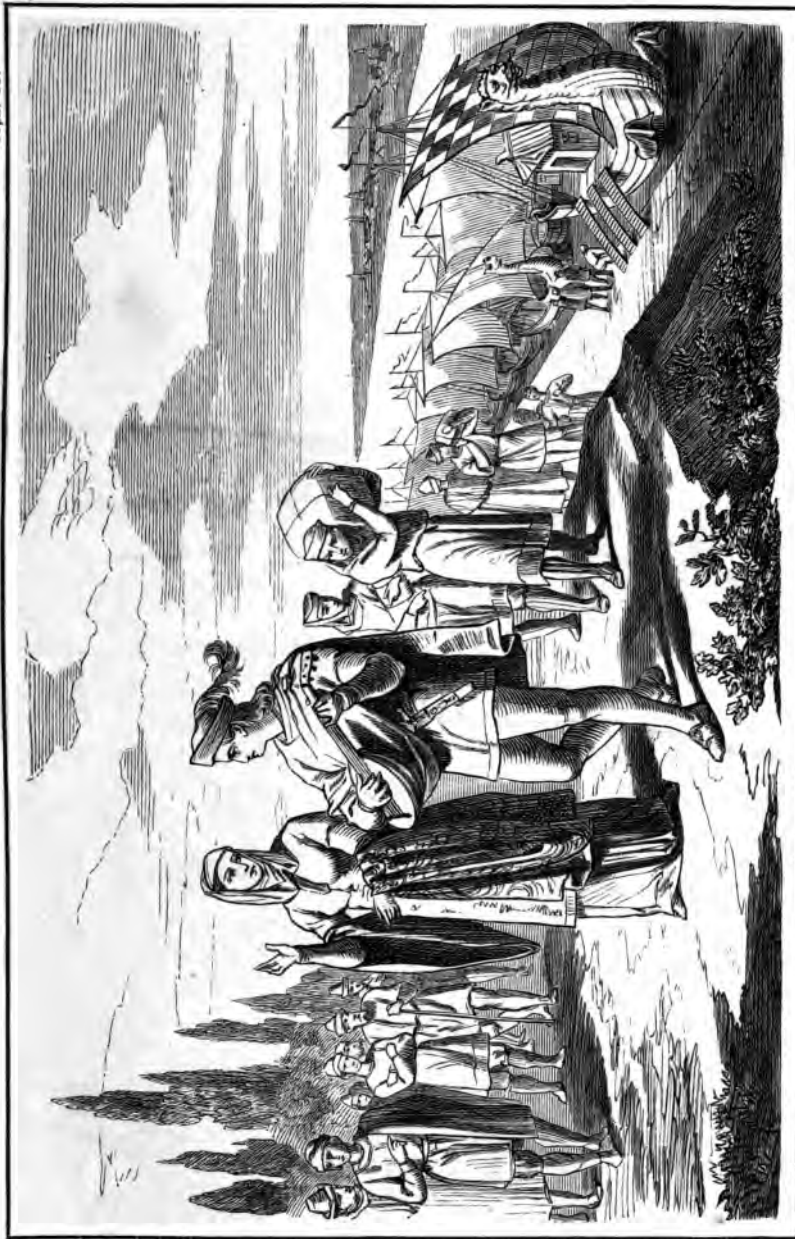
Говорить молодой Соловеюшко:

„Гой вы, братцы, гости-корабельщиви,
 И вы всѣ, цѣловальники любимые!
 Возставайте-ка на реи на верхнія,
 Поглядите-ка на славный на Киевъ градъ,
 Далёко ли стоитъ славный Киевъ градъ,
 Поглядите пристань корабельную,
 Чтобы намъ, молодцамъ, попасть туда.“

Они дѣлали дѣло повелѣное:

Возставали на реи на верхнія,
 Говорятъ саміи таковыя слова:

„Ай ты, младъ Соловей сынъ Будиміровичъ!
 Не далёко стоитъ славный Киевъ градъ,

Пометали три сроденьи на круть бережокъ,
Брали тѣ подарки умильные,
Самъ беретъ онъ гусельши яровчаты,
И пошелъ на славный княженецкій дворъ.

И видать ужь пристань корабельную.“

Скоро ѣхали-проѣхали подь Кіевъ градъ,
Забѣгали во пристань корабельную,
Остры явори метали во Днѣпру-рѣку.

Говоритъ опять Соловеюшко:

„Гой вы, братцы, гости-корабельщики,
И вы всѣ, цѣловальники любимые!
Вы мечите-ка три сходеньи на круть бережбѣ:
Перву сходенью мечите золоченую,
Другу сходенью мечите серебряную,
Третью сходенью мечите повѣлжаную;
Да берите-ка подарочковъ умильныхъ:
Дорогихъ соболей, куницъ да лисицъ,
А и матушки камѣчки заморскія,
Что заморскія камѣчки узорчатя.“

Они дѣлали дѣло повѣльное:

Пометали три сходеньи на круть бережбѣ,
Брали тѣ подарочки умильные,
Самъ беретъ онъ гусѣлышки яровчаты
Да идетъ по сходеньи золоченой,
Его матушка идетъ по серебряной,
А хорѣбная дружина по повѣлжаной.
И пошелъ онъ на славный княженецкій дворъ;
Входитъ прямо во гридню свѣтлую,
Крестъ владеть да по писаному,
И поклоны ведеть по ученому,
На всѣ три на четыре стороны,
Князю солнышу Владиміру въ особину,
Подаётъ ему подарочки умильные:
Дорогихъ соболей, куницъ да лисицъ,
А ту матушку камѣчку узорчатую
Молодой княгинюшѣ Апраксін,
Говоритъ самъ таковыя слова:

„Принимайте худые подарочки,

А на златѣ-серебрѣ не погнѣваться.“ (32)

Князю солнышку дары полюбилися,
 А княгинюшеѣ наипаче того,
 Развернула вамѡчку—дивуется,
 На плечахъ головушеа качается:
 Что вамочка-то двуличнева,
 Въ красномъ золотѣ не согнетса,
 Въ чистомъ сѣребрѣ не сломитса,
 Жемчугѡмъ кругѡмъ изнасажена;
 Да не дорого столько злато-сѣребро,
 Сколько дѡроги узоры заморскіе:
 Всѣ-то хитрости на нихъ Царя-града,
 Всѣ-то мудрости Ерусѡлима,
 А все замыслы Соловья Будимірова. (33)
 Воспроговорить княгиня Апраксія:

„Ай ты, солнышео князь стольно-кїевскїй!
 Ты умѣй-ка честить добра мѡлодца,
 Ты умѣй-ка его и пожаловати.“

Воспроговорить князь стольно-кїевскїй:

„Гой ты, душечеа, удалый добрый мѡлодецъ!
 Ты не царь ли какой, не царевичъ ли,
 Не король ли какой, королевичъ ли?
 За твои за подарочки умильные
 Какъ тебя честить, чѣмъ жаловати?
 Города ль тебѣ надо съ пригородками,
 Али сѣла тебѣ надо со присѣлками,
 Али надо безсчетной золотой вазны?“

Отвѣчаетъ Соловей Будиміровичъ:

„Гой еси ты, князь стольно-кїевскїй!
 „Какъ не царь я, не царевичъ я,
 Не король, не королевичъ я,
 Какъ торговый я гость съ-за синя моря,
 Ото славнаго города отъ Вѣденца,
 Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ.“

И не надо городовъ мнѣ съ пригородками,
 И не надо мнѣ сѣль со присѣлками,
 И не надо безсчетной золотой казны—
 У меня и своей ести дѣ-люби.“

„Гой еси ты, Соловей сынъ Будиміровичъ!
 Тагъ зачѣмъ же ты побывалъ сюда?
 Не торгѣмъ ли торговать на сѣздѣ ко мнѣ,
 Аль прїѣхалъ тагъ, на житьѣ пожить?“

Отвѣтъ держитъ младъ Соловеюшко:

„Не торгѣмъ торговать на сѣздѣ къ тебѣ,
 Я прїѣхалъ тагъ, на житьѣ пожить.
 За твоей за лаской княженецкою
 Бласлови мнѣ, князь, слово вымолвить:

Ты позволъ мнѣ мѣстечка малѣшечко,
 Гдѣ построить, поставить бы три тѣрема.“

Говоритъ ему князь стольно-кїевскїй:

„А ты стройся-ка на горѣхъ на конной,
 Гдѣ жонки да бабы пироги пекутъ,
 Гдѣ малые ребятки калачи продають,
 Калачи продають, барышничаютъ.“ (34)

„Какъ ужъ горка-то конная мнѣ нѣ люба,
 Гдѣ жонки да бабы пироги пекутъ,
 Гдѣ малые ребятки калачи продають,
 Калачи продають, барышничаютъ.

Ужъ ты дай-ка мѣстечко мнѣ подлѣ себя,
 У своей, государь, племянницы,
 Молодой Забавы Путятичны,
 Во ея, государь, зеленѣмъ саду,
 Въ вишеньѣ да въ орѣшеньѣ.“

И возгѣворитъ Владиміръ таковѣ слово:

„За твои за подарки великіе,
 За твои за рѣчи учливыя,
 Ты бери себѣ мѣсто, гдѣ прилюбится,
 Въ зеленѣмъ хотъ саду во Забавинѣмъ,

Въ вишеньѣ да въ орѣшеньѣ.“

„Благодарствуешь, князь стольно-кѣвскій,
На твоей почестѣ княженецкою!“

Скоро тутъ Соловей поворотъ держаль,
Приходилъ ко дружинущѣ хороброей,
Воспрогворилъ да таковыя слова:

„Гой вы, братцы, дружинуща хоробрая!

Вы послушайте-ка братца большаго,

Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:

Скидывайте кафтанцы скурлатъ-сукна,

Надѣвайте кожѣнцы рабочіе,

Разувайте сапожки-зелѣнь сафьянъ,

Обувайте лапотцы липовые,

Берите топорики булатные,

Подите во Забавинъ во зелѣный садъ,

Поставьте мнѣ въ вишеньѣ въ орѣшеньѣ

Къ утру-свѣту три терема златоверхіихъ,

Что верхіи бы со верхами совивѣлися,

Совивѣлися да соплетѣлися,

Молодая Забава Путятична

На верхи бы на тѣ оглядѣлася,

Намъ самимъ бы съ утра туда жить пойти.“

Они слушали братца большаго,

Дѣлали дѣло повелѣное:

Скидывали кафтанцы скурлатъ-сукна,

Надѣвали кожѣнцы рабочіе,

Разували сапожки-зелѣнь сафьянъ,

Обували лапотцы липовые,

Брали топорики булатные,

Скоро шли во Забавинъ зелѣный садъ;

Съ поздня вечера до полуночи

Будто дятлы въ дерево пощельивали,

А къ полуночи поспѣли три терема,

Что верхіи-то со верхами совиваются,

Совиваются да соплетаются,
Въ теремáхъ трое сѣничекъ снаряженныхъ:
Первы сѣнички—рѣшетчатыя,
Други сѣнички—стевольчатыя,
Третьи сѣнички—красна золота;
А вокругъ поставленъ булатный тынь,
По серѣдочкѣ—гостинный дворъ;
Къ утру-свѣту туда и жить пошли.

Зазвонили рано къ заутренѣ,
Ото сна Забава пробуждалася,
Поглядѣла во окошечко косящатое,
Во хорошій свой, во зелѣный садъ,
Въ вишенье да въ орѣшенье—
Счудовáлася Забава, сдивовáлася:
Во хорошемъ ея, во зеленóмъ саду
Что стоять три терема златоверхіе,
Во-четвѣртыхъ стоитъ гостинный дворъ.
Говорила Забава дочь Путятична:

„Что за чудо теперь мнѣ счудилося,
За ночь пиво-вино воспроизлося?
Ай вы, нянюшки мои да мамушки,
Ай вы, красныя сѣнныя дѣвушки!
Вы подите-ка, поглядите-ка:
Какъ вечеръ-то стоялъ мой зелѣный садъ,
Какъ стоялъ онъ вечеръ пустымъ-пусто,
А теперичко стоитъ густымъ-густо:
Три построено въ немъ терема златоверхіихъ,
Во-четвѣртыхъ построень гостинный дворъ.“

Отвѣчаютъ ей нянюшки, мамушки,
Ея красныя сѣнныя дѣвушки:

„Ай ты, матушка Забавушка Путятична!
Ты изволь-ка сама сходить, посмотришь:
Твое счастье къ тебѣ вѣдь на дворъ пришло.“
Своро тутъ Забава наряжается:

Обувала башмачки на босую ногу,
Надъвала навидничекъ на одно плечо,
Подвязалася платочкомъ шёлковымъ,
Брала за руку любезную подручницу,
По крылечку спущалась полегóшенько,
По дорожкѣ бѣжала поскорѣшенько
Во хорошій свой, во зелёный садъ,
Въ вишенье да въ орѣшенье.
Какъ у перваго терема послушала,
У тѣхъ сѣничекъ у рѣшетчатыхъ—
Въ тоемъ теремѣ ли стучить-бренчить,
Стучить-бренчить, щелчить-молчить: ⁽³⁵⁾
Тутъ лежитъ Соловьѣва золотá казна,
Золотá казна безсчетная.
У другаго терема послушала,
У тѣхъ сѣничекъ у стекольчатыхъ—
Въ этомъ теремѣ шопоткомъ говорятъ:
Тутъ старушечка Богу молится,
За любимое чадо умаливаетъ,
За младаго Соловья Будимирова.
Какъ у третьяго терема послушала,
У тѣхъ сѣничекъ у золоченыхъ—
Въ этомъ теремѣ во гудей гудятъ,
Во гусѣлки играютъ-наигрываютъ,
Пляшутъ, скачутъ, поютъ, привокѣиваютъ:
Соловьѣва тутъ дружинишка хорóбрая,
А и самъ Соловей сынъ Будимировичъ.
Говорить Забава дочь Путятична:
„Ай же ты, любезная подручница!
А зайдёмъ-ка мы во теремъ съ тобой.“
Заходили онѣ въ сѣни золоченныя,
Отворяли во теремъ двери на-пять—
А и больно тутъ Забава испужалася,
Чудо въ теремѣ ей показалося:

Солнце на небѣ—солнце и въ теремѣ,
 Мѣсяцъ на небѣ—мѣсяцъ и въ теремѣ,
 Звѣзды на небѣ—звѣзды и въ теремѣ,
 Зѳри на небѣ—зѳри и въ теремѣ,
 А и вся красота поднебесная.

Во одномъ ли углу говорятъ-гуторятъ,
 Во другомъ ли поють, во гудки гудятъ,
 Во гусѣлки играютъ во звончатыя,
 На середѣѣ идутъ смѣхи, сковь да плясь,
 А и всягя утѣхи несказанныя.

Испужалася Забава, перепалася,
 Подломились ея ноженъки рѣзвыя.
 Молодой Соловейко догадливъ былъ,
 Побросалъ гусѣлки звончатыя,
 Подхватилъ красну дѣвицу за бѣлыя ручки,
 Становилъ ее на рѣзвыя ножки,
 Повлонился, дѣвицу поздравствовалъ:

„А и здравствуешь, Забавушка Путятична,
 Молодая княженецкая племянница!“

Повлонилася Забава понизѣшенько,
 Говорила сама да поскорѣшенько:
 „Ай ты, душечка, заѣзжій добрый мѳлодецъ!
 Ты ли, мѳлодецъ, холостъ, нежененъ есть,
 Да и я, красна дѣвица, на выданѣѣ.“⁽³⁶⁾

Говоритъ Соловей сынъ Будиміровичъ:

„Всѣмъ ты, дѣвица, мнѣ въ любовь пришла,
 Тѣмъ лишъ, дѣвица, мнѣ не прилюбилася,
 Что сама себя, дѣвица, просватала.“

Какъ тутъ дѣвица прослезилася,
 Со дѣвичьяго стыда со великаго
 Поскорѣшенько поворѳтъ держитъ,
 Поворѳтъ держитъ, домой бѣжитъ.

А самъ душечка Соловей сынъ Будиміровичъ
 Во сердцахъ-то на то не осѣрдился,

Какъ идетъ онъ поскорѣшенько,
 Поскорѣшенько идетъ, скорымъ-скоро
 Къ князю солнышку большимъ сватомъ,
 Князю солнышку низко влняется,
 Говоритъ самъ таковы́ слова:

„Гой еси ты, князь стольно-кїевскій!
 Какъ зашелъ я въ тебѣ докладъ держать;
 Благослови мнѣ, князь, слово вымолвить.“

Говоритъ ему князь стольно-кїевскій:

„Гой еси ты, младъ Соловеюшко!

А какой ты зашелъ мнѣ докладъ держать?“

„Я такой-то зашелъ докладъ держать—

Что о добромъ дѣлѣ, о свѣтовствѣ.

Есть любимая у тебя племянница,

А нельзя ль за меня ее замужъ отдать?“

Какъ тутъ правили они рукобїтыце,

Какъ просваталъ князь стольно-кїевскій

Ту любимую свою племянницу

За младá Соловья да Будимірова,

Какъ пошелъ у нихъ почѣстенъ пиръ,

А честнымъ пиркомъ и за свадебку.

Приходилъ тутъ душечка добрый мѡлодецъ

Соловеюшко сынъ Будиміровичъ,

Бралъ ее, красну дѣвицу, за бѣлы ручки,

И пошли они съ дѣвицей въ церковь божію,

Золотыми перстнѣми обручались,

Золотыми вѣнцами повѣнчались.

Какъ завѣяла-пошла тутъ повѣтеръ

По той славной по Днѣпрѣ-рѣкѣ,

Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ

Скоро съ княземъ солнышкомъ прощается,

На соколъ-корабликъ свой собирается

Съ молодой Забавушкой Путятичной,

Со своей со рѡдной матушкой,

Со своей дружинишею хороброей;
 Самъ по соколу-вораблику похаживаетъ,
 Желтыми кудёрнами потряхиваетъ,
 Говоритъ да таковыя слова:

„Гой еси вы, гости-ворабельщичи,
 И вы всё, цѣловальники любимые!
 Вы послушайте-ка братца большаго,
 Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
 Вы снимайте сходеньки со бережка,
 Поднимайте якори булатные,
 Распускайте парусы хрущатые,
 Поѣзжайте за славно синё море,
 Ко тому лукоморью зелѣному,
 Да во славную землю Веденецкую.“

Они дѣлали дѣло повелѣное:
 Брали сходеньки со бережка,
 Поднимали якори булатные,
 Распускали парусы хрущатые;
 Выбѣгаютъ-выгребаютъ тридцать вораблей,
 Впереди всѣхъ бѣжитъ соколъ-ворабль
 По той матушеѣ по Днѣпрѣ-рѣкѣ
 Да ко славному ко синю морю.

* *
 *

Глубоки—темны омуты Днѣпровскіе!
 Широко раздолье—по всей землѣ!
 Глубота—глубота океанъ-море!
 Высота—высота поднебесная!...

БЫЛИНА ДЕВЯТАЯ.

ИЗЦѢЛЕНІЕ ИЛІИ МУРОМЦА.

Ой вы, люди мои, люди добрые,
Люди добрые, сосѣди ближніе!
Вы прійдите-ка посидѣть ко мнѣ,
Вы скажите-ка мнѣ про старое,
Про старое да про бывалое,
Про того Илью про Муромца.

* *
*

Въ старину было въ стародавнюю,
Когда князь Владиміръ вѣнецъ держалъ,
Во томъ славномъ городѣ во Муромѣ,
Во большомъ селѣ во Карачаровѣ, ⁽³⁷⁾
Жилъ крестьянинъ Иванъ Тимоеевичъ;
У того крестьянина изо всѣхъ дѣтей
Было дѣтище одно любимое,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
Какъ сидѣлъ онъ сиднемъ ровно тридцать лѣтъ,
Тридцать лѣтъ не имѣлъ ни рукъ, ни ногъ,
На печи ли яму подъ собой протѣръ.
День и ночь онъ Богу молится,
Восполбшится только, опомнится,
Какъ слышитъ вѣсти отъ странниковъ

Про того Соловья разбойника,
Что дорогу залегъ на Кіевъ градъ;
Станеть спрашивать о немъ, вывѣдывать.

„Что тебѣ до разбойника, дитятео?“

Говорить государь его батюшка.
Ничего онъ на то не отвѣтствуетъ,
Самому же все и во снѣ и въявь
Соловей разбойникъ представляется —
И молиться окаянный не дастъ ему!

Приходило время лѣтнее,
Время страдное, дни сѣнокосные,
Уходилъ государь его батюшка
Со родителемъ его со матушкой, ⁽³⁸⁾
Да со всѣмъ семействомъ любимымъ,
На работушку на ту крестьянскую,
Очищать отъ дубья-володыя пожню, —
Оставался дома одинъ Илья.

Идутъ мимо тутъ старцы незнакомые,
Нища братія, валики перехожіе, ⁽³⁹⁾
Становились подъ окошечко косящато,
Говорили Ильѣ таковыя слова:

„Ай же ты, Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ!
Возставай-ка на рѣзвѣ ноги,
Отворяй-ка ворота широкія,
Впускай-ка валикъ во храмину,
Подавай-ка валикамъ напитокя.“

Отвѣтъ держитъ валикамъ Илья Муромецъ:

„Ай же вы, валики перехожіе!
Радъ бы васъ впустить во храмину,
Радъ бы вамъ подать напитокя,
Да вотъ сиднемъ сижу ужъ тридцать лѣтъ,
Тридцать лѣтъ не имѣю ни рукъ, ни ногъ.“

Говорятъ валики перехожіе:

„Ай же ты, Илья, возставай-ка самъ!“

Илья Муромецъ сидитъ, силу пробуетъ:
 Тронетъ правую ногу—поднимается,
 Тронетъ лѣвую—и та поднимается.
 Возставалъ Илья на рѣзвыя ноги,
 Отворялъ воротá широкія,
 Впускалъ каликъ во хрáмину;
 Взялъ тогда братину въ полтора ведра,
 Опускался въ подвалы глубокіе,
 Наливалъ братину пивомъ крѣпкимъ,
 Подносилъ каликамъ переходимъ.
 Отпивали калики переходіе,
 Подавали назадъ Ильѣ Муромцу:
 „А испей-ка, Илья, ты послѣ насъ.“
 Принималъ отъ каликъ Илья Муромецъ,
 Испивалъ братину за единый духъ—
 Только пиво-то и видѣли.
 У Ильюши сердце разгорѣлося,
 Тѣло бѣлое да распотѣлося.
 И возговорятъ калики переходіе:
 „Что теперъ ты чувствуешь въ себѣ, Илья?“
 Бьетъ челомъ Илья, каликъ поздравствовалъ:
 „Чую здравіе въ себѣ великое.“
 Говорятъ калики переходіе:
 „А подай-ка ты намъ еще испить.“
 Взялъ Илья братину больше прежняго,
 Опускался въ подвалы ниже прежняго,
 Наливалъ братину пивомъ крѣпче прежняго,
 Подносилъ каликамъ переходимъ.
 Отпивали калики переходіе,
 Подавали назадъ Ильѣ Муромцу:
 „А испей-ка еще ты послѣ насъ.“
 Испивалъ онъ братину за единый духъ—
 Только пиво-то и видѣли.
 И возговорятъ калики переходіе:

„Что теперь ты чуешь въ себѣ, Ильѣ?“

„Слышу силушку въ себѣ великую:
Кабы столбъ былъ отъ земли до небушья,
Во столбу утверждено золотó кольцо—
За кольцо бы взялъ, перевернулъ землю.“

Говорять калики промежь себя:

„Много силушки дано Ильѣ:

Не снесетъ его мать-сырѣ земля.

Надо будетъ поубавить ему силушки.“

Говорять калики Ильѣ Муромцу:

„А подай-ка ты намъ еще испить.“

Взялъ Ильѣ братину больше прежняго,

Опускался въ подвалы ниже прежняго,

Наливалъ братину пивомъ крѣпче прежняго,

Подносилъ каликамъ переходимъ.

Отпивали калики переходіе,

Поддавали назадъ Ильѣ Муромцу:

„А испей-ка еще ты послѣ насъ.“

Испивалъ онъ братину за единый духъ—

Только пиво-то и видѣли.

И возгворять калики переходіе:

„Много ль чуешь еще въ себѣ силушки?“

„Да убавилось будто на половинушку.“

„А и будетъ съ тебя этой силушки.

Будешь ты, Ильѣ, великъ богатырь,

На бою тебѣ смерть не написана.

Ты постой-ка за вѣру христіанскую,

Бейся-рѣтися съ силой невѣрною,

Со богатырями сильными, могучими

Да со всею поленицею удалою;

Не ходи только драться-рѣтиться

Со могучимъ Святогоромъ-богатыремъ:

Черезъ силу носить его земля;

Не бейся и съ родомъ Микулинымъ:

Его любить матушка-сиря земля;
 Не ходи еще на Вольгу Всеславича:
 Онъ не силой возьметъ, такъ хитростью-мудростью.
 А теперь доставай-ка себѣ коня.
 Коня добраго, коня богатирскаго:
 Выходи во раздольице чистѣ поле:
 Какъ услышишь заржучись жеребчика.—
 Что запроситъ крестьянинъ за жеребчика,
 Хотя запроситъ цѣлыхъ пятьсотъ рублей—
 Ты давай за него пятьсотъ рублей.
 Станови его въ срубъ на три мѣсяца,
 Бѣлозровой пшеной его откармливай,
 Ключевой водою его отпаввай:
 А пройдетъ тому времени три мѣсяца—
 Ты по три ночи въ саду его поваживай.
 Въ трехъ росахъ его во утреннихъ выкаивай, ⁽⁴⁰⁾
 Подводи ко туну ко високому:
 Станетъ конь тутъ понгривать, поплисивать,
 Головою повергивать, погряживать,
 Въ лошадиня носъ пофиркивать,
 Черезъ тунъ взадъ-впередъ перескакивать—
 Ты сѣдай тогда добра коня,
 Полагай на него доспѣхи крѣпкіе,
 Побѣжай на немъ во чистѣ поле,
 Повезетъ онъ тебя по святой Руси,
 И богатыремъ сильнымъ, свѣторусскимъ
 Ты по всей святой Руси прославишься.⁴
 Тутъ калики ушли, потерялися.
 И пошелъ Илья ко родителямъ,
 За три добрища отъ дому на займище,
 На работунку на ту крестьянскую,
 Отъ грѣбъ-володы очиститъ валь,
 Отъ работы отъ той поумявнися,
 Его родители отдыхаютъ-спать.

Взялъ Илья топоръ во бѣлы ручки,
Началъ чистить пѣжню-займище:
Все дубьё-колодьё повырбилъ,
Во глубокую рѣку повыгрузилъ,
Развалилъ все займище великое
И топоръ по корень въ пенъ воткнулъ —
Не начистили семействомъ всѣмъ въ три дня,
Сколько онъ начистилъ въ три часа.
Какъ возстали со сна родители,
Удивлялись они, испужались:

„Что за чудо такое подѣялось?
Кто сработалъ за насъ работушку?“
Подходилъ къ нимъ тутъ Илья Муромецъ,
Разсказалъ про валинь переходящихъ,
Какъ поилъ онъ ихъ пивомъ крѣпкимъ,
Какъ давали и они ему испить,
Какъ почуялъ онъ здравіе великое,
Получилъ великую силушку.

И пошелъ Илья во чисто поле,
Услыхалъ заржучисъ жеребчика.
Какъ ведетъ мужикъ жеребчика,
Жеребчика косматаго, шелудиваго. ⁽⁴¹⁾
Не радился Илья, купилъ жеребчика,
Становилъ его въ срубъ на три мѣсяца,
Бѣдояровой пшеной его откармливалъ,
Ключевой водой его отпаивалъ;
А прошло тому времени три мѣсяца —
Сталъ по три ночи въ саду его поваживать,
Въ трехъ росахъ его во утреннихъ вытатывать,
Подводилъ ко тыну ко высокому;
Сталъ жеребчикъ поигрывать, поплясывать,
Головою повертывать, потряхивать,
Въ лошадиныя ноздри пофыривать,
Черезъ тынъ вездѣ-впередъ перескакивать.

Осѣдаль, зауздаль его Илья,
 Полагаль на него доспѣхи вѣршіе,
 Говорилъ самъ таковыя слова:
 „Ай ты, славный мой, богатырскій конь!
 Послужи-ка мнѣ вѣрою-правдою!“

Обольчужился Илья, облатился,
 Сталь пытать мечи булатные:
 Какъ сожметъ въ кулакѣ рукоять меча—
 Сокрушится рукоять, рассыплется;
 Кинулъ бабамъ мечи онъ лучину драть,
 Самъ беретъ три пѣлосы булатныя,
 Въ каждой пѣлосѣ-то по три пуда,
 Три стрѣлы изъ пѣлосѣ себѣ выковаль,
 Закавалъ во утробѣ мать-сырой земли,
 Положилъ ихъ во глубоку колчанъ,
 Положилъ во налучникъ свой тѣгой лувъ,
 Бралъ съ собою копье долгомѣрное,
 Бралъ еще и палицу булатную.

Какъ не сѣрой дубъ къ землѣ влонится,
 Не листочки по землѣ разстилаются—
 Разстилается сынъ передъ батюшкой,
 Себѣ просить благословеньица
 Да на вѣки нерушимые:

„Гой еси ты, родимый, милый батюшка!
 Ужь ты дай-ка мнѣ благословеньице:
 Я поѣду во славный стольный Кіевъ градъ,
 Заложиться за князя за Владиміра,
 Послужить ему вѣрою-правдою,
 Постоять за вѣру христіанскую.“

Говорить старый Иванъ Тимошеевичъ:
 „Гой ты свѣтъ мой, чадо порождѣное!
 Я на добрыя дѣла благословлю тебя,
 На худыя дѣла благословенья нѣтъ.
 Какъ поѣдешь ты путемъ-дорогою,

Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ христiянина.“

Повлонился Илья отцу дѣ земли,
Заходилъ еще за Оку-рѣву
Ко тому Миколѣ Заручѣвскому,
Отслужилъ обѣдню запрестольную,
Становилъ свѣчу въ двадцать пять рублей,
Посулилъ впередъ пятьдесятъ рублей,
Самъ давалъ завѣты великіе:

„Въ Кіевъ градъ проѣхать въ полтора часа,
Межь обѣдней ранней и утренней,
Поспѣвать ко столу княженецкому,
Ко обѣду тому воскресенскому,
Путь держать дорожкой прямоѣзжею,
Не натягивать туга лука,
Не навладывать каленой стрѣлы,
Не кровавить копыя долгомѣрнаго,
Не кровавить и палицы булатныя.“

На прощанье еще во ладонку
Взялъ земельки родной малу горсточку,
На прощанье пустилъ по Окѣ-рѣвѣ
Оржаного хлѣбушка корочку,
Самъ Окѣ-рѣвѣ приговаривалъ:

„А спасибо жь тебѣ, матушка Ока-рѣва,
Что поила, кормила Ильѣ Муромца.“

Еще видѣли—сѣлъ на коня Илья,
А не видѣли—куда поѣду далъ.

БЫЛИНА ДЕСЯТАЯ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ, ЧЕРНИГОВЦЫ и СОЛОВЕЙ РАЗВОЙНИКЪ.

Охъ вы, рощи, рощи зеленія! липушки цвѣтныя!
Вы, кусточки молодые! вы, орѣшнички густые!
Разрослись, расплодился по крутымъ берегамъ,
По крутымъ берегамъ, все по быстрымъ рѣкамъ,
'коло Волги, 'коло Камы, 'коло Дона-рѣки!
Обтекають эти рѣчки славны русски города,
Протекаетъ рѣка Волга 'коло Муромскихъ лѣсовъ,
Какъ плывуть-то, всплываютъ красны лодочки на ней:
Красны лодочки краснѣють, черны шляпоньки чернѣють,
Черны шляпоньки чернѣють на гребцахъ-молодцахъ,
На самѣмъ-то на старшѣмъ-то черна соболя волпакъ.
Они ѣдутъ-воспѣвають все про Муромски лѣса,
Они хвалятъ-величаютъ все удала молодца,
Все удала молодца Илью Муромца!

* *
*

Какъ изъ славна города изъ Мурома,
Изъ того села изъ Карачарова
Начиналася поѣздка богатырская:
Выѣзжалъ удалый добрый мѣлодецъ
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
Онъ стоялъ заутреню во Муромѣ,

Положилъ завѣты крѣпкіе:
Въ Кіевѣ градъ проѣхать въ полтора часа
Межь обѣдней раннею и утренней,
Поспѣвать въ обѣду княженецкому,
Путь держать дорожкой прямоѣзжею,
Руку дорожкой не кровавити.

Какъ первѣй ускокъ свой богатырскаго коня
Далъ во полпути отъ Муромъ—
Съ-подъ копытъ его ударилъ ключъ живой;
У влюча Ильюша сѣрой дубъ срубилъ,
Надъ влючомъ часовню устанавливалъ,
На часовнѣ имечко свое подписывалъ:

„Бѣхалъ святорусскій богатырь, крестьянскій сынъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.“

О сю пору лется родничокъ живой,
О сю пору же стоитъ надъ нимъ часовенька; (42)
А въ ночи въ влючу студѣному
Ходитъ звѣрь-медвѣдь воды испить,
Понабраться силы богатырскаго.

Какъ другимъ ускокомъ богатырскаго коня
Перенесъ Ильюшу черезъ Муромъ градъ;
А за третимъ ускокомъ Илья Муромецъ
Подѣзжалъ ко городу Чернигову. (43)
У того ли города Чернигова
Силы-ратища стоитъ чернымъ черно,
Нагнано что черно ворона.
Подступили подъ Черниговъ три царевича,
Съ каждымъ силы сорокъ тысячей.
Богатырско сердце неумчиво, разбѣрчиво:
Что веселый огонечикъ разыграется,
Что морозъ палящій разгорается.
Говоритъ себѣ Ильюша таковое слово:

„Не хотѣлось бы отцу быть супротивникомъ,
Не хотѣлось бы и заповѣдь переступить;

Да хоть всякій заповѣди кладываль,
А не всякій заповѣди сдерживаль.“

Подъѣзжаетъ онъ во силушеѣ великоей,
Да не хочетъ натянуть свой тѹгой лукъ,
Палицу, копье свое кровавити—
Сырой дубъ беретъ онъ въ три обѡймени,
Изъ земли повѣвернулъ, повѣдернулъ
Со камѣнями да со кореньями,
Сталь сырѣмъ дубомъ по силушеѣ погуливать,
Силушку добрѣмъ конемъ потаптывать;
Гдѣ махнетъ—тамъ силы улицы,
Отмахнется—часты площади;
Добивается до трехъ царевичей,
Говорить имъ таковыя слова:

„Охъ, вы гой еси, мои царевичи!

Во полонъ ли мнѣ васъ, братцы, взять,

Али буйны головы съ васъ снять?

Какъ въ полонъ васъ взять—дѣвать васъ нѣкуда:

У меня дороженьки заѣзжія,

У меня хлѣба завозные;

А какъ головы снять—царски сѣмена сгубить.

Разъѣзжайтесь-ка вы по своимъ ордамъ,

По своимъ ордамъ да по своимъ мѣстамъ,

Да чиніти, разносите такову славу,

Что святая Русь да не пуста стоитъ,

Есть еще на матушеѣ святой Руси

Сильные, могучіе богатыри.“

Заѣзжалъ онъ тутъ во славный во Черниговъ градъ,

Подъѣзжалъ во церкви божіей,

Къ тому Ивану во Великому:

А во церкви божьей люди Богу молятся,

Какотся да приобщаются,

Съ бѣлымъ свѣтушкомъ прощаются.

Заходилъ Илья во славный божій храмъ,

Крестъ владеть да по писаному,
И поклонъ ведетъ да по учёному:
Поклоняется святому Спасу образу,
Во-другихъ святыхъ божьей матери,
Во-третьихъ всему міру христіанскому:

„Ужь вы здравствуйте-ка, мужички черниговцы!
Вы объ чемъ тутъ каетесь да приобщаетесь,
Съ бѣлымъ свѣтушкомъ прощаетесь?“

Отвѣчаютъ мужички черниговцы:

• „Мы объ томъ тутъ каемся да приобщаемся,
Съ бѣлымъ свѣтушкомъ прощаемся,—
Обступили нашъ Черниговъ три царевича,
Наступаютъ силой трижды сорокъ тысячей.“

Говоритъ имъ Илья Муромецъ:

„Вы идите-ка на стѣну городѡвую,
Посмотрите во чистѡ поле
На ту силу трижды сорокъ тысячей.“

Шли черниговцы на стѣну городѡвую,
Со стѣны смотрѣли во чистѡ поле
На ту силу трижды сорокъ тысячей:
Гдѣ стояла сила во чистѡмъ полѣ,
Тамъ стоятъ одни знамена да не руссія,
Много множество знаменъ, какъ во темнѡмъ лѣсу,
Во темнѡмъ лѣсу сухаго дерева;

А народу тамъ прибито да привалено,
Будто градомъ нива выбита, присѣчена.
Бьютъ челомъ Ильѣ черниговцы низѡмъ низко:

„Гой же ты, удалый добрый мѡлодецъ!

Ты коей земли, коей орды,
Коего отца да коей матушки,
Какъ тебя, удалый, именѣмъ зовутъ?
Ты иди-ка къ намъ въ Черниговъ воеводую,
Ты суди суды надъ нами правильно,
Будемъ всѣ тебя мы слушати.“

Говорить въ отвѣтъ имъ Илья Муромецъ:

„Не дай Господи съ холопа дѣлать барина,
 Съ барина холопа, съ палача попа,
 Воеводу дѣлать съ богатыря!
 Я изъ той земли, изъ той орды,
 Изъ того изъ города изъ Мурома,
 Изъ того села изъ Карачарова,
 Святорусскій богатырь, крестьянскій сынъ,
 Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
 Не хочу идти къ вамъ воеводою!
 Уважите мнѣ дорожку прямоѣзжую,
 Прямоѣзжую во столичный Кіевъ градъ.“

Не хотятъ пускать его черниговцы,
 Насыпаютъ чашу красна золота,
 Насыпаютъ чашу чиста сѣребра,
 Насыпаютъ третью скатна жемчугу,
 Всѣ ему подносятъ во подарочекъ.
 Не беретъ Илья ихъ злата-сѣребра,
 Не беретъ ихъ скатна жемчугу,
 Просить указать дорожку прямоѣзжую.
 Говорятъ ему черниговцы:

„Ай же ты, удалый добрый мѡлодецъ!
 Прямоѣзжая дорожка заколодѣла,
 Заколодѣла дорожка, замуравѣла;
 Какъ по той пути-дороженьи
 Тридцать лѣтъ никто пѣхотою не хаживаль,
 На добромъ конѣ никто не ѣзживаль.
 А стоятъ тамъ три заставушки великія:
 Первая застава⁽⁴⁴⁾ — во лѣсахъ во Брынскіихъ
 Грязь топучая, корбá зыбучая;
 А другая — у березы у поеляпыя,
 У той славной рѣчки у Смородиной,⁽⁴⁵⁾
 У того креста у Леванидова,
 Воргъ сидитъ на трехъ дубахъ да на семі сугахъ,

Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ; ⁽⁴⁶⁾
 Какъ засвищеть онъ по-соловьиному,
 Зашипить, разбойникъ, по-змѣиному,
 Закричить, собака, по-звѣриному—
 Отъ того отъ по́свисту соловьяго,
 Отъ того отъ по́шипу змѣинаго,
 Отъ того отъ по́крику звѣринаго
 Всѣ-то травушки-муравы улетаются,
 Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
 Темны лѣсушки къ землѣ всѣ приклоняются,
 А чтó есть людей—то всѣ мертвы лежать.
 Третья ли заставушка великая—
 Домъ стоитъ у Соловья разбойнива
 На семи дубахъ да на семи верстахъ;
 Какъ живетъ тамъ молода жена Солвьева
 Со тремя со дочерьми родимыми—
 Мимо не пройти ни конному, ни пѣшему.
 Прямо́зжей-то дорожкой будетъ триста версть,
 А окольною дорожкой цѣла тысяча.“

Пораздумался удалый Илья Муромецъ:

„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
 Ъхати дорожкойю окольною,
 Ужь поѣду-ка дорогой прямо́зжею.“

Какъ не буйны вѣтрушки завѣяли—
 Какъ поѣхалъ тутъ удалый добрый млодецъ
 Неоальною дорожкой, прямо́зжею;
 Бралъ во ручку плѣточку шелкóвеньку,
 Билъ коня да по тучнымъ бедрамъ,
 Вынуждалъ свакать всей силушкой великою;
 Осержался добрый богатырскій конь,
 Со горы на гóру перескакивалъ,
 Со холма да на холмъ перемакивалъ,
 Мелки рѣченки, озѣрка промежь ногъ спускалъ.
 И привезъ его онъ во лѣса во Брынскіе,

И повезъ съ собою по чисту полю.
 Сталь тутъ добрый конь его поскакивать,
 Соловешко у стремени поплясывать.

И подѣхаль онъ ко третьей ко заставушкѣ—
 Ко тому ко дому Соловьиному;
 А стоитъ онъ на семи дубахъ,
 На семи дубахъ да на семи верстахъ,
 Около двора идетъ желѣзный тынъ,
 А на всякой тычинкѣ по маковѣ,
 По головушкѣ по богатырской.
 Какъ живетъ тамъ молода жена Солóвьева
 Акулина дочь Дудентьевна,
 Какъ живутъ съ ней дѣтушки родимья:
 Старшая—Невев Соловьевична,
 Средняя—Ненила Соловьевична,
 И меньшáя Пелька Соловьевична.
 Какъ глядятъ тѣ дѣтушки Солóвьевы
 Во окошечко косящато,
 Сами говорятъ да таковы слова:

„Ай ты, наша матушка-родителевъ,
 Акулина дочь Дудентьевна!
 Ёдетъ государь нашъ батюшка
 Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ,
 На добромъ конѣ сидитъ, на богатырскомъ,
 А везетъ онъ мужичищу-деревенщину
 У булатнаго у стремени прикована,
 Кверху ноженъки, а внизъ головушка.“

Прибѣгала Акулина дочь Дудентьевна,
 По поясъ въ окошечко бросалася,
 Закричала жалкимъ голосомъ:

„Ай же, глупыя вы дѣтушки,
 Неразумныя вы дѣтушки!
 Ёдетъ мужичище-деревенщина,
 На добромъ конѣ сидитъ, на богатырскомъ,

А. ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Стр. 106—107.

„Ай же, глупыя вы дѣтушки,
Неразумныя вы дѣтушки!
Ѣдетъ мужичище-деревенщина,
А везетъ-то государя-батюшку.“

А везеть-то государя-батюшку
 У булатнаго у стремени прикована,
 Кверху ноженъки, а внизъ головушка.
 Вы бѣгите-ка скорѣе на широкой дворъ,
 Поднимите подворотеньку чугунную,
 Да убейте на проѣздѣ въ воротѣхъ его,
 Выручите батюшку желаннаго!“

Побѣжали эти дочушки Солóвьевы,
 Впереди всѣхъ Пельва Соловьевична;
 Поднимала Пельва подворотеньку,
 Подворотеньку во девяносто пудъ,
 Ладила ударить Илью въ буйну голову.
 Да была его ухватка богатырская,
 Осадилъ Илья назадъ добра коня,
 Пролетѣла мимо подворотенька.
 Пнулъ еще ногою дѣвку подъ спину—
 Улетѣла дѣвка за широкой дворъ,
 Нажилá себѣ увѣчье вѣковѣчное. ⁽⁴⁷⁾

Закричалъ тутъ дѣткамъ во всю голову
 Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ:

„Ай же, глупыя вы дѣтушки,
 Неразумныя вы дѣтушки!
 Подворотней ли убить вамъ мѳлодца,
 Коли самъ я свистомъ не сразилъ его?
 Вы зовите мѳлодца въ гостѣбище,
 Вы дарите мѳлодца подарками,
 Выкупáйте батюшку желаннаго.“

Стали звать онѣ Илью въ гостѣбище,
 Выносили цѣнныя подарочки,
 Золотой казны даютъ ему три тысячи—
 Не беретъ Ильюшенька трехъ тысячей;
 Обѣщаютъ тридцать тысячей—
 Не беретъ и тридцати онѣ тысячей:

„Мнѣ подарочковъ неправедныхъ не надобно,

И не выдамъ вамъ я батюшки-разбойника;
Я свезу его во Кіевъ градъ,
На вино пропью да на калачъ проѣмъ.“

„Ай же ты, удалый добрый мѡлодецъ!
Ты бери съ насъ злата-сѣребра,
Ты бери съ насъ скатна жемчугу,
Сколько сможетъ увезти твой добрый конь,
Сколько самъ снесешь на плѣчахъ богатырскіихъ;
Только намъ оставь кормильца-батюшку,
Хоть не ради прокормленьца,
Хоть бы ради поглядѣнница.“

Говоритъ Илья имъ таковыя слова:

„Ай вы, малы дѣтушки Солѡвьевы!
Не оставлю и на поглядѣннице.
Поѣзжайте-ка за мною на прощеньце:
Повладите все имѣніе-богачество,
Всю несчѣтну золотую казну
На телѣги на ордѣнскія,
Да катите въ славному столну Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру:
Можетъ, тамъ вамъ и отдамъ кормильца-батюшку.“

Самъ поѣхалъ къ славному столну Кіеву,
Поспѣвалъ еще къ обѣдненьѣ ко поздней.
Входитъ онъ во славный божій храмъ,
Крестъ владеть да по писаному,
И повлонъ ведетъ да по ученому,
Всѣмъ святымъ иконамъ повлоняется:

„Не исполнилъ я завѣта божьяго,
Окрававилъ руки въ человѣчью кровь:
Надо бы служить во храмъ Богу мѡлебень.“

Отстоявши позднюю обѣдню,
Ѣдетъ ко палатамъ княженецкіимъ,
Пріѣзжалъ на княженецкій дворъ,
Привязалъ коня ко столбику точену,

Ко тому колечку золочёному,
 Дверь въ палаты на-пяту размахиваль,
 Заходилъ во гридню княженецкую,
 Кладъ тутъ вкрестъ да по писаному,
 Вель поклоны по учёному,
 На четыре на сторонки низко кланялся,
 Князю солнышу съ княгинею въ особину,
 Всѣмъ еще князьямъ его да подколѣнными.
 Говорить ему Владиміръ стольно-кѣвскій:
 „Здравствуешь, удалый добрый мѣлодецъ!
 Ты коей земли, коей орды?
 Какъ тебя, скажись, зовутъ по имени,
 Нарекаютъ по отечеству?“

Отвѣчаетъ добрый мѣлодецъ:

„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
 Я изъ славна города изъ Мурома,
 Изъ того села изъ Карачарова,
 Святорусскій богатырь, крестьянскій сынъ,
 Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.“

Говорить Владиміръ стольно-кѣвскій:

„Ай ты, Илья Муромецъ Ивановичъ!
 А давно ль ты выѣхалъ изъ Мурома,
 А какой дорожкой ѣхалъ ты во Кіевъ градъ?“

Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:

„Я стоялъ заутреню во Муромѣ,
 Положилъ завѣты крѣпкіе:
 Въ Кіевъ градъ проѣхать въ полтора часа
 Межь обѣдней раннею и утренней,
 Поспѣвать къ обѣду княженецкому.
 Да дорожкой дѣло призамѣшалось:
 Ёхалъ я дорожкой прямоѣзжею,
 Мимо славна города Чернигова,
 Ёхалъ ли еще лѣсами Брынскими,
 Мимо той березыньки поеляпыя,

Мимо славной рѣченки Смородиной,
 Мимо славнаго креста да Леванидова;
 Лишь поспѣлъ къ обѣденкѣ ко поздней.“

Какъ сидѣлъ Алеша тутъ Поповскій сынъ,
 Говорить Алешенька Владиміру:

„Гой ты, ласковое солнышко Владиміръ князь!
 Во глазахъ дѣтина завирается,
 Во глазахъ надъ нами насмѣхается!
 Ужь ему ли, деревенщинѣ, проѣхати
 Прямохожею дорожкой, прямоѣзжею?
 У того у города Чернигова
 Силы нагнано чернымъ черно:
 Сѣру заушьѣ въ три года вкругъ не обскавать,
 Ясну соколу въ три года да не облетѣть.
 Во лѣсахъ во Брынскихъ грязь топучая,
 Грязь топучая, корба зыбучая;
 А у той березы у попяты,
 У той славной рѣчки у Смородиной,
 У того креста у Леванидова,
 Воръ сидитъ на трехъ дубахъ да на семі сувахъ,
 Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ;
 Какъ засвищетъ онъ по-соловьиному,
 Зашипитъ, разбойникъ, по-змѣиному,
 Закричитъ, собака, по-звѣриному—
 Всѣ-то травушки-муравы уплетаются,
 Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
 Темны лѣсушки къ землѣ всѣ приклоняются,
 А что есть людей—то всѣ мертвы лежать.“

Говорить удалый Илья Муромецъ:

„Гой ты, солнышко Владиміръ стольно-вѣевскій!
 Соловей разбойникъ на твоємъ дворѣ;
 Выбилъ я ему, злодѣю, правый глазъ,
 Приковаль его ко стремечку булатному.“

Какъ тутъ солнышко Владиміръ стольно-вѣевскій

Возставалъ скорѣнько на рѣзвѣ ножи,
 Куню шубоньку накинулъ на одно плечко,
 Соболину шапочку да на одно ушко,
 Выходилъ съ княгиней на широкій дворъ
 Посмотрѣть на Соловья разбойника;
 Какъ тутъ пометались всѣ князья да бояре,
 Повидались всѣ могучіе богатыри:
 Богатырь Самсонъ Самойловичъ,
 Богатырь Суханъ Домантьевичъ,
 Богатырь Добрынюшка Нивитичъ младъ,
 Богатырь Алешенька Поповскій сынъ,
 Съ ними семь братовъ Сбродовичей,
 Два еще брата Хапилова,
 Да еще ли мужики Залѣшане—
 Выбѣгали всѣ за княземъ на широкій дворъ,
 Подбѣгали къ Соловью разбойнику.
 А разбойничекъ виситъ у стремени,
 Травянымъ мѣшкомъ виситъ, согнутъ корчагою,
 Лѣвымъ глазомъ-то глядитъ на Кіевъ градъ,
 Правымъ глазомъ, что подстрѣленъ, на Черниговъ градъ.
 Говоритъ ему Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай ты, Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ!

Засвищи-ка ты по-соловьинному,
 Запиши-ка по-змѣинному,
 Закричи-ка по-звѣриному.
 Пусть потѣшатся мои князья да бояре,
 Пусть услышатъ всѣ могучіе богатыри.“

Отвѣчаетъ Соловей Рахмановичъ:

„Не у васъ сегодня хлѣба кушаю,
 Такъ не васъ сегодня и послушаю;
 Я сегодня кушалъ у Ильи у Муромца,
 Одного Ильюшу и послушаю.“

Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай ты, Илья Муромецъ Ивановичъ!

Приважи-ка ты разбойнику
Засвистать по-соловьиному,
Зашипѣть да по-змѣиному,
Закричать да по-звѣриному.“

Говорить удалый Илья Муромецъ:

„Ужь ты гой еси, нашъ батюшка Владиміръ князь!
Не во гнѣвъ бы вамъ съ внягиней показался:
Я тебя ли, батюшку, возьму подъ пазушку,
Подъ другой прикрою матушку внягинюшку.
Ай ты, Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ!
Ужь потѣшь-ка князя батюшку,
Засвищи-ка да полѹ-свистомъ,
Зашипи-ка да полѹ-шипомъ,
Закричи-ка да полѹ-кривомъ.“

Отвѣчаетъ Соловей Рахмановичъ:

„Ай ты, славный Илья Муромецъ!
Какъ не ходять у меня уста сахарныя,
Запеклись горячей кровью, запечатаны:
Ты стрѣлилъ меня во правый глазъ,
Выходила стрѣлка во лѣво ухо.
Приважи-ка князю солнышку
Чару мнѣ налить да зеленá вина;
Какъ повыпью зеленá вина,
Тутъ мои кровавы раны поразбѣдутся,
Тутъ мои уста сахарны порасходятся,
Засвищу я вамъ тогда по-соловьиному,
Зашиплю вамъ по-змѣиному,
Закричу вамъ по-звѣриному.“

Говорить Илья князю Владиміру:

„Гой ты, солнышко Владиміръ стольно-кїевскїй!
Ты поди-ка въ горенку столовую,
Наливай-ка чару зеленá вина,
Да не малую стопу—во полтора ведра,
Разводи ее медами да стоялыми,

Подноси да Соловью разбойнику.“

Скоро князь Владиміръ стольно-вѣевскій
 Шель во горенку столовую,
 Налилъ чару зеленá вина,
 Да не малую стопу—во полтора ведра,
 Разводилъ ее медами да стоялыми,
 Подносилъ собагъ Соловью разбойнику.
 Принялъ чару Соловей одной рукой,
 Выпилъ чару за единый вздохъ,
 Да отъ той отъ чары ли собаку хмѣль зашибъ,—
 Не послушался наказа онъ Ильюшина,
 Засвисталъ во весь во соловьиный свистъ,
 Зашипѣлъ во весь змѣиный шипъ,
 Закричалъ во весь звѣриный крикъ.
 Отъ того отъ пѣсвисту солѡвьяго,
 Отъ того отъ пѣшипу змѣинаго,
 Отъ того отъ пѣбрику звѣринаго—
 Мáковки на теремахъ покрѣвились,
 Стеклышки въ оконницахъ полѡпались,
 Со двора всѣ кѡни разбѣжались,
 Всѣ князья со бѡярами пали зáмертво,
 Всѣ могучіе богáтыри припáдали,
 Оварáвой пѡ двору распѡзались,
 Самъ Владиміръ князь съ княгинею
 Еле живъ стоитъ, шатается,
 У Ильи подъ пазушкою укрывается:

„Гой еси ты, Илья Муромецъ Ивановичъ!

Ты уйми-ка Соловья разбойника,
 Чтобы не свисталъ по-соловьиному,
 Князей-бѡяровъ оставилъ мнѣ на сѣмена!“

Какъ ватáтъ тутъ дѣтушки Солѡвьевы
 На широкій княженецкій дворъ
 Много множество телѣгъ ордѣнскихъ.
 На имѣніе-богачество Солѡвьєво

Солнышко Владиміръ князь обзѣрился.

Говорить удалый Илья Муромецъ:

„Ай ты, солнышко Владиміръ князь!

Не тобой они привязаны,

Не тобой же и назадъ отпустятся!—

Гой вы, малы дѣтушки Солóбьевы!

Вы катите-ка опять назадъ къ себѣ

Все свое имѣніе-богачество,

Всю несчѣтну золоту вазну:

Не видать ужъ вамъ кормильца-батюшки;

Вамъ не надо по міру свитатися,

Будеть чѣмъ до смерти пропитатися,

Обойдѣтеса и безъ кормильца-батюшки.“

Покатили дѣтушки Солóбьевы

Все имѣніе-богачество—заплакали.

Говорить Илья разбойнику:

„Ай ты, Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ!

Я велѣлъ тебѣ свистать полу-свистомъ:

Ты почто свисталъ во весь во соловьиный свистъ?“

Какъ отдернуть онъ разбойника отъ стремени,

Выводилъ за ручки во чисто поле,

Ко сыру дубу привязывалъ,

Тугой лукъ разрывчатый натягивалъ,

Стрѣлочку калѣную навлаживалъ

И стрѣлилъ ему во бѣлу грудь,

Раздробилъ злодѣю бѣлу грудь,

Говорилъ самъ таковыя слова:

„Полно же тебѣ свистать по-соловьиному,

Полно же тебѣ шипѣть да по-змѣиному,

Полно же тебѣ кричать да по-звѣриному,

Полно же тебѣ слезить отцовъ да матерей,

Полно же тебѣ вдовить молóдушекъ,

Полно же тебѣ сиротать малыхъ дѣтушекъ!“

И спрогворилъ Владиміръ стольно-кїевскїй:

„Благодарствуешь, удалый Илья Муромецъ,
 Что избавилъ насъ отъ смерти отъ напрасныя!
 Нареку тебѣ я имечко по новому:
 Будь ты первый богатырь во Кіевѣ,
 Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 Да живи у насъ во стольномъ Кіевѣ,
 Вѣкъ живи отнынѣ по вѣку!“

И пошли они къ обѣду княженецькому.
 Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:

„Гой еси, ты первый богатырь нашъ кіевскій,
 Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
 Жалую тебя тремя мѣстами я:
 Перво мѣсто—въ рядъ со мной садись,
 Друго мѣсто—въ рядъ съ княгинею,
 Третье мѣсто—куда самъ захошь.“

Заходилъ Илья со кѣнничка,
 Пожалъ всѣхъ князей да бояровъ,
 Сильныхъ, могучихъ богатырей:
 Очутился противъ самаго Владиміра.
 Смѣлому Алешѣ за бѣду пало,
 Взялъ Алеша со стола булатный ножъ,
 Кинулъ во Илью во Муромца;
 На лету поймалъ Илья булатный ножъ,
 Да воткнулъ его въ дубовый столъ.

Говоритъ Ильѣ Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Гой ты, первый богатырь нашъ кіевскій,
 Старый Илья Муромецъ Ивановичъ!
 Держимъ всѣ мы на тебя надежу вѣрную;
 Ужь прими-ка ты меня, Добрынюшку,
 А со мной и моего ли братца мѣньшаго,
 Смѣлаго Алешеньку Поповича,
 Во свои во братья во крестовые:
 Будешь ты, Илья, намъ братцемъ большіимъ,
 Я, Добрыня, буду братцемъ средніимъ,

А Алеша — братцемъ меньшимъ.“

Говоритъ ему Алешенька Поповичъ младъ:

„Во своемъ ли ты умѣ, Добрынюшка,
Во своемъ ли, братецъ мой, во разумѣ?
Самъ изъ роду ты, Добрыня, изъ боярскаго,
Я, Алешенька, изъ стараго поповскаго,
А ему никто не знаетъ роду-племени,
Принесло его невѣсть откуда,
Назвался крестьянскимъ сыномъ изъ-подъ Мурома,
Да чудитъ у насъ во Кіевѣ, уродствуется.“

Былъ тутъ славный богатырь Самсонъ Самойловичъ,
Говоритъ Ильѣ Самсонъ Самойловичъ:

„Гой ты, мой возлюбленный племянничекъ,
Первый богатырь нашъ Илья Муромецъ!
На Алешку больно ты не гнѣвайся:
Роду онъ поповскаго, захлыщева,
И каковъ онъ трезвъ, таковъ и пьянъ,
Лучше всѣхъ бранится, лучше ссорится!“

Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:

„Ай ты, дядюшка Самсонъ Самойловичъ!
Не во гнѣвъ же и тебѣ будь сказано:
Самъ доселѣ слылъ ты старшимъ богатыремъ,
А теперь кого въ племянники пожаловалъ,
Надъ собою наибольшимъ кого призналъ?
Деревщину, засельщину!“

Говоритъ Самсонъ Самойловичъ:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты гораздъ играть во гусельцы звончатя,
Пѣть про времена про стародавнія.
Вынимай-ка гусельцы звончатя,
Поналадь-ка струнки золочѣныя,
Выбирай-ка сыгрыши хорбшеньки,
Спой Алешѣ на послушанье старинушеу
Про того про деревенскаго богатыря,

Про Мибулу Селянинова.“ (48)

Вынималъ Добрыня гусельцы звончѣтѣя,
Сталъ шелѣбвѣя тетивочки потягивать,
Золочѣны струночки подлаживать,
Учалъ по тѣмъ струночкамъ похаживать,
Учалъ-почалъ голосомъ поваживать;
Выигрышъ беретъ со матушки святой Руси—
Про того Мибулу Селянинова,
А напѣвки все свои, Добрынины.

БЫЛИНА ОДИННАДЦАТАЯ.

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧЪ.

„Ой вы, люди мои, люди добрые!
Я скажу вамъ старину стародавнюю:
„Въ стольномъ городѣ было во Кіевѣ
Народился младъ Вольгá Всеславьевичъ.
Сталъ Вольгá растѣть-матерѣть,
Обучался Вольгá многимъ мудростямъ:
Щукой-рыбою ходить во синіихъ моряхъ,
Птицей-своломъ летать подъ оболоча,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ.
Уходили всѣ рыбушки въ глубокіе станѣ,
Улетали всѣ птичушки за оболоча,
Убѣгали всѣ звѣрюшки во тѣмные лѣса.
Сталъ онъ, Вольгá, растѣть-матерѣть,
Подбиралъ себѣ дружинишку хоробрую,
Свѣрстныхъ себѣ волосомъ да голосомъ,
Рѣчью, пословицей, походкою,
Всею поступочкою молодецкою,
Тридцать мѣлодцевъ да безъ единого,
Самъ-то Вольгá былъ во тридцатыхъ.
„Какъ не стали мужики тутъ со двухъ городовъ:
Съ славна Гурчевца да со Орѣховца,
Даней-пошлинѣ платить во Кіевъ градъ,—
Молодой Вольгá Всеславьевичъ

Со дружинишкою хороброю справляется,
За получкой въ городамъ тѣмъ снаряжается;
Все берутъ они жеребчиковъ молоденькихъ,
Все молоденькихъ берутъ да темноварихъ.

„Вотъ посѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
Вывѣзжали во раздольице чисто поле,
Услыхали во чистомъ полѣ оратая:
Ореть въ полѣ оратай, посвистываетъ,
У оратая сошка поскрипываетъ,
А омѣшники по камешкамъ почиркиваютъ.
Ѣдутъ мѣлодцы впередъ до оратая,
Ѣдутъ день они съ утра до вечера,
А не могутъ до оратая доѣхати.
Ореть въ полѣ оратай, посвистываетъ,
У оратая сошка поскрипываетъ,
А омѣшники по камешкамъ почиркиваютъ.
Другой день они Ѣдутъ до оратая,
Другой день съ утра до вечера,
А не могутъ до оратая доѣхати.
Ореть въ полѣ оратай, посвистываетъ,
У оратая сошка поскрипываетъ,
А омѣшники по камешкамъ почиркиваютъ.
Третій день они Ѣдутъ до оратая,
Третій день идетъ во полудню —
Только тутъ оратая наѣхали.
Ореть въ полѣ оратай, понукиваетъ,
На кобылушку свою погукиваетъ,
Съ края въ край бороздки помѣтываетъ,
Въ край уѣдетъ — и другаго не видать;
Изъ земли дубья-володыя вывертываетъ,
А великіе каменья всѣ въ борозду валить;
Только вудри у оратая качаются,
Святнымъ жемчугомъ по плечамъ рассыпаются.
У оратая кобыла-то солдовая,

На кобылкѣ гужики шелѣбные,
Хвостъ-отъ до земли разстиляется,
Грива колесомъ завивается.
Сошка у оратая дубовая,
А омѣшики на сошкѣ чиста сѣребра,
На омѣшикахъ присошекъ красна золота.
„Говоритъ Вольга таковыя слова:
„— Богъ тебѣ помочь, оратаюшко!
Что орать ли, пахать да крестьянствовати,
Съ края въ край бороздки помѣтывати!—
„Говоритъ оратай таковыя слова:
„— Да поди-ка ты, Вольга Всеславьевичъ!
Надо Божью помочь намъ крестьянствовати,
Съ края въ край бороздки помѣтывати.
Самъ далече ль ѣдешь, куда путь держишь
Со своею со дружинушкой хороброу?—
„Говоритъ Вольга таковыя слова:
„— Ёду съ града Кіева ко двумъ городамъ:
Къ славну Гурчевцу да ко Орѣховцу:
Не хотять мужики даней-пошлинъ платить.—
„— Ай ты, младъ Вольга Всеславьевичъ!
Во томъ Гурчевцѣ да во Орѣховцѣ
Мужики-то живутъ все разбойники:
Я недѣвно былъ тамъ—третьего дни,
Заупилъ себѣ соли цѣлыхъ три мѣха,
А и въ каждомъ мѣху было по сту пудъ,
Положилъ на кобылку на солѣвую,
На кобылку на солѣву *Обнеси-Голова*,
Самъ я, молодець, садился—ровно сорокъ пудъ,
И поѣхалъ по Гурчевцу-Орѣховцу.
Какъ тутъ стали мужики меня захватывать,
Тѣ разбойники гурчевцы-орѣховцы,
Стали грѣшей подорожныхъ съ меня просить.
Сталъ я грѣшей подорожныхъ муживамъ дѣлать;

Да чѣмъ меньше грошей стало ставиться,
Тѣмъ просителей все больше стало ставиться.

А я былъ съ шалыгой подорожною,
Сталъ дѣлать имъ грѣшей подорожныхъ:
Да кой стоя стоялъ, тотъ и сидя сидитъ,
А кой сидя сидѣлъ, тотъ и лёжа лежитъ—
Положилъ ихъ, разбойниковъ, до тысячи.—

„— Ай же ты, оратай-оратаюшьо!

Поѣзжай-ка ты со мною во товарищахъ.—

„Собрался съ нимъ оратай во товарищахъ,

Съ сошки гужики шелковеньи повѣстегнулъ,
Да кобылку солѡвенью повѣвернулъ,
Самъ садился на кобылку солѡвенью;
Всѣ поѣли на добрыхъ коней, поѣхали.

„Говоритъ оратай таковы слова:

„— Ай же ты, Вольга Всеславьевичъ!

А оставилъ я вѣдь сошку во борѡздочѣхъ;
Да не для-ради прохожаго-проѣзжаго:
Маломожный найдетъ—не управится,
А богатый найдетъ—не позарится;
Не наѣхалъ бы на сошку свой братъ мужикъ:
Онъ какъ сошку съ земельки-то повѣдернетъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повѣтряхнетъ,
Да изъ сошки омѣшики повѣколнетъ—
Нечѣмъ будетъ самому мнѣ крестьянствовать.
Ужъ пошли-ка ты дружинишку хорѡбрую,
Чтобы сошку съ земельки повѣдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повѣтряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.—

„Посылаетъ Вольга Всеславьевичъ

Со своей со дружинишки хорѡбрыя
Трехъ самолучшихъ добрыхъ мѡлодцевъ,
Чтобы сошку съ земельки повѣдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повѣтряхнули,

Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
 Ъдутъ къ сошеѣ три могучихъ мѳлодца,
 За рогачъ они сошку вокругъ вертѣтъ,
 А не могутъ сошки съ земли поднять.
 Посылаетъ Вольгѣ десять мѳлодцевъ—
 Ъдутъ къ сошки цѣлымъ десяточкомъ,
 За рогачъ они сошку вокругъ вертѣтъ,
 Сошки отъ земли поднять нельзя.
 Посылаетъ всю дружинишку хорѳбрую,
 Тридцать мѳлодцевъ безъ одинаго—
 Ъдутъ къ сошеѣ всѣ тридцать безъ одинаго,
 За рогачъ берутъ сошку, вокругъ вертѣтъ,
 Отъ земельки сошки все поднять нельзя.

Говоритъ оратай таковы слова:

„— Ай ты, младъ Вольгѣ, княженецкѣй сынъ!

Не дружинишка у тебя хорѳбрая,
 А немудрая у тебя одна хлѳбоаясть.—

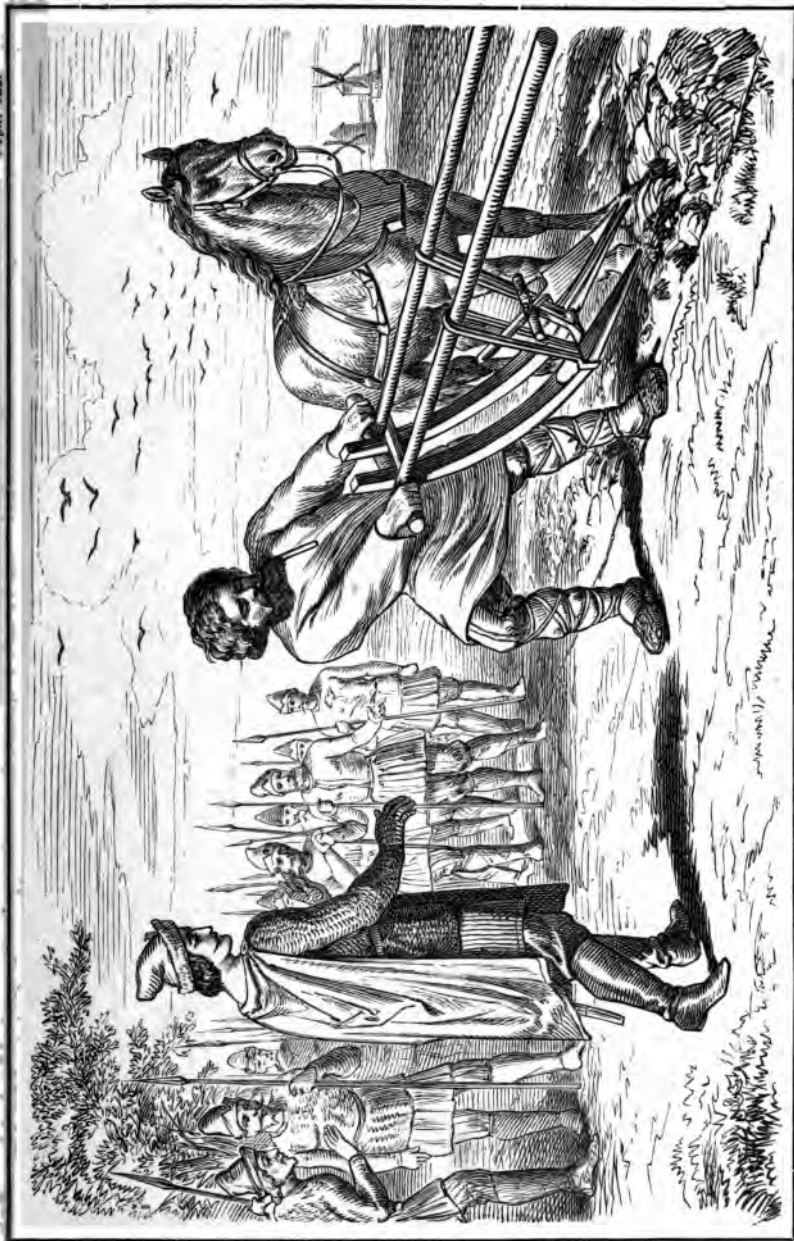
„Самъ подѣхалъ къ сошеѣ оратаюшко,
 За рогачъ бралъ сошку одной рукой,
 Сошку съ земельки повѣдёрнулъ,
 Изъ омѣшиковъ земельку повѣтряхнулъ,
 Подхватилъ да махнулъ въ ракитовъ кустъ—
 Улетѣла сошка подъ ѳболока,
 Пала сошка на земъ за ракитовъ кустъ,
 Во сырѣ землю до рогача ушла. ⁽⁴⁹⁾
 Сѣли на коней опять, поѣхали.

„Говоритъ Вольгѣ Всеславьевичъ:

„— Ай же ты, оратай-оратаюшко!

Мы поѣдемъ-ка съ тобою въ запуски.—

„У оратая кобылка ступкѳмъ идетъ,
 У Вольгѣ-то конь побѣгиваетъ;
 У оратая кобылка рысью идетъ,
 У Вольгѣ-то конь поскакиваетъ;
 У оратая кобылка грудью пошла,

Самъ подѣхалъ къ сошкѣ ораѣташко,
Подхватилъ да махнулъ въ ранитовъ кустъ—
Улегъла сошка подъ облока.

А Вольгѣнъ-то конь и гнаться не могъ.

Сталь Вольгá оратаю покpикивати,

Сталь Вольгá волпакомъ помахивати:

„—Стой-ка ты, постой, оратаюшко!

Кабы эта кобылка конёмъ была,

За коня бы я далъ пятьсотъ рублей.—

„Говорить въ отвѣтъ оратаюшко:

„—Глупый ты, Вольгá, неразумный, Вольгá!

Я кобылку взялъ жеребёночкомъ,

Однолѣткомъ-жеребёночкомъ съ-подъ матушки,

Даль за жеребёночка пятьсотъ рублей,

А теперь цѣна кобылкѣ цѣла тысяча.

Кабы эта кобылка да конёмъ была,

Этому коню бы смѣты не было.—

„Говорить Вольгá Всеславьевичъ:

„—Ай же ты, оратай-оратаюшко!

Какъ тебя, скажись-ка, именёмъ зовутъ,

Какъ величаютъ по отечеству?—

„—Ай ты, младъ Вольгá Всеславьевичъ!

Я какъ ржи напашу да въ скірды сложу,

Въ скірды сложу, съ поля вѣволочу,

Съ поля вѣволочу, дома вѣмолочу,

Драни надеру да пива накурю,

Пива накурю да гостей заберу,—

Станутъ гости пить, станутъ кушати,

Станутъ здравствовать меня да похваливати:

„Ай ты здравствуешь, Микула Селяниновичъ!“—

„Ѣхали впередъ добры мѣлодцы,

Подъѣзжали подъ Гурчевецъ-Орѣховецъ,

Да наѣхали на драку, на великій бой.⁽⁵⁰⁾

Мужики-то эти гурчевцы-орѣховцы

Отъ далі узнали добрыхъ мѣлодцевъ,

А и были же злодѣи тутъ догадливы:

На той рѣченкѣ ли да на быстрой

Понадѣлали мосточиковъ поддѣльныхъ.
Молодой Вольга самъ догадливъ былъ:
Посылалъ на мосточики впередъ себя
Эту силушку — дружинишку хорóбрую.
Какъ зашла эта силушка великая
Да на тѣ на мосточики поддѣльные,
Подломилися мосточики поддѣльные,
Стала сила въ рѣченьѣ тонуть да гинуть.
Какъ тутъ младъ Вольга со Микулушкой
Поразсѣрдилися да поразгнѣвались,
Приправляли за рѣченью добрыхъ коней,
Однимъ скокомъ свочили на тотъ бережокъ,
Стали-пѣчали злодѣевъ чествовати,
Чествовати да жаловати,
Оплетми ихъ дѣ-люби нахлыстывати:
„— А и вотъ же вамъ, ребята, за дурачество!—
„Какъ клянутся тутъ ребята, заклинаются:
„—Трое проклять будетъ на вѣку изъ насъ,
Кто еще съ такими мѣлодцами свяжется,
Заведетъ съ вами драку, великй бой!—
„Стали веругъ ихъ ходить, оглядывати,
Промеждú собой да поговаривати:
„— А вѣдь этотъ-то, ребята, и третьѣго дни былъ,
И третьѣго дни былъ, насъ, мужичевъ, побилъ!—
„Собиралися ребята, извинялися,
Понизѣнью мѣлодцамъ поклонялися:
„—Ужъ вы гой еси, удáлы мѣлодцы!
Получайте-ка всѣ дани съ насъ, невыплаты.—
„Бралъ Вольга съ нихъ дани-невыплаты,
Со Микулой скоро поворотъ держалъ,
Поворотъ держалъ во стольный Кíевъ градъ.
Тѣмъ поѣздка эта и рѣшилася.
„А и то старина, то и дѣянье!“

Какъ замолкнулъ молодой Добрынюшка,
Положилъ на лавку гусельцы звончатыя,
Воспроговорилъ Владиміръ стольно-кѣвскій:

„Ай ты, славный загусельщикъ нашъ Добрынюшка!
Пилъ допрѣжь ты чарочку заздравную,
А теперъ повыпей-ка забавную,
Во-первыхъ за то, что распотѣшилъ насъ,
Во-другихъ за то, что ко стыду привелъ
Смѣлаго Алешеньку Поповича:
Во сямъ сидитъ Алешка, не сворóхнется,
Утопилъ глаза завидливы въ дубовый столъ.“

Наливалъ Добрыня чару зеленá вина,
Да не малую стопу—во полтора ведра,
Разводилъ ее медкомъ стоялымъ,
Возымаетъ чару единойъ рукой,
Выпиваетъ чару за единыйъ вздохъ.

Говоритъ Бермята сынъ Васильевичъ:

„Ай же ты, Добрынюшка Нивитичъ младъ!
А не тѣмъ лишь та поѣздеа кончилась:
Какъ Вольгá во Кіевъ градъ ворóчался,
Тутъ Миѣула, слышно, зазывалъ Вольгу
Въ домъ свой во гостѣбище почѣстное.
Какъ пріѣхали къ поселицу Микулину,
Выходили въ стрѣту имъ три дѣвицы,
Славныя три дочери Микулины,
Поленицы молодя все, удáлыя,
Всѣ въ родителя и силою, и мудростью:
Старша—Василиса дочь Микулична,
Средня—Марья дочь Микулична
И меньшá—Настасья дочь Микулична,
Принимали гостя съ честию-почестию...“

Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:

„Ай ты, славный загусельщикъ нашъ Добрынюшка!
Поленицъ удáлыхъ и забылъ какъ разъ!

Ты поди-ва, сослужи-ка Богу мблебенъ,
Что Микула твой уже преставился:
За твою за память молодецкую
Наградилъ бы онъ тебя изъ рукъ своихъ
Тѣми-же грошѣми подорожными—
Шелепугой подорожною.
Хоть и живы дочери Микулины,
Да вотъ та, что поумнѣе, старшая
Василиса дочь Микулична
За Ставра Годинова замужъ пошла,
Во Черниговѣ теперь за муженькомъ живетъ,
На печи лежитъ да калачи жуеть;
Всѣхъ съумѣла здѣсь продать да выкупить,
А Владимира-то князя и съ ума свела:
И тебя не обошла бы благодарностью.
Но вотъ сестры у нея еще на вѣданѣ,
Обѣ поленицы же удѣля,
Во раздольицѣ чистомъ полѣ полявуютъ;
Вы сѣдлайте-ва скорѣй добрыхъ коней,
Ты, Добрыня, со своимъ со братцемъ большимъ,
Съ первымъ ли богатыремъ Ильею Муромцемъ,
Выѣзжайте во раздольице чистое поле,
Во чистомъ полѣ порыскайте, покликайте:
Можетъ, выличите поленицъ удѣльныхъ;
Тутъ побить ихъ во бою вамъ, добрымъ мблюдцамъ,
Уже дѣло не великое—последнее;
А кто поленицу во бою побьетъ,
За того она вѣдь и замужъ идетъ.
Прямо въ церковь божью ко злату вѣнцу,
Отъ вѣнца честнымъ пиркомъ ли и за свадебую!
Только буде, какъ Ставра Годинова,
Приберутъ васъ ко бѣлымъ рукамъ—
Не взыщите, братцы, не прогнѣвайтесь!“
Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:

„Старому жениться—не ко младости,
 Вѣкъ со бабой бабиться—не къ радости.
 Да не биться мнѣ и съ родомъ со Мигулинымъ:
 Любить мать-сыра земля его.

А случить нелегая посѣхаться
 Съ поленицею удалой во чистомъ полѣ—
 Изъ сѣдла собью дѣвчину на сыру землю;
 Коли взмолится—спущу во живности,
 Заупрямится—предамъ и смерти свороей.
 Да не дай мнѣ Боже биться съ бабою,
 Дай мнѣ поединщиковъ-богатырей,
 Супротивъ меня могучихъ супротивниковъ!
 Тутъ какъ самъ Господь положить на душу:
 Либо силушки другъ у друга отвѣдаемъ,
 Либо же вкрестами побратаемъ.“

А Алеша все не унимается,
 Говорить Ильѣ, самъ усмѣхается:

„Коль найдетъ мужика Мигулуша,
 Своего же брата гурчевца-орѣховца—
 Силушу надъ мужикомъ извѣдаетъ,
 Нахлыстаетъ шелепугой дѣ-люби;
 А найдетъ сильнаго богатыря,
 Такъ вѣрнѣе побрататься съ нимъ.“

Говорить Добрынюшка Нивитичъ младъ:

„Ай же, смѣлый ты Алешенька Поповичъ младъ!
 Любо всякому могучему богатырю
 По чисту полю порыскать, пополяковать,
 Силой съ супротивникомъ помѣряться,
 А съ невѣрнымъ за святую Русь
 Прозакладовать и буйну голову,
 Простоять хоть вѣкъ свой на заставушѣ,
 За сиротъ, за вдовъ да за бѣдныхъ людей.
 Да не честь же, не хвала богатырю,
 Для-радї утѣхи молодецкїя,

Проливать безвинну челоуѣчью кровь,
Обездоливать семейку богатырскую,
Молоду жену да малыхъ дѣтушекъ.
А мужикъ Микула Селяниновичъ
И не тянется за славой богатырской:
Онъ проходитъ въ полѣ вѣкъ за сошкой,
Съ края въ край распахиваетъ землю-матушку,
Напасаетъ хлѣбушка на всю святую Русь—
И на насъ съ тобой, могучихъ богатырей;
Всю земную тягу, во поту лицу,
Носитъ онъ, кормилецъ, на плечахъ мужицѣихъ,
А земную тягу на плечахъ носить
Не подъ силу и сильнѣйшему богатырю.
Ты чего, насмѣшникъ, усмѣхаешься?
Знать, забылъ про сумочку Микулину?
Не длинна старинка, да тяжка, вѣска,
Какъ та мала сумочка Микулина.
Ужъ сыграю-ка еще старинку чудную
Всѣмъ вамъ, добрымъ людямъ, на потѣшенье,
А тебѣ, Алешѣ, на утѣшенье.“

Бралъ опять онъ гусельцы звончатыя,
Заводилъ старинку чудную
Про ту малу сумочку Микулину.

БЫЛИНА ДВѢНАДЦАТАЯ.

СВЯТОГОРЬ.

„На вьрутыхъ горахъ, на Святыхъ Горахъ,
Великанъ-богатырь Святогорь ⁽⁵¹⁾ сидѣлъ,
Да не ѣздилъ онъ на святую Русь:
Не носила его мать-сыра́ земля.
Захотѣлося разъ богатырю
Погулять во раздольицѣ чистомъ полѣ—
Засѣдлалъ онъ коня богатырскаго,
Выѣзжаетъ на путь-дороженьку.
Встрепенулося сердце молодецкое,
Заиграла силушка по жилочкамъ,
Такъ вотъ живчикомъ и переливается;
А и грузно ему отъ этой силушки,
Грузно, будто отъ тяжкаго бремени:
Не съ кѣмъ силой-то богатырю помѣяться.
И выкидываетъ онъ палицу булатную
Выше облака ходячаго ѣзъ виду вонъ,
На бѣлы руки опять подхватываетъ:
„— Кабы мнѣ да земную тягу найти,
Утвердилъ бы въ небесѣ кольцо,
Привязалъ бы къ кольцу цѣпь желѣзную,
Притянулъ бы небо къ землѣ-матушѣ,
Повернулъ бы землю краемъ вверхъ,
И смѣшалъ бы земныхъ со небесными!—

„Усмотрѣль онъ тутъ во чистомъ полѣ
 Добра мѡлодца пѣхотою идучи;
 За плечами у добра мѡлодца
 Была малая сумочка перемѣтная.
 Какъ припустить сказать онъ добра коня
 Во всю силу во лошадиную—
 Добрый мѡлодецъ идетъ пѣхотою,
 Не нагнать его коню богатырскому.
 Какъ поѣдетъ тихою вольготою—
 Добрый мѡлодецъ впередъ не наступываетъ.

„И оклинулъ Святогоръ добра мѡлодца:

„—Гой еси ты, прохожій добрый мѡлодецъ!

Ты постой-ка, постой немножечко.
 Какъ скакать припушу добра коня
 Во всю силу во лошадиную—
 Ты идешь впередъ пѣхотою,
 Не нагнать тебя коню богатырскому;
 Какъ поѣду тихою вольготою—
 Ты идешь, впередъ не наступываешь.—

„Обождать его прохожій добрый мѡлодецъ,

Полагалъ со плечъ со могучихъ
 На земь малую сумочку переметную.
 Говорить Святогоръ добру мѡлодцу:

—А скажи-ка мнѣ, добрый мѡлодецъ,

У тебя что за ноша въ этой сумочкѣ?—

„Отвѣчаетъ ему добрый мѡлодецъ:

„—Ай же, славный ты великанъ богатырь!

Попытайся-ка взять мою ношицу
 На свои на плечи на могучія,
 Побѣждать съ ней по раздольицу чисту полю.—

„Опущался славный великанъ-богатырь
 Со добра коня въ малой сумочкѣ,
 Принимался за малую сумочку;
 Принимался сперва однимъ перстомъ—

Эта малаа сумочка переметная
 На сырѣй землѣ не сворѣхнется.
 Принимался тогда одной рукой—
 Эта сумочка все не сворѣхнется.
 Ухватилъ обѣими ручками—
 Все-то съ мѣста она не сворѣхнется.
 Принимался всею силой великою,
 Припадалъ бѣлой грудью богатырскою
 Къ этой малой сумочкѣ переметной,
 Захватилъ всею силой великою—
 Во сырѣу землю угрязнулъ по волѣночви,
 По бѣлѣ лицу не слѣзы—кровь течеть.
 Уходило сердце молодецкое,
 Только малый духъ подпустить успѣлъ
 Подъ ту малую сумочку переметную,
 Говорить самъ таковѣ слова:

„—Не вздымалъ такой ноши я бѣтъ роду!
 Много силы во мнѣ, а не подѣ силу.
 Чтѣ во сумочкѣ твоей понавладано?
 Кто ты самъ есть, удалый добрый мѣлодецъ,
 Какъ зовутъ тебя именемъ, отечествомъ?—
 „Отвѣчаетъ удалый добрый мѣлодецъ:
 „—Въ моей малой сумочкѣ переметной
 Вся земная тяга понагружена,
 А я самъ Микула Селяниновичъ.—“

* *
*

На скамью владеть Добрынюшеа гусѣлышви,
 Говорить самъ таковѣ слова:
 „Гдѣ угрязнулъ Святогоръ въ сырѣу землю,
 Тутъ, какъ бають, онъ и встать не могъ,
 Тутъ былѣ ему и преставленіе:
 Наказалъ Господь за похвальбу великую!“

Говорить Бермята сынъ Васильевичъ:

„А неправильно же бають такъ.

Ко Святымъ Горамъ онъ поворотъ держалъ,
И понынѣ на Святыхъ Горахъ живеть,
Да не смѣеть долу опущатися,
Разъѣзжаетъ лишь по щелейкамъ по каменнымъ.“

Говорить Алешенька Поповичъ младъ:

„Гой ты, князь Владиміръ стольно-кїевскїй!

Кто же правъ изъ нихъ, кто облыгаетъ насъ:

Старый ли Бермята сынъ Васильевичъ

Или молодой Добрынюшка?

Не пошлешь ли ты кого въ Святымъ Горамъ

Правду-истину извѣдати,

Святогора попровѣдати?

Ужъ пошли-ка перваго богатыря,

Стараго удѣла Илью Муромца:

Тутъ они, какъ Богъ положить на душу,

Либо силушки другъ у друга отвѣдаютъ,

Либо же крестами побратаются.“

Какъ всочилъ тутъ старый на рѣзвїи ноги,

Выходилъ изъ-за сямеечекъ окольныхъ,

Воспрогворилъ да таковїи слова:

„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!

Вѣрно слово молвилъ младъ Алешенька:

Соизволь мнѣ съѣздить ко Святымъ Горамъ;

Не довлѣеть сильному богатырю

На покоѣ дома жить, животъ кормить.“

Отвѣчаетъ батюшка Владиміръ князь:

„Ай ты, старый Илья Муромецъ Ивановичъ!

Поѣзжай же ко Святымъ Горамъ,

Да бери себѣ въ товарищи любимые

Изо всѣхъ богатырей здѣсь самолучшаго.“

Говорить тутъ старый Илья Муромецъ:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!

Возставай-ка на рѣзвѣ ноги,
Снаряжайся-ка во путь-дороженьку,
Поѣзжай со мною во товарищахъ:
На лугахъ на тѣхъ на Леванидовыхъ,
У креста того у Леванидова,
Мы съ тобою побратаемся,
Золочеными крестами помѣняемся,
Да отъ рѣзтани, два братица названыхъ,
Учинимъ поѣздеу богатырскую.“

Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:

„По пути-то только, братцы, не забыть бы вамъ
Понавѣдаться къ попамъ соборнымъ,
Заказать впередъ двѣ службы свадебны,
Чтобы послѣ дѣло не замѣшалось,
Какъ съ чиста поля вернетесь съ поленицами,
Со Мигуличными ко злату вѣнцу.“

Ничего на рѣчь ту старый не отвѣтствовалъ,
Выходилъ съ Добрынею изъ гридни вонъ.
Съ пиру всѣ домой тутъ убираются.
Тѣмъ и пиръ и старина кончаются.

БЫЛИНА ТРИНАДЦАТАЯ.

ДОВРЫНЯ НИКИТИЧЪ и НАСТАСЬЯ МИКУЛИЧНА.

Какъ не солнышко надъ градомъ Кіевомъ
Восходило выше облава ходячаго,
Не Днѣпра-рѣка изъ береговъ крутыхъ
Выступала, разливалась—
Выходили-выступали старъ и младъ
Посмотрѣть на ту поѣзду богатырскую:
Снаряжались въ полѣ, собирались
Два могучихъ русскихъ богатыря:
Молодой Добрынюшка Никитичъ младъ
Да матѣрый, старый Илья Муромецъ.
Что ясень соколъ удалъ Добрынюшка:
Погубилъ-побилъ онъ змѣище Горынище;
Илья Муромецъ того удалѣ:
Погубилъ-побилъ онъ Соловья разбойника;
А и нѣтъ обоемъ равныхъ на сушѣ,
Нѣтъ обоемъ супротивниковъ и на морѣ.
Какъ подѣхали въ дугамъ ко Леванидовымъ,
Ко тому кресту ко Леванидову,
На коняхъ тутъ три раза обнялися,
Три раза обнялися, поцѣловалися,
Золочеными крестами побраталися,
Стали звать другъ дружбу братьями крестовыми.
И поѣхали могучіе богатыри,

Два крестовыхъ братца да названыхъ,
По чисту полю дорѣжкою пробойною;
Ѣздятъ вмѣстѣ по чисту полю,
Ѣздятъ черезъ горушки высовіа,
Ѣздятъ черезъ рѣчушки глубовіа,
Ѣздятъ по лѣсамъ непроходимымъ;
День проѣздили, другой и третій день,
А и нѣтъ имъ супротивника въ чистомъ полѣ,
Нѣтъ поборника по берегамъ крутымъ,
Нѣтъ повольника да во темныхъ лѣсахъ.

Наѣзжаютъ тутъ они бродучій слѣдъ,
Ископытъ да лошадиною:

Вся земля изрыта, проворочена,
Полны рытвины-колодцы ключевой воды.

Говоритъ Добрыня старый Илья Муромецъ:
„Молодой ты братецъ мой Добрынюшка!

Видно, ископытъ-то богатырская.
Да охота хоть съ богатыремъ посѣхаться,
Не охота въ сторону сворачивать:
Путь мой все впередъ лежитъ, къ Святымъ Горамъ.
Поѣзжай-ка ты одинъ во слѣдъ богатырю,
А во Кіевѣ ужъ съ тобою свидимся.“

Распростилися богатыри, разъѣхались:
Старый ѣдетъ далѣ ко Святымъ Горамъ,
Младъ Добрыня—ископытю лошадиною.

Ѣдетъ день Добрынюшка, другой и третій день,
Нагоняетъ во чистомъ полѣ богатыря.

А сидитъ богатырь на добромъ конѣ,
А сидитъ еще да въ платяхъ женскихъ.
Говоритъ себѣ Добрынюшка Никитичъ младъ:

„То вѣдь не богатырь на конѣ сидитъ,
А сидитъ дѣвица, либо женщина,—
Поленица, знать, удалая!“

Разъѣзжается Добрыня на богатыря;

Какъ ударилъ палицей булатною
Поленницу въ буйну голову—
Усидѣла поленица, не сворóхнется,
И назадъ-то на Добрыню не оглянется.
На конѣ своемъ Добрыня приужáхнется,
Отъѣзжаетъ прочь Добрыня отъ богатыря.
А стоитъ въ чистомъ полѣ могучій сѣрой дубъ,
Сѣрой дубъ въ объемъ во человѣческой.
Наѣзжалъ Добрынюшка на сѣрой дубъ,
Испытати силу богатырскую;

Какъ ударилъ палицей во сѣрой дубъ—
Расщепилъ весь сѣрой дубъ по ластиньямъ,
Самъ прогворилъ да таковы слова:

„Видно, сила у Добрынюшки по-прежнему,
Видно, смѣлость у Добрыни не по-прежнему.“

Возвращается Добрынюшка Никитичъ младъ,
Нагоняетъ поленицу онъ удалюю;

Какъ ударилъ поленицу въ буйну голову—
Усидѣла поленица, не сворóхнется,
И назадъ-то на Добрыню не оглянется.
На конѣ своемъ Добрыня приужáхнется,
Отъѣзжаетъ прочь отъ поленицы отъ удалья:

„Смѣлость у Добрынюшки по-прежнему;
Видно, сила у Добрыни не по-прежнему!“

А стоитъ въ чистомъ полѣ могучій сѣрой дубъ,
Сѣрой дубъ да въ два объема человѣческихъ.

Наѣзжалъ опять Добрынюшка на сѣрой дубъ,

Какъ ударилъ палицей во сѣрой дубъ—

Расщепилъ весь сѣрой дубъ по ластиньямъ:

„Видно, сила у Добрынюшки по-прежнему,
Видно, смѣлость у Добрыни не по-прежнему.“

Разгонялъ Добрынюшка добра коня,

Наѣзжалъ на поленицу въ третій разъ,

Да ударилъ поленицу въ буйну голову.

На конѣ тутъ поленица сворохнѹлася,
На Добрыню поленица оглянулася,
Говорить сама да таковы́ слова:

„Я-то думала, комаривы покусывають,
Анѣ то русскіе богатыри пощѣлывають!“

Ихватила за желты́ кудри Добрынюшку,
Сдѣрнула Добрынюшку съ коня долой,
И спустила во глубокѣ мѣшокѣ во кожаный.
Какѣ повезѣ ихъ было ея добрый конь
По раздольицу да по чисту́ полю,
Говорить ей добрый конь, провѣщилъ:

„Ай же ты, хозяйшка любимая,
Молода Настасья дочь Микучична!
Не могу везти я двухъ богатырей:
Силой-то богатырь супротѣвъ тебѣ,
Смѣлостью богатырь да вдвоѣмъ тебѣ.“

Вынимала тутъ Настасья дочь Микучична
Изъ мѣшка изъ кожанца богатыря,
Говорить сама да таковы́ слова:

„Если старъ богатырь—голову́ срублю,
Если младъ богатырь—во полонъ возьму,
Если мнѣ въ любовь придетъ—замужъ пойду,
Не прилюбится—въ ладонь съладу, другой прижму,
Сдѣлаю богатыря въ овсяный блинъ.“

Какѣ взглянула на младá Добрынюшку,
Прилюбилъ ей Добрынюшка, понравилъ:

„Здравствуй, душенька, молоденькій Добрынюшка!“

Говорилъ на то Добрыня, спрашивалъ:

„Ай же, поленица ты уда́лая!

Ты почемъ узнала молода Добрынюшку?
Самъ тебѣ не знаю, не видалъ досель.“

„А бывала я во стольномъ Кіевѣ,
Тамъ видала молода Добрынюшку,
А Добрынѣ негдѣ увидать меня.“

Дочка я Микулы Селянинова,
Молода Настасья дочь Микулична,
А поѣхала въ чисто поле поляковать,
Поискать себѣ да супротивничка.
Какъ возьмешь меня, Добрыня, во замужество,
Сдѣлаешь со мною заповѣдь великую—
Отпущу тебя, Добрыня, я во живности;
Не возьмешь меня—въ ладонь селладу, другой прижму,
Сдѣлаю тебя въ овсяный блинъ!“

„Ахъ ты, молода Настасья дочь Микулична!
Ты спусти меня, Добрыню, да во живности;
Сдѣлаю съ тобой я заповѣдь великую,
И приму съ тобой да по злату вѣнцу.“

Сдѣлали тутъ заповѣдь великую,
И поѣхали ко стольну граду Кіеву.
Какъ пріѣхали во стольный Кіевъ градъ,
Билъ челомъ Добрыня рѣдной матушкѣ,
Той честной вдовѣ Афимѣ Александровнѣ,
Выпросилъ прощеньице-благословеньице,
Заводилъ почестень пиръ на всѣхъ богатырей,
На своихъ на братьицевъ названыхъ,
Не позвалъ на пиръ лишь брата мѣньшаго,
Пересмѣшника Алешеньку Поповича,
Принималъ съ Настасьей по злату вѣнцу,
Сталъ съ Настасьей вѣкъ корѣтати.

Тутъ ли имъ и счастье и вѣнецъ,
И старинушкѣ моей конецъ.

БЫЛИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СВАТОГОРЬ. (52)

Ой ты гой еси, лихой охотничекъ,
Старый богатырь Ильюша Муромецъ!
Полевалъ онъ, старый, во чистомъ полѣ,
Люта звѣря на коше ловилъ,
Соболѣй-куницъ да на низобѣ низалъ.

Подъѣзжаетъ старый ко Святымъ Горамъ,
Вѣхалъ старый на Святіи Горы,
Услыхалъ тутъ превеликій шумъ:
Всколыбалась мать-сыра земля,
Зашатались темны лѣсушки,
Замутились быстры рѣченьки,
Выливались изъ береговъ крутыхъ.
Видитъ старый: на добромъ конѣ
Ѣдетъ шагомъ богатырь-гора,
Ростомъ выше дерева стоячаго,
Головою въ небо упирается,
Ѣдетъ, самъ подремливаетъ сядючи.

„Что за чудо?“ говоритъ Илья:
„Богатырь да на конѣ заснулъ?
Могъ бы выпасться и во бѣломъ шатрѣ.
Знать, не русскій богатырь то, а невѣрный есть.“

Разгорѣлось у Ильюши ретивó сердце,
И наганивалъ коня онъ со чиста поля,

Со чистá поля до во первóй наконъ,
Пáлицей ударилъ крѣпко-на-крѣпко
По плечамъ могучимъ богáтыря,
Думалъ, что богáтыря съ конемъ убилъ.
Богáтырь впередъ все ѣдетъ, не оглянется,
Ѣдетъ, самъ подремливаетъ сѣдючи.

„Что за чудо?“ говоритъ Илья:

„Какъ доселѣ отъ руки Ильюшиной
На конѣ нието да усидѣть не могъ.
Дай-ка, поразъѣдусь во второй наконъ.“

И наганивалъ коня онъ со чистá поля,
Со чистá поля да во второй наконъ,
Пáлицей ударилъ крѣпко-на-крѣпко
По плечамъ могучимъ богáтыря,
Думалъ, что богáтыря съ конемъ убилъ.
Богáтырь впередъ все ѣдетъ, не оглянется,
Ѣдетъ, самъ подремливаетъ сѣдючи.

„Видно, худо все еще его ударилъ я!
Дай-ка, поразъѣдусь во третій наконъ.“

И наганивалъ коня онъ во третій наконъ,
Пáлицей ударилъ крѣпко-на-крѣпко,
Крѣпко-на-крѣпко да плотно-на-плотно
По плечамъ могучимъ богáтыря.
Пробудился тутъ богáтырь ото крѣпка сна,
Самъ прогóворилъ да таковы́ слова:

Дб-больна кусаютъ мухи русскія.“

Взялъ, расправилъ руку богатырскую,
Захватилъ уда́ла русскаго богáтыря,
Положилъ съ конемъ въ глубокъ карманъ,
И поѣхалъ самъ путемъ-дороженькой.
Двое сутокекъ ихъ возить добрый конь,
А на третьи у коня у богатырскаго
Стали рѣзвы ножи подгибаться,
Сталъ могучій конь да спотыкаться,

По колѣна во сырѹ землю угрызывать.
Бралъ богатырь плеточку шелковѹю,
Билъ коня да по тучнымъ бедрамъ,
Самъ коню да приговаривалъ:

„Ай ты, волчья сыть да травяной мѣшокъ!
Ты чего идешь да спотыкаешься?
Аль невзгону надо мною вѣдаешь?“

Отвѣчаетъ добрый, богатырскій конь,
Человѣчьимъ голосомъ провѣщилъся:

„Какъ же мнѣ не спотыкаться?
Все возилъ я одного богатыря,
А теперь вожу ужь третью суточки
Двухъ могучихъ сильныхъ богатырей,
Третьяго — коня да богатырскаго.“

Вынималъ Илью богатырь изъ кармана вонъ
Со конемъ со богатырскимъ,
Сталъ Илью выпрашивать, вывѣдывать:

„Кто ты есть такой, удалый добрый молодецъ?“

Говорить ему удалый добрый молодецъ:

„Я — богатырь святорусскій съ стольна Кіева,
Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
А поѣхалъ посмотрѣть, узнать
Святгора славнаго богатыря.“

Не сѣзжаетъ онъ на матушку-сырѹ землю,
Не является къ намъ, русскимъ богатырямъ.“

„Ай же ты, удалый, старый Илья Муромецъ!
Самъ вѣдь Святгоръ-богатырь предъ тобою есть.
Я сѣзжалъ бы къ вамъ на матушку-сырѹ землю,
Да не носить мать-сырѹ земля меня,
Не дано мнѣ ѣздить на святую Русь,
Ѣздить можно мнѣ лишь по горамъ высокимъ
Да по щелейкамъ по толстымъ.“

Мы съ тобой поѣздимъ-ка по щелейкамъ,
Мы поѣздимъ-ка да по Святымъ Горамъ.“

По крестовому по брѣтовству я большій братъ,
Будешь ты, Илья, мнѣ меньшій братъ.“

Тутъ они крестами помѣнялися,
Братьями крестовыми назвѣлися,
Стали вмѣстѣ развѣзжать по щелейкамъ,
Развѣзжать-гулять да по Святымъ Горамъ.
И наѣхали они на чудо чудное,
Чудо чудное да диво дивное:
Осередь пути великій гробъ стоитъ,
Краснымъ золотомъ обложенъ весь, повѣложенъ,
А на крышкѣ подпись да подписана:
„На кого состроенъ сей великій гробъ,
На того онъ и поладится.“

Говорить богатырь Святогоръ Ильѣ:

„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,
Ты ложись-ка первый во великій гробъ:
Не поладится ли на тебя, Илью?“

Опускался старый со добра коня
И ложился во великій гробъ:
Не по немъ широкъ и дологъ былъ великій гробъ.
Говорить богатырь Святогоръ Ильѣ:

„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,
Не твое тутъ мѣсто, не тебѣ и спать.
Дай-ка, я прилягу: не по мнѣ ли онъ?“

Опускался самъ богатырь со добра коня,
И ложился во великій гробъ:
Какъ по немъ состроенъ былъ великій гробъ.
Говорить богатырь таковѣ слова:

„На меня состроенъ сей великій гробъ;
Хорошо здѣсь во гробу-то жить!
Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,
Ты возьми-ка да закрой меня
Тою крышкою дубовою гробовою.“

Отвѣчаетъ братцу Илья Муромецъ:

„Не закрою я тебя, мой большій братъ,
Тою крышкою дубовою гроббвою.

Шутишь шутку ты не малую:

Во живыхъ собрался хоронить себя.“

Какъ беретъ тутъ самъ богатырь, накрывается
Тою крышкою дубовою гроббвою—

А та крышечка изволомъ божіимъ
Сораслась со гробомъ во одно мѣсто.

И воззвалъ изъ гроба Сятогоръ къ Ильѣ:

„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,

Какъ ни бьюся, какъ ни силюся,

Не могу я крышки надъ собой поднять!

Ты берись-ка за тѣ доски за дубовыя,

Отрывай-ка по одной досеѣ.“

Брался старый за тѣ доски за дубовыя,

Оторвать не можетъ никакой доски:

„Ты послушай-ка, мой большій братъ,

Не могу открыть я никакой доски.“

„Такъ бери-ка ты мой славный, богатырскій мечъ,

Разруби-ка крышку острымъ мечомъ.“

Брался старый за тотъ славный Сятогоровъ мечъ,

Со сырѣй земли не могъ меча поднять:

„Ты послушай-ка, мой большій братъ,

Не могу меча я и съ земли поднять.“

„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,

Наклонись ко крышкѣ ко гроббвоей,

Припади ко малой щѣлочкѣ:

Дуну на тебя я духомъ богатырскимъ.“

Наклонился онъ ко крышкѣ ко гроббвоей,

Припадалъ ко малой щѣлочкѣ;

Дунулъ Сятогоръ на стараго.

Тѣмъ могучимъ духомъ богатырскимъ,

И почуялъ старый, какъ въ немъ силушки

Втрое противъ прежняго прибавилось;

Приподнял съ земли онъ богатырскій мечъ,
Сталь рубить по крышеѣ по гроббвоей:
Отъ ударовъ отъ великихъ искры сыплются,
А куда ударить богатырскій мечъ—
Тамъ желѣзный обручъ ставится.

Возывалъ богатырь Святогоръ опять:

„Душно, душно мнѣ, мой меньшій братъ!
Ты руби-ка вдоль по крышеѣ по гроббвоей.“

Рубить старый вдоль по крышеѣ по гроббвоей,
Отъ ударовъ искры сыплются,
А куда ударить богатырскій мечъ—
Тамъ желѣзный обручъ ставится.

„Задыхаюсь я, мой меньшій братъ!

Наклонись ко крышеѣ ко гроббвоей,
Припади ко малой щелочѣ:
Дуну на тебя всѣмъ духомъ богатырскимъ,
Передамъ тебѣ всю силу богатырскую.“

Отвѣчаетъ братцу Илья Муромецъ:

„Будетъ силушки съ меня, мой большій братъ.
Передашь ты мнѣ всю силу богатырскую—
И меня носить не станетъ мать-сыра земля.“

Говорить богатырь Святогоръ Ильѣ:

„Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ,
Что послѣдняго наказа не послушался:
Мертвымъ духомъ бы я на тебя дохнулъ,
Мертвымъ самъ бы ты у гроба легъ.
А теперь прощай, мой меньшій братъ!
Видно, тутъ мнѣ Богъ и смерть судиль.
Богатырскій мечъ возьми себѣ,
А добра коня оставь хозяину,
Привяжи ко гробу богатырскому:
Никому не сладить съ нимъ, опричь меня.“

И прошли изъ ясныхъ очушекъ
Слѣзы у него горючія,

Сталь рубить по крышкѣ по гробовой:
Отъ ударовъ отъ великихъ искры сыплются,
А куда ударить богатырскій мечъ—
Тамъ желѣзный обручъ ставится.

И сложилъ онъ руки богатырскія
На бѣлы груди на богатырскія,
И принялъ себѣ онъ смерть великую,
И пошелъ изъ гроба мертвый духъ.
Тутъ простился старый со богатыремъ,
Святогорова добра коня
Привязалъ во гробу богатырскому,
Опясалъ славный Святогоровъ мечъ, ⁽⁵³⁾
И поѣхалъ во раздольице чисто поле.
Тутъ ли Святогору и славу поють.

БЫЛИНА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ и ИДОЛИЩЕ.

Не тычинушка въ чистомъ полѣ шатается—
На добромъ конѣ несется-подвигается
Матерой, удалый добрый молодецъ,
Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Ищетъ—не отыщетъ супротивнича;
А идетъ на встрѣчу добру молодцу
Старая калика перехожая;
Не идетъ каличище—шатается,
Костылемъ-влюкою подпирается,
Подъ каликой мать-земля да подгибается.
Волосомъ бѣла калика, бородой сѣда,
Гуля на каличищѣ во тридцать пудъ,
Шляпа на каличищѣ во девять пудъ,
А клюва горбатая въ косу сажень,
Вѣсомъ-то сама во сорокъ пудъ.
Увидалъ Илья великое каличище,
Разгорѣлось сердце богатырское,
Напущался на калику онъ съ чиста поля
Поотвѣдать силы богатырскія.

Говорить ему калика перехожая:

„А не честь же, не хвала богатырю
Напущаться на калику перехожую.
Свѣтъ ты, государь мой Илья Муромецъ!
Не узналъ ты, видно, старое каличище?“

Я вѣдь сильное, могучее Иванище:
Въ Муромѣ учились вмѣстѣ грамотѣ.“
Говоритъ каликѣ Илья Муромецъ:
„Ай ты, сильное, могучее Иванище!
Ты отколь идешь, куда бредешь,
Свой каличій путь куда держишь?“
„Я иду отъ стольнаго отъ Кіева,
А бреду на Ерусѡлимъ градъ,
Господу ли Богу помолитися,
Во Ердани ли во рѣченьѣ купатися,
Въ випарисномъ деревцѣ сушитися,
Ко Господнему ко гробу приложитися.“
„Ты скажи-ка мнѣ, могучее Иванище,
Все ль у насъ во Кіевѣ по-старому,
Все ль у насъ во стольномъ по-прежнему?“
„Свѣтъ ты, государь мой Илья Муромецъ!
Какъ во Кіевѣ-то не по-старому,
Какъ во стольномъ-то не по-прежнему:
Какъ наѣхало Идолище великое
Со своею силушкой поганою, ⁽⁵⁴⁾
Кіевъ градъ на много верстъ обставило,
А у князя солнышка Владиміра
Не случилось дома сильныхъ богатырей:
Во чисто поле разѣхались поляковать;
Были двое лишь: Алеша сынъ Леонтьевичъ
Да еще молоденькій Добрынюшка —
Хоть и смѣлъ Алешка ѣхать во чисто поле
Не посмѣлъ Алешка ѣхать во чисто поле
Супротивъ той силушки поганья,
Супротивъ Идолища великаго; ⁽⁵⁵⁾
А Добрыня—какъ вернулся со чиста поля
Съ поленицею Настасьєю Микуличной,
Да какъ принялъ съ нею по злату вѣнцу—
Ничего онъ на бѣломъ свѣтѣ не вѣдаетъ,

Съ молодой женою вѣкъ корѣтаетъ.
 Какъ же тутъ не убояться князю солнышеу?
 Выходилъ онъ ко Идѣлицу великому,
 Выходилъ со низкими поклонами,
 Со подарочками драгоцѣнными,
 Звалъ къ себѣ въ палаты бѣловаменны
 Хлѣбца-соли у себя покушати
 Да калачиковъ крупитчатыхъ порушати.
 И зашло Идѣлице великое
 Въ княженецкія палаты бѣловаменны,
 И садилось за столы дубовые,
 Ко княгинѣ во Апраксіи лицомъ сидитъ,
 Къ самому ко князю солнышеу хребтомъ сидитъ,
 По быку по цѣлому да выти ѣсть,
 По котлу по цѣлому да пива пьетъ.
 Самъ сидитъ, надъ княземъ похваляется:
 — Какъ святыя образа-то всѣ побѣлоты,
 Во черной грязи да всѣ потоптаны,
 Во церквахъ во божьихъ кѣни кормятся... — “

„Что же ты, могучее Иванище,
 Не очистилъ града Кіева,
 Не убилъ поганого Идѣлица?“
 „Ахъ ты, свѣтъ мой, государь да Илья Муромецъ!
 Вѣкъ такого вора я не видывалъ,
 Слыхомъ про такого вора да не слыхивалъ:
 Въ долину двѣ сажени печатныхъ,
 Въ ширину сажень печатная,
 Межъ глазами пята мѣрная,
 Межъ ноздрями каленá стрѣла,
 Головище что лоханище,
 А глазища что пивныя чашища.
 Устрашился я Идѣлица великаго,
 Не посмѣлъ идти я на поганое.“

„Ай ты, сильное, могучее Иванище!

Силы у тебя есть въ два меня,
Смѣлости-удачи нѣтъ и въ полъ меня.
Разболаживай-ка гуню стариковскую,
Разувай-ка лапотки-обтопточки,
Подавай-ка шляпонью пуховую,
Клюшку-волжанку горбатую во сорокъ пудъ;
Сокручусь каливою перехожею:
Не узнало бы Идолище поганое
Добра молодца да Илью Муромца.“

Пораздумалось могучее Иванище,
Пораздумалось да порасплакалось:
„Ахъ ты, свѣтъ мой, государь да Илья Муромецъ!
Какъ не ты просилъ бы платицевъ каличихъ,
Да не отдалъ бы я платицевъ каличихъ:
Вплетенó въ мои во лапотки-обтопточки
По драгому камню самоцвѣтному,
Да не для-радї красоты-басї угожества,
Ради темныхъ ноченекъ осеннихъ.
Съ чести не отдать тебѣ—ты нѣ съ чести возьмешь,
Нѣ съ чести возьмешь, еще и бокъ набѣшь.“

Разболаживалъ онъ гуню стариковскую,
Разувалъ онъ лапотки-обтопточки,
Скидывалъ онъ шляпонью пуховую,
Клюшку-волжанку горбатую въ землю воткнулъ—
И ушла влюбца до самой до кобóвочки.
Сокрутился Илья Муромецъ каликою,
Говорить самъ таковы слова:

„Надѣвай-ка на себя, Иванище,
Платице мое ты богатырское,
Обувай-ка башмачки мои сафьянные,
Да садись-ка на коня на богатырскаго.
На улóвномъ на мѣстечкѣ обождешь меня.
Какъ раздѣлаюсь съ поганымъ—отыщу тебя.“
И сжалъ его онъ на добра коня,

Во двѣнадцать во сѣдѣлышекъ засѣдываль,
Во двѣнадцать во подпужковъ да подтягиваль.
Какъ поѣхаль по чисту полю Иванише,
Безъ ума несется на конѣ, безъ памяти,
Радъ бы выпасть изъ сѣдла да не можно.

А Илья со матушки-сырой земли
Клюшку-волжанку горбатую повѣдёрнулъ,
Сталь съ горы да на гору поскакивать,
Сталь съ холма да на холмъ перепрядывать.
Скоро скажется, да тихо сдѣтается...

Приходилъ Илья во стольный Кіевъ градъ,
Подходилъ къ палатамъ княженецкіимъ,
Становился подъ окошечко косящато,
Закричалъ да зычнымъ голосомъ:

„Ужь ты гой еси, Владиміръ стольно-кѣевскій!

Сотвори-ка ты каликѣ перехожой
Милостыню золоту гривну
Для-радї Христа Царя небеснаго,
Ради пресвятыя Богородицы!“

Отъ того ли да отъ крику богатырскаго
Бѣлокаменны палаты зашаталися,
Изъ оконницъ стельшыки посыпались,
На столахъ напитки расплескалися,
За столомъ князя да бѣяре припадали,
У Идблиця сердечко приужахнулось;
Бросилось поганое по плечъ въ окно,
Говорить само князю Владиміру:

„Голосастые калики на Руси у васъ!

Позови-ка ты калику во высобѣ терѣмъ.“

Выходилъ Владиміръ на крыльцо переднее,
Говорилъ каликѣ перехожой:

„Ай же ты, калика перехожа,

Перехожа сума ты перемѣтная!

Ты поди-ка во высобѣ терѣмъ.“

Проходилъ калика во высѣѣ терѣмъ,
На крыльцо зашелъ—крыльцо заскрипнуло,
По мостамъ идетъ—мосты погнулися,
Заходилъ во гридню во столовую,
Клалъ тутъ крестъ да по писаному,
Вель поклоны по учёному,
Князя со княгинею поздравствовалъ,
Одному Идолищу челомъ не билъ.
Говорить Идолище поганое:

„Ай же ты, калика перехожая,
Перехожая сума ты перемѣтная!
Ты по платицамъ идешь хотъ старчищемъ,
По походочѣѣ ты добрый мѣлодецъ:
По шагамъ твоимъ весь терѣмъ ходунѣмъ ходить.
Ты коѣй земли, старикъ, коѣй орды?“

„Я, старикъ, изъ славнаго изъ Мурома,
А хожу каликой по святой Руси.“

„Если ты изъ славнаго изъ Мурома,
Если ходишь по святой Руси,
То видалъ и Илью Муромца богатыря.
Ну, каковъ собой, великъ ли ростомъ онъ?“

Говорить калика перехожая:

„Не огромный богатырь нашъ Илья Муромецъ,
Хошь узнать его, такъ на меня гледи:
Ладятся у насъ съ нимъ платья цвѣтныя,
Возрастомъ да волосомъ онъ ровня мнѣ.“

„А помногу ль ѣсть вашъ Илья Муромецъ,
А помногу ль пьетъ онъ зеленá вина?“

„Ѣсть и пьетъ Илья во славу божию,
Съѣсть калачикъ—по другомъ душа горить,
Скушаетъ другой—и сытъ съ того.
Выпьеть чарку—по другой душа горить,
Скушаетъ другую—и доволенъ съ той.“

„Что же онъ за богатырь какой!

Былъ бы здѣсь вашъ Илья Муромецъ,
 На ладонь бы посадилъ его, другой прижалъ,
 Межь ладонями мокро бы лишь повѣжалось,
 Взялъ бы да и дунулъ во чисто поле!
 Я какъ стану хлѣба-выти ѣсть —
 Съѣмъ по три печи печеныхъ,
 Да во щажъ схлебаю по быеу по русскому,
 Закушу лебѣдушкою бѣлою;
 Пить какъ стану зеленá вина —
 Выпью духомъ три ведра да мѣрныхъ.“

Говорить калива переходяя:

„И у князя нашего Владиміра
 Было старое кобѣлице-обѣдище,
 Много ѣло — только треснуло,
 Было старое коровище-обжорище,
 Много пило — только лопнуло.
 Тоже будетъ и тебѣ, поганому.“

Таковó слово ему за гнѣвъ пало,
 Со стола схватило ножище-кинжалище
 Да бросаетъ во каливу переходяю,
 Во матѣраго Илью во Муромца.
 Былъ же тутъ Илья на ножки повертовъ,
 Скоро онъ отъ ножика отскакивалъ,
 Ключкой ножикъ отъ себя отваживалъ,
 Пролетѣло мимо ножище-кинжалище,
 Угодило въ дверь дубовую;
 Выскочила дверь да съ ободвериной,
 Улетѣла во чисто поле,
 Тамъ двѣнадцать ли татаровой поганныхъ
 На мертвó убила, остальныхъ поранила.
 Проелинають тутъ татаровья Идѣлице:

„Будь ты трое прѣлято, поганое!“

А Илья стоитъ да усмѣхается:

„Мнѣ родитель-батюшка наказывалъ:

Ты скорѣй долги свои уплачивай,
Лучше во другой тебѣ повѣрять, дитятко.“

Какъ захватить шляпу стариковскую,
Да махнетъ въ Идолище великое—
Попадалъ ему во буйну голову,
Повалилося поганое, захамкало.
Говорить Ильюша таковыя слова:

„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
Окровавити палаты княженецкія,
Выведу его я на крылечико.“

Бралъ Идолище онъ за желтыя кудри,
За желтыя кудри да за бѣлыя руки,
Выводилъ съ палатъ да на крылечико,
Говорилъ самъ таковыя слова:

„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
Окровавити крылечко княженецкое,
Выведу его я на широкій дворъ.“

Выводилъ его онъ на широкій дворъ:

„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
Окровавити да княженецкій дворъ,
Выведу его я во чисто поле.“

Выводилъ его онъ во чисто поле,
Захватилъ поганаго тутъ за ноги,
Началъ имъ по силушкѣ помахивать,
Самъ, помахивая, приговаривать:

„Сторонитесь, люди православныя!
Не попасть бы вамъ подъ махи подъ татарскія,
Какъ оружье-то мнѣ, братцы, по плечу пришло.“

Бьетъ поганыхъ онъ, охаживаетъ три часа,
Не оставилъ окаянныхъ и на сѣмена.
Вынималъ тутъ славный Святогоровъ мечъ,
По плечъ голову срубилъ Идолищу. ⁽⁵⁶⁾

Подходилъ Владиміръ, низко кланялся:

„Гой ты, батюшка нашъ, старый Илья Муромецъ!

Чѣмъ тебя пожаловать, учествовать,
Что очистилъ отъ невѣрныхъ Кіевъ градъ,
Что избавилъ насъ отъ полона великаго?“

Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:

„Что мнѣ надобно, каликъ перехожеей?
На приходѣ гостя не учествовалъ,
На походѣ гостя не учествуешь.“

Подходилъ тутъ и Алешенька Поповичъ младъ,
Говорилъ Ильѣ да таковыя слова:

„Ай ты, старый Илья Муромецъ Ивановичъ!

У кого ты отнялъ богатырскій мечъ?

Гдѣ набрался силы, чтобъ съ земли поднять?“

Разсказалъ Илья, какъ Святогоръ, кончаючись,
Завѣщаль ему свой богатырскій мечъ,
Какъ могучимъ духомъ на него дохнулъ,
Какъ съ того въ немъ силы втрое прибыло,
И приподнял онъ съ земли великій мечъ.

Поклонился и Алешенька тутъ старому:

„Исполать тебѣ, могучему богатырю!

Ты прости-ка мнѣ, забудь тѣ рѣчи глупыя!

Ты прими-ка и меня теперь, Алешеньку,

Во свои во братья во крестовые!“

Принялъ старый смѣлаго Алешеньку

Во свои во братья во крестовые,

Самъ назадъ въ чисто поле ворочался

Къ сильному, могучему Иванищу.

На Иванищѣ-то платьѣ попритасвано,

Попритасвано да попритѣрзано

Отъ добра коня отъ богатырскаго.

Снялъ Илья Иванище съ добра коня,

Разболаживаетъ гуню стариковскую,

Разувааетъ лапотки-обтопточки,

Надѣваетъ платьѣ богатырское,

Самъ садится на добра коня,

Со калчищемъ Иванищемъ прощается:

„А теперъ прощай, могучее Иванище!
Впредь, смотри, ты больше такъ не дѣлай-ка,
Выручай крещёныхъ отъ поганныхъ.“

Только и живó было Идолище,
Только и бралó-то Кіевъ градъ,
А вся честь и слава Ильѣ Муромцу.

БЫЛИНА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ИЛЯ МУРОМЕЦЪ ВЪ ССОРЪ СЪ КНЯЗЕМЪ ВЛАДИМИРОМЪ. (57)

Бѣдитъ старый во чистомъ полѣ,
Бѣдитъ старый много времени.
Цвѣтно платьѣ у него поистаскалося,
Золотá казна поиздержалася.
Говорить себѣ Илейко таково слово:

„Побываль-то я теперъ во всѣхъ Литвахъ,
Побываль теперъ во всѣхъ ордахъ,
Не бываль давно въ одномъ во Кіевѣ;
Я поѣду-ка во Кіевъ, попровѣдаю,
Что такое дѣется во Кіевѣ?“

Пріѣзжалъ Илейко въ стольный Кіевъ градъ;
У Владиміра, у князя пиръ на-вѣселѣ,
За столомъ сидитъ до тридцати боярченковъ,
Сильныхъ, могучихъ богатырей.
Входитъ старый въ гридню княженецкую,
Ставится у ободверины,
Крестъ владеть да по писаному,
И поклонъ ведетъ да по ученому,
Князю солнышеу съ княгинею въ особину:

„Здравствуешь, Владиміръ стольно-кіевскій!
Поѣшь, кормишь ли заѣзжихъ добрыхъ мѡлодцевъ?
Я къ тебѣ служить заѣхаль вѣрой-правдою.
Не боюсь татаръ я въ полѣ тысячи,

Не боюсь и другою тысячи,
Не пойду въ побѣгъ отъ третьей тысячи;
Да не надобно во помощь мнѣ
Тридцати воронъ со воронятами.“

Не узналъ его Владиміръ стольно-кїевскій:

„Ты отколь, удалый, родомъ-племенемъ?
Именемъ какъ величать тебя,
Отцомъ-батюшкою чествовать?“

„Я—Никита Заолѣшанинъ.“

„Ай же ты, Никита Заолѣшанинъ!

Ты садись-ка съ нами хлѣба кушати;
Есть еще мѣстечко тамъ, на нижнемъ кѣнечѣ,
Ты садись-ка тамъ по край стола, по край скамьи:
Всѣ другіе мѣстечки у меня позаняты.“

Повели Илейку слуги подъ руи,
Повели ко нижню кѣнечку,
Усадили тамъ по край стола, по край скамьи.
Говоритъ Илейко таковое слово:

„Ужь ты гой еси, Владиміръ стольно-кїевскій!
Не по чину мѣсто, не по силѣ честь:
Самъ ты, князь, сидишь съ воронами,
А меня ты садишь съ воронятами!“

Какъ хотѣлъ онъ тутъ поладиться, поправиться—
Поломалъ кругомъ скамьи дубовыя,
Погнулъ сваи всѣ желѣзныя,
Поприжалъ гостей всѣхъ во большій уголъ.

А Владиміру то дѣло не слюбилося:
Возставалъ онъ на рѣзвїе ноги,
Потемнѣлъ самъ, что осенняя ночь,
Да вскричалъ, взревѣлъ, что лютый звѣрь:

„Что же ты, Никита Заолѣшанинъ,
Помѣшалъ мнѣ всѣ мѣста учѣныя,
Погнулъ сваи всѣ желѣзныя:
У меня вѣдь промежъ каждого богатыря

Сваи были владены желѣзныя,
Чтобъ они въ пиру да напивались,
Напивались да не столкались.
Ай вы, русскіе могучіе богатыри!
Слыхано ли, чтобы васъ, богатырей,
Кто назвалъ воробанами да воронятами?
Выходите-ка вы, трое самолучшіе,
Вы берите-ка Нивиту подъ руки,
Выбейте изъ груди вонъ на улицу!“

Выходили самолучшихъ три богатыря,
Начали Никитушку подѣргивать,
Пбчали Никитушку поталкивать;
А Никитушка стоитъ—не шатнется,
На головушкѣ колпаекъ не тряхнется:
„Коли хочешь, князь Владиміръ, позабавиться,
подавай еще мнѣ трехъ богатырей!“

Выходили три другихъ богатыря,
Начали Никитушку подѣргивать,
Пбчали Никитушку поталкивать;
А Никитушка стоитъ—не шатнется,
На головушкѣ колпаекъ не тряхнется:
„Коли хочешь, князь, потѣшиться,
Посылай еще хоть трехъ богатырей!“

Выходили третьи три богатыря—
Ничего съ Нивитой не подѣлали.
Говоритъ Нивита таковое слово:
„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Знать, тебѣ охота попотѣшиться?
Ты теперъ изволь-ка на меня глядѣть:
Гляючи, пройдетъ охота тѣшиться!“

Сталь тутъ самъ Нивита тѣшиться,
Сталь богатырей поталкивать,
Учалъ сильныхъ, могучихъ допинывать:
Всѣ богатыри по груди порасползались,

Ни одинъ на ноженьки не можетъ встать.

Выходилъ изъ гридни вонъ Никитушка,
Дверьми хлопнулъ—вышибъ ободверины,
Воротами хлопнулъ—вонъ верёюшки,
А точёння перильца приосыпались.
Князь Владиміръ за печь позадвинулся,
Соболиной шубкой призаинулся:

„Ой, тихонько, братцы, не ворохнётесь:
Не услышалъ бы Никита Заолѣшанинъ!
Какъ услышитъ онъ—воротится, убьётъ насъ всѣхъ,
Не оставитъ стараго, ни малаго,
Не оставитъ мнѣ, Владиміру, на сѣмена...“

А Илейко, какъ повышелъ на широкій дворъ,
Тугой лукъ разрывчатый натягивалъ,
Каленую стрѣлочку наладывалъ,
Самъ стрѣлъ да приговаривалъ:

„Ты лети-ка, стрѣлка, въ кровлямъ златоверхіимъ,
Поснимай-ка золочёны маковки!“

Пали на земь золочёны маковки,
Закричалъ Илья да во всю голову:

„Гой вы, голи, гóлюшки кабацкіе,
Доброхоты княженецкіе!
Собирайтесь-ка на княженецкій дворъ,
Обирайте золочёны маковки,
Да несите во царёвъ кабакъ,
Пейте зеленá вина тамъ дó-сыта.“

Прибѣгали гóлюшки кабацкіе,
Доброхоты эти княженецкіе,
Обирали золочёны маковки:

„Ай же ты, нашъ батюшка, отецъ родной!“

Шли съ Илейкой во царёвъ кабакъ,
Пропивали золочёны маковки,
Пропивали съ нимъ да заоднёшенько.
А и стали тутъ сумлѣться:

„Что-то будетъ намъ отъ князя солнышка,
 Что-то отъ Владиміра достанется:
 Пропиваемъ мы его всѣ маковки!“

Говоритъ Илья имъ таковыя слова:

„Пейте, голи вы мои, да не сумляйтесь:
 Я заўтра буду въ Кіевѣ княземъ княжить,
 А вы, голи, будете надъ всѣми набольши!“

Стали пить, не стали болѣе сумляться,
 Стали Господа молить за добра мѣлодца.

А на томъ пиру на княженецкоемъ
 Доносили солнышку Владиміру:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
 Какъ Никитушка-то Заолѣшанинъ
 Со твоихъ со кровель златоверхіихъ
 Золочены маковки повѣстрѣлялъ,
 Созвалъ всѣхъ голѣй кабацкіихъ,
 Прошилъ съ ними золочены маковки.“

Какъ сидѣлъ при томъ пиру-бесѣдушѣ
 Молодой Добрынюшка Никитичъ младъ,
 Говоритъ Добрынюшка Владиміру:

„Князь ты нашъ Владиміръ, красно солнышко!
 То вѣдь не Никита Заолѣшанинъ,
 То мой братъ крестовый Илья Муромецъ.“

Сталъ тутъ князь Владиміръ думу думати
 Со боярченками именитыми,
 Со богатырями сильными, могучими.
 Какъ ему съ Ильей да помиритися:

„Думайте-ка, братцы, думу-думушку,
 Думайте-ка, братцы, думу вѣршеую,
 Думайте-ка думу, не продумайте:
 Ужъ кого бы намъ да за Ильей послать,
 Во почѣстенъ пиръ Илью позвать?
 Самому-то мнѣ пойти не хочется,
 А Апраксию послать — въ лицу нейдѣтъ.“

Стали все тутъ думу думати:

„Ужь кого бы намъ послать Илью позвать?

А поплемъ-ка мы Добрынюшку Нивитича:
Вѣдь они съ Илейкой братьяца крестовые,
Братьяца крестовые, названые,
И его Илья, бывало, слушаетъ.“

Шелъ Владиміръ по столовой горенеѣ,
Становился супротивъ Добрынюшки,
Говорить Добрынѣ таковыя слова:

„Ты молоденькій Добрыня! ужь сходи-ка ты
къ старому Ильѣ во Муромцу,
Бей челомъ Илейкѣ, низво кланяйся,
Повлонися до половъ кирпичныхъ,
Что до самой матушки сырѣй земли,
Говори Илейкѣ таковыя слова:

— Какъ послалъ меня къ тебѣ Владиміръ князь
Со княгиней стольной со Апраксией,
Какъ послалъ просить тебя да во почестень пиръ,
Не узналъ тебя онъ, добра молодца,
Потому садилъ за столъ на нижнемъ конечѣ;
А теперь онъ просить со усердіемъ,
Со усердіемъ, со радостью великою,
Не велѣлъ на старо гнѣваться. — “

И пошелъ молоденькій Добрынюшка,
Улицей идетъ, а самъ-то думаетъ:

„Не по смерти ли я иду по скорую?
Да коли мнѣ не послушать князя солнышка,
Мнѣ отъ князя солнышка не сдѣбровать!“

И идетъ онъ во царевъ кабакъ,
И приходитъ во царевъ кабакъ;
А сидитъ тутъ старый Илья Муромецъ,
Съ голями сидитъ, пьетъ-прохлаждается.
И не знаетъ онъ, отколь къ Ильѣ зайти:

„Спереди зайти, такъ хорошо ль прилюбится?

Таъ ужь лучше же сзадѣ зайду.“

Какъ зашелъ сзадѣ Добрыня, захватилъ Илью,
Захватилъ за плечи за могучія,
Говорить самъ таковыя слова:

„Ай же ты, крестовый братецъ мой,
Мой названный братецъ, старый Илья Муромецъ!
Ты сдержи-ка руки бѣлыя,
Ты скрѣпи-ка ретиво сердце:
Вѣдь пословъ-то ни вуютъ, ни вѣшаютъ.
А и владена у насъ съ тобою заповѣдь,
Заповѣдь не малая, великая:
Меньшему-то брату слушать большаго,
Большему-то брату меньшаго,
Да стоять обоимъ дружка-за-дружку.
Какъ послалъ меня къ тебѣ Владиміръ князь
Со княгиней стольной со Апраксіей:
Не узналъ тебя онъ, добра мѡлодца,
Потому садилъ за столъ на нижнемъ вѡнечкѣ,
А теперь тебя онъ просить во почѣстенъ пирь
Со усердіемъ, со радостью великою,
Не велѣлъ тебѣ на старо гнѣваться.“

Обернѣтся тутъ Илейко, самъ проговорить:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты счастливъ тѣмъ, что сзадѣ зашелъ:
Кабы ты, Добрыня, спереди зашелъ,
Только бы съ тебя, Добрыня, пепель сталъ!
А теперь тебя не трону, братецъ мой:
Вѣдь закона-то нельзя перѣступить.
Ты пойдѣ, скажи-ка князю солнышву:
Пусть-ка для меня, для мѡлодца,
Разошлетъ указы строгіе
По всему по городу по Кіеву
Да еще по городу Чернигову,
Чтобы были на трое на суточекъ

Всѣ царёвы кабаки отворены,
Чтобы весь народъ пилъ зеленó вино;
Кто не хочетъ зеленá вина,
Тотъ бы пилъ все пива пьянаго;
Кто не хочетъ пива пьянаго,
Тотъ бы пилъ сладкѣхъ медовъ:
Чтобы знали, что наѣхалъ къ Кіеву
Старый Илья Муромецъ Ивановичъ;
А и пусть-ка для меня, для мѣлодца,
Заведеть онъ столованьице — почѣстенъ пиръ.
А коли не сдѣлаеть по мѣму,
То ему, Владиміру, княжить до утрѣя.“

Какъ бѣжалъ Добрыня скоро-на-скоро
Къ ласковому князю во Владиміру,
Передаль ему Ильинъ наказъ;
Какъ тутъ князь Владиміръ скоро-на-скоро
Разослалъ указы строгіе
По всему по городу по Кіеву
Да еще по городу Чернигову,
Чтобы были на трое на суточекъ
Всѣ царёвы кабаки отворены,
Чтобы весь народъ пилъ зеленó вино,
Пилъ бездánно да безошлинно,
Всѣ бы знали, что наѣхалъ къ Кіеву
Старый Илья Муромецъ Ивановичъ.
Самъ заводить столованьице — почѣстенъ пиръ,
Забираеть всѣхъ князей да бѣяровъ,
Всѣхъ могучихъ русскіихъ богатырей,
А и полениць удáльныхъ.

А во кабакахъ никто не пьеть, не кушаетъ,
Всѣ идутъ ко князю во Владиміру, —
Не для хлѣба-соли, не для золотой казны:
Посмотрѣть идутъ на добра мѣлодца,
На того на стара Илью Муромца;

Всѣ на княженецкѣй дворъ собираются,
Всѣ тихонько въ гридню пробираются.
Какъ приходитъ тутъ и старый Илья Муромецъ,
Съ голями приходитъ со кабацкими,
Какъ идетъ во гридню свѣтлую,
Крестить очи по писаному,
И ведетъ поклоны по учёному,
Бьетъ челомъ на всѣ четыре стороны,
Князю со княгинею въ особину.
Своро всталъ Владиміръ на рѣзвѣ ноги,
Скоро бралъ Илью да за бѣлыя руки,
Цѣловалъ да во уста сахарныя,
Говорилъ самъ таковыя слова:

„Гой еси ты, старый Илья Муромецъ!
Хоть твое мѣстечко было да пониже всѣхъ,
Такъ теперь твое мѣстечко да повыше всѣхъ!
Гой вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Проводите стараго на мѣсто бѣльшее!“

Не садился онъ на мѣсто бѣльшее—
Сѣлъ на мѣсто на среднее,
Рядомъ посадилъ голѣй кабацкихъ,
Говоритъ самъ таковыя слова:

„Ай же ты, Владиміръ стольно-кѣевскій!
Зналъ, кого послать меня позвать!
Кабы не Добрынюшка, названный братецъ мой,
Никого бы не послушалъ здѣсь.
А было намѣренье наряджено:
Тугой лугъ разрывчатый натягивать,
Да стрѣлять сюда, во гридню свѣтлую,
Да убить тебя, князія Владиміра,
Со княгиней стольной со Апраксіей.
Да на сей разъ Богъ тебя проститъ
За твою вину да за великую!“

Понесли гостямъ тутъ яствушекъ сахарныхъ,

Понесли напитокочковъ медвянныхъ,
 Подносили каждому по чарочкѣ.
 Говорить Илья Владиміру:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
 Тѣмъ ли ты моихъ гостей уподчуешь,
 Тѣмъ ли ты моихъ голѣй учествуешь?
 Чарочками да голѣй кабацкіихъ?“

А Владиміру то слово не слубилося,
 Говорить Ильѣ да таковы слова:

„У меня во погребахъ глубокіихъ
 Есть про всѣхъ васъ зеленó вино,
 Есть про каждого по бочкѣ-сороковочкѣ.
 Коли здѣсь не хватить на гостей твоихъ,
 Сами спустятся во погреба глубокіе.“

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
 Такъ ли у тебя гостей да подчуютъ,
 Такъ ли добрыхъ мѡлодцевъ да чествуютъ,
 Чтобы сами шли за яствами, за питьями?
 Знать, мнѣ быть сегодня за хозяина!“

Какъ повскочить старый на рѣзвѣ ноги,
 Погребовъ у слугъ не спрашивалъ,
 Къ погребамъ ключей не требовалъ,
 Прямо шелъ ко погребамъ глубокіимъ,
 Двери и колоды вонъ выпинывалъ,
 Безъ ключей замочки отщѣлчивалъ,
 Входитъ самъ во погреба глубокіе.
 Какъ беретъ тутъ бочку да подъ пазуху,
 Какъ беретъ другую подъ другую пазуху,
 Третью сороковую ногой катить,
 Выкатилъ на княженецкій дворъ,
 Закричалъ самъ во всю голову:

„Гой вы, голи, гѡлюшки кабацкіе!
 Выходите-ка на княженецкій дворъ,
 Напою я всѣхъ васъ зеленѣмъ виномъ.“

Сходить самъ опять во погреба глубокіе.
Не стерпѣлъ Владиміръ, больно поразгнѣвался,
Закричалъ да зычнымъ голосомъ:

„Гой вы, слуги, слуги вѣрные!
Вы бѣгите-ка скорымъ-скоро,
Скоро-на-скоро да поскорѣшенько,
Заложите въ погребахъ мнѣ молодца,
Позадѣрните чугуною рѣшеточкой,
Завалите дубемъ-кѣлодемъ со всѣхъ сторонъ,
Призасыпьте желтыми песочками,
Поморите смертію голодную!“

Побѣжали тѣ скорымъ-скоро,
Скоро-на-скоро да поскорѣшенько,
Заложили въ погребахъ Илью,
Позадѣрнули чугуною рѣшеточкой,
Навалили дубя-кѣлодя со всѣхъ сторонъ,
Да засыпали песками желтыми.
Какъ другимъ богатырямъ то за бѣду пало,
Возставали съ пира не докупавши,
Выходили на широкій дворъ,
Всѣ садились на добрыхъ коней,
Всѣ разъѣхались во чисто поле,
Во раздольице широкое:

„А не будемъ же мы больше жить во Кіевѣ,
А не будемъ же служить князю Владиміру!“

Такъ-то въ ту пору у князя у Владиміра
Не осталось во Кіевѣ богатырей.

БЫЛИНА СЕМНАДЦАТАЯ.

ИЛЪЯ МУРОМЕЦЪ и КАЛИНЪ ЦАРЬ. (58)

Ой ты, мать-сыра земля, поразступися-ка!
Небеса вы синія, раздайтеся!
Темны тучи, во еди́но не скопляйтеся!
Богатырской силушкѣ тошнѣхонько,
Горе лютое со старымъ приелючилось:
Поразгнѣвался на стараго Владиміръ князь,
Приказалъ его своимъ вѣрнымъ слугамъ
Заложить во погребяхъ глубокіихъ,
Позадѣрнути чугуною рѣшѣточкой,
Завалити дубьемъ-вѣлодемъ со всѣхъ сторонъ,
Призасыпати песками желтыми,
Поморити смертію голодною.
Да была у князя дочка молодѣшенька,
Дочка молодѣшенька была, малѣшенька,
Видитъ: посадилъ Владиміръ князь
Стараго во погреба на смерть голодную;
А онъ могъ бы постоять одинъ за Кіевъ градъ,
Могъ бы постоять одинъ за церкви божія,
Могъ бы поберечь ей князя-батюшку,
Могъ бы поберечь ей и княгиню-матушку.
И брала во погребамъ глубокимъ
Во-потай она ключи у матушки,
Подкопать велѣла копи тайныя,

Носить старому уѣдушки сахарныя,
Ставить старому напитокки медовые.
А Владиміръ князь про то не вѣдаетъ.

Подсылалъ тутъ Кáлинъ царь Калиновичъ
На святую Русь татаровей поганыхъ:

„Ай же вы, мои татаровья поганые!
Поѣзжайте-ка вы на святую Русь,
Ко тому ко славному ко Киеву,
Посмотрите, попровѣдайте,
Что-то дѣется на матушкѣ святой Руси.“

И поѣхали татаровья поганые
На святую Русь, ко славну Киеву,
И пріѣхали во стольный Киевъ градъ,
Посмотрѣли отъ далі поганые
На Владиміра на князя солнышко,
И поѣхали назадъ къ царю-татарину.

Сталъ ихъ Калинъ царь выспрашивать:

„Гдѣ же вы, ребята, были-побыли,
Что же вы, ребята, видѣли?“

Говорятъ ему татаровья поганые:

„Были-побыли мы на святой Руси,
Побыли во славномъ Киевѣ,
Видѣли во Киевѣ чуднымъ чудно,
Видѣли во Киевѣ дивнымъ дивно:
Какъ со матушки со церкви божіей
Шла душа-дѣвица красная,
Книгу на рукахъ несла, евангелъ,
Сколько ни читала, вдвое слезно плакала.“

Говоритъ имъ Калинъ царь Калиновичъ:

„Ай вы, глупые мои татаровья!
Шла то не душа-дѣвица красная,
Шла то мать да пресвятая Богородица,
Книгу на рукахъ несла, евангелъ:
Вѣдала надъ Киевомъ невзгодушку,

Оттого и слезно плакала.“

Нé волна на мѳрѣ расходилася,
Не синё море да всколыбалося,
Взволновался Калинъ царь Калиновичъ,
Воспылалъ собака да на Кіевъ градъ.
Ай, собака ты, злодѣй да Калинъ царь!
Думаетъ онъ думушкѣ недобрую,
И совѣтуетъ совѣты нехорошіе:
Хочетъ разорить онъ стольный Кіевъ градъ,
Хочетъ чернедь-мужичковъ повырубить,
Церкви божія на дымъ пустить,
Князю солнышву да голову срубить,
Со княгиней стольной со Апраксіей.
Собираетъ силы съ сорока земель,
Съ сорока земель да съ сорока царей,
Съ каждымъ силы по сту тысячей,
А съ самимъ собакой силушка несчетная.
Собирается собака ровно трі года,
На четвертый во походъ пошелъ;
Не дошелъ до Кіева пятнадцать верстъ,
Становился съ силой у быстра Днѣпра,
Приказалъ всей силушкѣ великоей
Во одно мѣсто снести по камешву—
Выросла гора превеличѣюща.
Чтѳ подъ силой мать-сыра земля не погнется,
Подъ поганой не разступится?
Отъ того отъ пару отъ конинаго
Инъ померкло красно солнышко,
Ни луча не взвидѣть свѣту бѣлаго;
Отъ того отъ духу отъ татарскаго
Нé можно крещѣнымъ живымъ быть.
Какъ разставилъ силу по чистѣ полю,
Самъ сходилъ собака со добра коня,
Скоро сѣлъ на свой ременчатъ стуль,

Ярлыки писалъ да скорописчаты,
Не чернилами писалъ, а краснымъ золотомъ,
Ярлыки да запечатывалъ;
Выбиралъ татарина получше всѣхъ:
Мѣрою татаринъ трехъ сажень,
Голова на немъ съ пивной котель,
Промежь плечь татаринъ во косу сажень.
Подавалъ ему онъ грамоту посыльную,
Посылалъ его во Кіевъ градъ, наказывалъ:

„Ай же ты, любезный мой посланничекъ!

Знаешь говорить ты да по-русскому,
Про себя мычать да по-татарскому?
Ты бери-ка грамоту посыльную,
Ты садись-ка на добра коня,
Поѣзжай-ка да во славный Кіевъ градъ,
Ко тому ко князю солнышку на широкъ дворъ,
Станови добра коня середъ двора,
Не привязывай коня и не приказывай,
Проходи прямехонько да не съ упадкою
Въ грядни свѣтлыя, въ палаты княженецкія,
Отворяй въ палаты двери на-пяту,
Не снимай и шапки со головушки,
Богу русскому не кланяйся,
Князю солнышку челомъ не бей,
Полагай лишь ярлыки на злотъ столъ,
Пословечно выговаривай:

—Ай ты, солнышко князь стольно-кіевскій!

Ты бери-ка ярлыки да во бѣлы руки,
Распечатывай-ка ярлыки, развертывай,
Каждое словечко въ нихъ высматривай.—
Безъ поклона повернись тутъ да поди съ палатъ,
На коня садись да поѣзжай назадъ,
Во свою во силушку великую.“

И поѣхалъ тотъ посланничекъ во Кіевъ градъ,

Дѣлалъ дѣло повелѣное:

Заѣзжалъ на широкъ княженецкій дворъ,
Становилъ добра коня середѣ двора,
Не привязывалъ коня и не приказывалъ,
Проходилъ прямехонько да не съ упадею
Въ gridsни свѣтлыя, въ палаты княженецкія,
Отворялъ въ палаты двери на пату,
Не снималъ и шапки со головушки,
Не молился Спасу образу,
Князю солнышу челомъ не билъ,
Бросилъ только ярлыки на зѣлотъ столъ,
Пословечно выговаривалъ:

„Ай ты, солнышко князь стольно-кіевскій!
Ты бери-ка ярлыки да во бѣлы руки,
Распечатывай-ка ярлыки, развертывай,
Каждое словечко да высматривай.“

Безъ поклона повернулся да съ палатъ пошелъ,
На коня садился да поѣхалъ вонъ,
Во свою во силушку великую.

Какъ вставалъ тутъ солнышко Владиміръ князь
Со большаго мѣста княженецкаго,
Бралъ тѣ ярлыки да скорописчаты,
Распечатывалъ ихъ скоро да развертывалъ,
Каждое словечко да высматривалъ.
А во тѣхъ во ярлыкахъ написано,
Чтобы по всему по славну Кіеву
Онъ съ божьихъ церквей чудны кресты повѣснималъ,
Во церквахъ бы сдѣлалъ стойлы лошадиня,
Было бъ гдѣ стоять добрымъ конямъ татарскимъ;
По всему бы да по славну Кіеву
Улицы широкія повѣпахалъ,
Богатырскіе дворы повѣчистилъ,
Поумылъ палаты бѣлокаменны,
Было бъ гдѣ стоять великой рати-силушкѣ;

По всему бы да по славну Кіеву,
По всѣмъ улицамъ широкіимъ,
По всѣмъ малымъ переулочкамъ,
Понаставилъ бочку къ бочкѣ близко-пó-близку,
Сладкихъ все, хмѣльныхъ напитокочковъ,
Было бъ у чего стоять собакѣ Калину
Со его великой ратью-силушкой.
Видитъ тутъ Владиміръ стольно-кіевскій:
Дѣло-то великое, не малое,
Посмотрѣлъ въ окошечко косящато:
Какъ стоитъ у батюшки быстра Днѣпра
Калинъ царь со всею силушкой невѣрною,
А той силы на чистомъ полѣ
Будто лѣсу мелкаго шумящаго,
Не видать ни краюшка, ни бережка;
А знаменье въ на чистомъ полѣ
Будто лѣсу крупнаго жароваго.
Устрашился солнышео Владиміръ князь,
Закручинился да запечалился,
Ниже плечъ повѣсилъ буйну голову,
Съ ясныхъ очушевъ роняетъ слезы горькія,
Шѣлковымъ платочкомъ утирается,
Говоритъ самъ таковыя слова:
„Ахъ ты, гой еси, моя жена любезная,
Ты внягинушка моя Апраксія!
Наватилась силушка невѣрная,
Обступила стольный Кіевъ градъ.
По грѣхамъ намъ вѣрно учинилося,
Что богатыри изъ Кіева развѣхались:
Хлѣба кушати-то есть у насъ кому,
Постоять за Кіевъ градъ ужъ нѣкому.
Разсердилъ я всѣхъ могучіихъ богатырей,
А удала стара Илью Муромца
Засадилъ во погреба глубокіе,

Заморилъ да смертію голодною:

Постоялъ бы онъ одинъ за Кіевъ градъ,

Постоялъ бы онъ за церкви божія,

Поберегъ бы онъ меня, Владиміра,

Поберегъ бы и тебя, Апраксию.

А теперь намъ, видно, дѣлать нечего,

На убѣгъ бѣжать изъ Кіева приходится.“

Какъ была тутъ дочка у Владиміра,

Дочка молодѣшенька, малѣшенька,

Говоритъ ему да таковы слова:

„Гой еси, родитель ты мой, батюшка!

Слышала я въ церкви, во писаніи,

Что удаљу стару Ильѣ Муромцу

Смерть ни съ голоду, ни на бою не писана.

Закричи-ка ты своимъ вѣрнымъ слугамъ,

Чтобъ сходили къ погребамъ глубокимъ.

Поразсыпали песочки желтые,

Развалили дубье-кѣлодье,

Да раздѣрнули рѣшѣточку чугунную.

Самъ бери-ка золотыя ключи,

Отворяй-ка погреба глубокіе,

Опускайся-ка ко стару Ильѣ Муромцу,

Посмотри-ка, живъ ли онъ аль нѣтъ?“

Говоритъ ей батюшка Владиміръ князь:

„Ай же, дитяте мое ты неразумное!

Ты сними-ка буйну голову,

Приростетъ ли ко плечамъ она?

Быть ли живу черезъ три года

Старому да Ильѣ Муромцу?“

Отвѣчаетъ дочка молодѣшенька,

Дочка молодѣшенька, малѣшенька:

„Посылай-ка только, онъ тамъ живъ сидитъ.“

Выходилъ Владиміръ князь тутъ на краснѣ крыльцо,

Закричалъ вѣрнымъ слугамъ да громкимъ голосомъ:

„Гой еси, мои вы слуги вѣрные!
Вы сходите-ка ко погребамъ глубокимъ,
Поразсыпьте-ка песочки желтые,
Развалите дубье-кѣлодые,
Да раздѣрните рѣшеточку чугунную,
Посмотрите, живъ ли Илья Муромецъ?“

И пошли они ко погребамъ глубокимъ,
Поразсыпали песочки желтые,
Развалили дубье-кѣлодые,
Да раздѣрнули рѣшеточку чугунную,
Закричали громкимъ голосомъ:

„Гой еси, удалый добрый молодецъ,
Живъ ли ты аль нѣтъ, отеливнися?“

Подаль голосъ имъ Ильющеньга.

Скоро бралъ Владиміръ князь тутъ золотыя влючи,
Отмыкаетъ погреба глубокіе—
А во погребахъ Илья живой сидитъ,
У Ильюши воскова свѣча горитъ,
Самъ читаетъ книгу онъ, евангеліе.
Билъ челомъ Владиміръ до сырѣй земли:

„Ужь ты здравствуешь, удалый Илья Муромецъ!
Ты сидишь во погребахъ глубокіихъ,
А не вѣдаешь невзгодушки великія:
Вѣдь нашъ Кіевъ градъ во полонѣ стоитъ,
Обошелъ вѣдь насъ собака Калинъ царь
Со своею силушкой великою.
Разсердилъ я всѣхъ богатырей,
Поразѣхались они изъ Кіева,
Хлѣба кушати-то есть у насъ кому,
Постоять за Кіевъ градъ ужъ нѣкому.
Ужь постоя-ка ты одинъ за Кіевъ градъ,
Постарайся-ка за вѣру христіанскую,
Хоть не для меня, князя Владиміра,
Хоть не для внягини для Апраксіи,

А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ.“

Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ :

„Я ужь три года не видѣлъ свѣту бѣлаго—
Какъ простить мнѣ ту обиду кровную?“

„Да не для-ради меня, Владиміра,

И не для-ради моей Апраксіи,

А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ!“

Какъ вскочилъ тутъ старый на рѣзвѣ ноги,
Воскричалъ да громкимъ голосомъ:

„Ай ты, бурушка, мой богатырскій конь!“

Выходилъ на бѣлый божій свѣтъ,

Шелъ въ конюшеньку стоялую,

Выводилъ добра коня на шірокъ дворъ,

Сталъ добра коня уздать, засѣдывать:

Полагалъ на потнички да потнички,

Полагалъ на войлочки да войлочки,

На верѣхъ черкасское сѣдлышко;

Пѣдируги подтягивалъ шелковеньки,

Втягивалъ шпилѣчки булатныя,

Полагалъ стремяночки булатныя,

Пращечки да красна золота —

Да не для красы-басы, не для угожества,

Для-ради укрѣпы богатырскія:

Шель-то тянется, да не рвется,

А булатъ-жельзо гнется, не ломается,

Красно золото и мовнетъ, да не ржавѣетъ.

Одѣвалъ тогда доспѣхи крѣпкіе,

Бралъ съ собою палицу булатную,

Во-другихъ копье да долгомѣрное,

Во-третьихъ тѣгой лукъ да каленіи стрѣлы,

Бралъ еще шалыгу подорожную,

И садился на добра коня,

Говоритъ самъ князю таковыя слова:

„Запирай-ка, князь, ворота крѣпко-на-крѣпко,

Засыпай желтымъ пескомъ ихъ, сѣрымъ камешкомъ;
Я, Илья, поѣду во чисто поле
Созывать могучихъ богатырей.“

Только видѣли Ильюшу сядучи,
А не видѣли его поѣдучи,
Отъ его копытъ отъ лошадиныхъ
Во чистомъ полѣ да куревó стоитъ,
Куревó стоитъ да пылъ столбомъ валить.
Выѣхалъ онъ во чисто поле,
Посмотрѣлъ на силушку поганую:
Нагнано-то силы видимо-невидимо,
Инь не можетъ пропекать и красно солнышко
Между паромъ лошадинымъ и человѣческимъ;
Долгимъ весеннимъ денечикомъ
Сѣру звѣрю силы не обрыскати,
Долгимъ межѣннымъ денечикомъ
Черну ворону да не обграти,
Долгимъ осеннимъ денечикомъ
Сѣрой птицѣ да вокругъ не облетѣть.
Какъ отъ покряку отъ человѣчьяго,
Какъ отъ ржанья лошадиного
Унываетъ сердце человѣческо. (59)
И поѣхалъ старый Илья Муромецъ
По раздольицу чисту полю веругъ силушки—
Конца-краю силушки не могъ наѣхати.
И не смѣетъ старый напустить на силушку,
Поднимается на гóру на высокую,
Посмотрѣлъ на силушку поганую,
Посмотрѣлъ на всѣ на три-четыре стороны—
Конца-краю силѣ насмотрѣть не могъ.
Со первóй горы Илья спускается,
На высокую другую поднимается,
Посмотрѣлъ на всѣ на три-четыре стороны—
Конца-краю силѣ насмотрѣть не могъ.

Со другой горы Илья спускается,
На высокую на третью поднимается,
Посмотрѣлъ на всѣ на три-четыре стороны—
Усмотрѣлъ подѣ стороной восточной
Во чистомъ полѣ бѣлой шатеръ,
На бѣломъ патрѣ злачѣна маковка,
У бѣла шатра да кони богатырскіе.
Со горы высокой онъ спускается
И поѣхалъ по чисту полю,
Приѣзжаетъ ко бѣлу шатру:
Тамъ стоитъ двѣнадцать коней богатырскихъ,
Зоблятъ всѣ пшenu да бѣлоярову,
Все-то добры кони русскіе,
Все его крестовыхъ братьицевъ,
Братьицевъ крестовыхъ да названыхъ.
Онъ вазалъ коня къ столбу точѣному,
Припушалъ его къ пшенѣ ко бѣлояровой,
Самъ заходитъ во бѣлой шатеръ.
Во бѣломъ патрѣ двѣнадцать ли богатырей,
Все богатырей-то святорусскихъ,
Сѣли хлѣба-соли кушати,
Поиграть во шашки-шахматы.
Онъ глаза креститъ да по писаному,
Онъ поклонъ ведетъ да по учѣному,
Поклоняется на всѣ четыре стороны,
Дядюшеѣ любимому въ особину:
„Хлѣбъ да соль, богатыри вы святорусскіе,
Братія моя крестовая, названая!
Здравствуешь и ты, любимый дядюшеа,
Ты Самсонъ да сынъ Самойловичъ!“
Какъ увидѣли Илью богатыри,
Повскочили скоро на рѣзвѣ ноги,
Со Ильюшенкой здоровались:
„Ай же ты, удалый старый Илья Муромецъ!

Говорили, ты у князя у Владиміра
Посажёнъ во погреба глубокіе,
Поморёнъ да смертію голодною,
Анъ ты живъ поѣзживаешь во чистомъ полѣ?“
Говорить ему Самсонъ Сомойловичъ:
„Ужъ поди-ка ты, любимый мой племянничекъ,
Съ нами хлѣба-соли да покушати.“
Говорить Илья имъ таковы слова:
„Гой же вы, могучіе богатыри,
Гой ты, мой любезный дядюшка!
Вы ѣдите, пьете, утѣшаетесь,
Вы во всяки игры забавляетесь,
А нашъ Кіевъ градъ во полонѣ стритъ,
Обступилъ нашъ Кіевъ градъ собака Калинь царь
Со своею силушкой великою.
Хочетъ разорить собака стольный Кіевъ градъ,
Хочетъ чернедь-мужичковъ повyrубить,
Церкви божія на дымъ пустить,
Князю солнышку да голову срубить
Со княгиней стольной со Апраксіей.
Вы сѣдлайте-ка добрыхъ коней,
Да садитесь на добрыхъ коней;
Ужъ поѣдемъ, братцы, Кіевъ градъ отстаивать,
Не для князя для Владиміра,
Не для князевой княгинушки Апракси,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ!“
Говорить ему Самсонъ Самойловичъ:
„Ай же ты, любимый мой племянничекъ,
Старый ты да Илья Муромецъ!
Самъ я не поѣду во чистое поле
Стольный Кіевъ градъ отстаивать,
И тебѣ не дамъ благословенія:
Много у Владиміра князей да ббярровъ,
Кормить онъ ихъ, побить да и жалуетъ,

Намъ же отъ него ждать нечего,
Не можемъ мы на него смотрѣть,
На его жену Аправсію,
Дали въ томъ завлятіе великое.“

„Да не для-ради князя Владиміра
И не для-ради жены его Аправсин,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ!“

Не поѣхалъ съ нимъ любимый дядюшка,
Не поѣхали могучіе богатыри.

Видитъ онъ, что дѣло имъ не по-люби,
Выходилъ одинъ да со бѣла шатра,
Бралъ добра коня за поводъ шелкъовые,
Отводилъ отъ той пшены отъ бѣлояровой,
Самъ садился на добра коня,

И поѣхалъ по раздольицу чисту полю
Ко татарской силушкѣ поганой.

А раскинулася сила по чисту полю,
Колыбается акі синѣ море,

Инь сыра земля подъ силой подгибается.

Не ясень собо́ль съ-подъ облакъ напускается

На гусей, на лебедей, на малыхъ утокъ—

Святорусскій богатырь да Илья Муромецъ

Напускается на силу на татарскую:

Заѣзжаетъ прямо во серѣдочку,

Сталъ татаровой конемъ топтать,

Сталъ поганныхъ копьемъ колоть,

Подорожною шалыгою помахивать,

Будто зелену траву косить:

Гдѣ махнетъ—тамъ силы улицы,

Гдѣ перемахнетъ—тамъ переулочекъ.

Трое сутокъ бьетъ онъ силу не ѣдаючи,

Не ѣдаючи да не пиваючи,

Со добра коня да не слѣзаючи,

Побилъ силушки ужъ бѣзъ счету,

А все будто силушки не убыло,
Самъ Илья изъ силы выбился.
Какъ вскричалъ тутъ Калинъ царь да громкимъ голосомъ
„Гой еси, удалый добрый мѳлодецъ!
Ты отсрочь-ка времени намъ трое сутокечъ.“
Отвѣчалъ ему удалый добрый мѳлодецъ:
„Не отсрочу вамъ я нисколѣшенько.“
„Ты отсрочь намъ хоть на сутки.“
И отсрочилъ имъ Илья на сутки,
Самъ поѣхалъ во чисто поле,
Разставлялъ себѣ бѣлой шатеръ,
И ложился опочивъ держать.
Услыхалъ тутъ добрый конь невзгодушеу,
Разбудилъ Илью онъ рано по утру,
Прозычился языкомъ человѣческимъ:
„Ай же ты, любезный мой хозяйшко!
Ночью мнѣ, добру коню, да мало спалося,
Мало спалося да много видѣлось:
Даль собавѣ Калину ты сутви времечка,
А его татаровья поганые
Подкопали три подкопа да глубокіихъ,
Опускали въ нихъ телѣги да ордынскія,
Становили копя мурзамецкія,
Зарывали желтыми песочками.
Станешь ѣздить ты да по чисту полю,
Станешь бить да силушку великую,
Упаду я во первой подкопъ—
Изъ подкопа самъ повыскочу,
И тебя, Ильюшеньку, повынесу;
Упаду я во другой подкопъ—
Изъ подкопа самъ повыскочу,
И тебя, Ильюшеньку, повынесу;
Упаду во третій во подкопъ—
Изъ подкопа самъ повыскочу,

А тебя, Ильюшу, ужь не вынесу.“

Какъ Ильѣ то дѣло не слюбилося,
Какъ беретъ онъ плетку во бѣлыя руки,
Бьетъ коня да по крутымъ ребрамъ,
Говоритъ коню да таковыя слова:

„Ай же ты, собачище измѣнное!

Я хожу, кормлю-пою тебя,
А ты хочешь покидать меня
Во подкопахъ во глубокихъ!“

И направилъ онъ коня да во первой подкопъ—
Добрый конь его оттолъ повыскачилъ,
И Ильюшеньку съ собой повытащилъ.
И упалъ онъ во другой подкопъ—
Добрый конь его оттолъ повыскачилъ,
И Ильюшеньку съ собой повытащилъ.
И упалъ во третій во подкопъ—
Добрый конь съ подкопа хотъ повыскачилъ,
Самого Ильюшу ужь не вытащилъ:
Соскользнулъ Ильюша со добра коня
И остался во подкопѣ во глубокомъ.
Приходили тутъ татаровья поганые,
Захватить хотятъ добра коня;
Не сдается конь имъ во бѣлыя руки,
Убѣжалъ далѣко во чисто поле.
Приходили тутъ татаровья поганые,
Подняли съ подкопа Илью Муромца,
И сковали Ильѣ ножки рѣзвыя,
И связали Ильѣ ручки бѣлыя.

Говорятъ одни татаровья:

„Поведемъ-ка мы его на смертну казнь,
Отрубить ему да буйну голову.“

Говорятъ ины татаровья:

„Не отрубимъ-ка ему мы буйной головы,
А сведемъ къ собагѣ царю Калину:

Что захочеть, то надъ нимъ и сдѣлаеть.“

Повели Ильюшу по чисту полю,
Приводили во палаткѣ полотняной,
Привели къ собакѣ царю Калину,
Становили супротивъ его,
Говорили сами таковы слова:

„Гой еси, собака ты, нашъ Калинъ царь!

Захватили мы удала добра мѳлодца
Во подвѳпахъ во глубокѳихъ,
Привели къ тебѣ, собакѣ царю Калину:
Что захочешъ, то надъ нимъ и сдѣлаешъ.“

Говорить Ильѣ собака Калинъ царь:

„Ай же ты, удалый добрый мѳлодецъ!
Напустилъ щенокъ да на большихъ собакъ!
Гдѣ тебѣ съ татаровьями справиться?
Сядь-ка ты со мной да за единый столъ,
Ѣшь-ка яствушекъ моихъ сахарныхъ,
Пей-ка питьицевъ моихъ медвяныхъ,
Одѣвай мою одежду драгоцѣнную,
Золоту казну держи по надобью;
Не служи-ка ты князю Владимѳру,
А служи-ка мнѣ, собакѣ царю Калину.“

Говорить ему на то въ отвѣтъ Илья:

„Мнѣ не сѣсть съ тобой да за единый столъ,
Мнѣ не ѣсть твоихъ да яствушекъ сахарныхъ,
Мнѣ не пить твоихъ да питьицевъ медвяныхъ,
Не носить твоей одежды драгоцѣнныя,
Не издерживать твоей да золотой казны,
Не служить тебѣ, собакѣ царю Калину;
Постою еще за стольный Кѳевъ градъ,
Постою за церкви за Господнѳя,
Постою за вдовъ, сиротъ да бѣдныхъ людюшекъ!“

Говорить ему собака Калинъ царь:

„Ай же ты, удалый добрый мѳлодецъ!

У меня, собаки, есть двѣ дочери,
Ты посватайся-ка на любѣй изъ нихъ,
Я любую за тебя замужъ отдамъ.“

Говорить Илья да не съ упадкою:
„Ай же ты, собака Калинъ царь!
Не случилось со мною сабли остря,
На твоей бы шеѣ я посватался.“

Какъ на то собака поразсѣрдился,
Приказалъ вести Ильюшу во чисто поле,
Отрубить ему да буйну голову.
Повели Ильюшу во чисто поле,
Вывели Ильюшу во раздольице,
Засвисталъ Ильюша богатырскимъ посвистомъ.
Не тропой бѣжить тутъ, не дорожкой,
Выбѣгаетъ съ поля его добрый конь,
На боку несетъ черкасское сѣдлышко,
По копытамъ бьетъ булатно стремечко.
Замахалъ Илья коню, кричить коню:

„Стой-постой-ка ты, мой добрый богатырскій конь!
Ты унесъ меня отъ двухъ смертей,
Унеси теперь отъ третіей!“

Подбѣжалъ къ Ильюшѣ его добрый конь,
Захватилъ зубами пѣтыни шелковыя,
Оборвалъ всѣ пѣтыни шелковыя,
Ручки бѣлыя освободилъ Ильѣ;
Захватилъ зубами кандалы желѣзныя,
Оборвалъ всѣ кандалы желѣзныя,
Ножки рѣзвыя освободилъ Ильѣ.
Какъ вскочилъ Илья тутъ на добра коня,
Выѣзжалъ да во чисто поле,
Тугой лукъ разрывчатый натягивалъ,
Стрѣлочку калѣную накладывалъ,
Самъ стрѣлъ да приговаривалъ:

„Ты пади, стрѣла, не на воду, не на землю,

Ты пади не въ темный лѣсъ, не во чисто поле,
Ты лети, стрѣла, да во бѣлой шатеръ,
Проломи да крышу на бѣломъ шатрѣ,
Попади, стрѣла, да на бѣлы груди
Къ моему бо дядюшкѣ любимому,
Проскользни ему да по бѣлой груди,
Сдѣлай только маленькую сцапину,
Маленькую сцапину да невеликую.
Спитъ онъ во бѣломъ шатрѣ да прохлажается,
Надъ племянничкомъ невзгодушки не вѣдаетъ.“

И спустилъ онъ стрѣлочку калѣную;
Какъ просвиснетъ стрѣлочка калѣная—
Полетѣла прямо во бѣлой шатеръ,
Сняла крышу со бѣла шатра,
Пала дядюшкѣ на бѣлу грудь,
На бѣлой груди да во злачѣный крестъ,
Проскользнула по бѣлой груди,
Сцапину дала да по бѣлой груди,
Маленькую сцапину да невеликую.
Какъ тутъ славный богатырь Самсонъ Самойловичъ
Воспрянулъ отъ сна отъ безпробуднаго,
Пораскинулъ очи ясныя:
Снята крыша со бѣла шатра,
Проскользнула стрѣлка по бѣлой груди,
Сцапину дала да невеликую.
Скоро всталъ онъ на рѣзвы ноги,
Говорить да таковы слова:

„Гой вы, славные, могучіе богатыри!
Пробуждайтесь-ка отъ сна отъ вѣрпаго,
Снаряжайте-ва своихъ добрыхъ коней,
Да садитесь на добрыхъ коней!
Мы тутъ спимъ да прохлажаемся,
А не вѣдаемъ невзгоды надъ Ильюшенькой,
Надъ моимъ племянничкомъ любимымъ:

Прилетѣлъ мнѣ отъ него подарочекъ
Нелюбимый да непрошенный:
Долетѣла стрѣлочка калѣная
Сняла крышу со бѣла шатра,
Сцапинку дала мнѣ по бѣлой груди,
Маленькую сцапинку да невеликую:
Погодился мнѣ, Самсону, крестъ на воротѣ,
Крестъ на воротѣ шести пудовъ;
Не было бѣ креста на воротѣ,
Оторвала бы мнѣ буйну голову.“

Возставали на рѣзвѣ ноги богатыри,
Выходили со шатра долой,
Начали сѣдлатъ добрыхъ коней,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали:
Стала мать-сыра земля продрагивать.
Смотрить тутъ удалый Илья Муромецъ
Со горы высокой въ широкое поле:
Не туманъ во полѣ поднимается—
Ѣдетъ тамъ одиннадцать богатырей,
Впереди двѣнадцатый—Самсонъ Самойловичъ.
И обликнулъ Илья Муромецъ богатырей:

„Гой вы, братія моя названая,
Дядюшка любимый мой Самсонъ Самойловичъ!
Поѣзжайте-ка правой рукой,
Самъ поѣду я лѣвой рукой,
Не уступимъ силы мы съ чиста поля,
Съ двухъ сторонушекъ порубимъ до одинаго.“

Заѣзжали тутъ богатыри правой рукой,
Заѣзжалъ онъ самъ лѣвой рукой,
Разгорѣлися сердца ихъ богатырскія,
Расходились жилы богатырскія,
Стали бить-рубить они татаровей,
Стали прижимать ихъ съ двухъ сторонушекъ.
О тѣла поганья татарскія

Иступились сабли острыя,
Расщепились копыта долгомѣрныя,
Изломались палицы тяжелыя.
Захватилъ Шля тутъ за ноги татарина,
Сталъ кругомъ татаринномъ помахивать:
Гдѣ махнетъ—тамъ улицы татаровой,
Отмахнется—съ переулками,
Самъ татарину да приговаривалъ:
„А и брѣпнокъ же татаринъ—не изломится,
А и жиловать собака—не изорвется!“
Только то словечко вымолвилъ—
Оторвалась голова татарская,
Угодила голова по силѣ вдоль,
Бьетъ и ломитъ ихъ, въ конѣцъ губить;
Достальные на побѣгъ пошли,
Сами говорятъ да заклинаются:
„А не дай намъ Богъ видать русскіхъ людей!
Неужто всѣ таковы во Кіевѣ,
Что одинъ да побилъ всѣхъ татаровой?“
А собака сударь Калинъ царь
Спитъ въ своей палаткѣ полотняной,
На кроваткѣ-дѣрогѣ рыбій зубъ,
Да подъ одѣяльцемъ соболинымъ,
Спитъ, собака, прохлаждается,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ.
Какъ наѣхалъ тутъ къ палаткѣ Шля Муромецъ,
Ухватилъ собаку за желтыя кудри,
Выдернулъ съ кроватки-рыбій зубъ,
Выдернулъ съ кармана плетъ шелковую,
Началъ бить его, собаку, чествовать.
Самъ ему да приговаривать:
„Вотъ тебѣ, безбожный Калинъ царь,
Со божьихъ церквей чудныя кресты,
Во церквахъ да стойлы лошадинныя!

ДУВ. НАС ВТОРОМЪ И СЛАНЪ ВАР.

Стр. 186.

„А и вѣрнее же татаринъ—не излюится,
А и жловать собака—не изорвется!“
Только то словечко вымолвить—
Огладѣваетъ вѣрова татарская

1. The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions and activities. It emphasizes that proper record-keeping is essential for transparency and accountability, particularly in the context of public administration and government operations. The text notes that without reliable records, it becomes difficult to track progress, identify inefficiencies, and ensure that resources are being used effectively.

2. The second part of the document addresses the challenges associated with data collection and analysis. It highlights that while modern technology offers powerful tools for gathering and processing information, the quality and consistency of the data can vary significantly. The document suggests that organizations should invest in training and infrastructure to ensure that data is collected systematically and analyzed using standardized methods. This approach helps to minimize errors and ensures that the insights derived from the data are valid and actionable.

3. The third part of the document focuses on the role of leadership in driving organizational success. It argues that effective leaders are those who can inspire and motivate their teams, set clear goals, and provide the necessary support and resources. The text also discusses the importance of communication, noting that leaders must be able to convey their vision and expectations clearly to all levels of the organization. Furthermore, it emphasizes the need for leaders to be adaptable and responsive to changing circumstances, as the ability to pivot and adjust strategy is crucial in today's fast-paced and uncertain environment.

4. The fourth part of the document explores the concept of innovation and its impact on business and society. It defines innovation as the process of developing new ideas, products, or services that create value. The document notes that innovation is not just about technological advancement but also about finding creative solutions to complex problems. It encourages organizations to foster a culture of innovation by encouraging employees to think outside the box, experiment with new ideas, and learn from failures. The text also discusses the ethical implications of innovation, particularly in the context of artificial intelligence and data privacy, and stresses the importance of ensuring that new technologies are developed and used responsibly.

5. The fifth part of the document discusses the importance of sustainability and social responsibility in the modern business landscape. It defines sustainability as the ability to meet the needs of the present without compromising the ability of future generations to meet their own needs. The document notes that businesses have a responsibility not only to their shareholders but also to their employees, customers, and the broader community. It encourages organizations to adopt sustainable practices, such as reducing waste, conserving energy, and supporting social causes, as these actions can enhance their reputation and long-term viability. The text also discusses the role of government and regulatory bodies in promoting sustainability and social responsibility, and the importance of collaboration between all stakeholders to address global challenges.

Вотъ тебѣ распаханныя улицы,
Вычищенные дворы да богатырскіе,
Поумытыя палаты бѣлокаменны!
Вотъ тебѣ хмѣльные, сладкіе напитокки
Со твоею силушкой великою!
А теперь поѣдемъ-ка во стольный Кіевъ градъ
Къ ласковому князю ко Владиміру.“

И повезъ Илья собаку царя Калина
Въ Кіевъ градъ ко князю ко Владиміру,
И привелъ его въ палату бѣлокаменну
Передъ ласковаго князя солнышка.
А Владиміръ князь встрѣчалъ богатырей,
Принималъ со честью-почестью,
Билъ челомъ съ усердемъ всѣмъ богатырямъ,
Ильѣ Муромцу изъ всѣхъ въ особину:

„Благодарствуйте, могучіе богатыри,
Благодарствуешь ты, старый Илья Муромецъ,
Что избавили насъ отъ бѣды великія,
Отъ напасти отъ напрасныя!
Будьте вы впередъ за Кіевъ обстоятели,
Ото всѣхъ сторонъ оберегатели.

Какъ за то я васъ пожалую,
Какъ пожалую васъ златомъ-сѣребромъ,
Какъ пожалую васъ платьемъ цвѣтнымъ;
Или надо городá вамъ съ пригородками,
Или надо сѣла вамъ съ присѣлками,
Или надо вамъ деревни со крестьянами?“

Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:

„Ничего мнѣ, старому, не надобно.“

Какъ тутъ всѣхъ другихъ богатырей
Солнышко Владиміръ жалуетъ:
Какъ даетъ имъ городá да съ пригородками,
Какъ даетъ имъ сѣла да съ присѣлками,

Какъ даетъ имъ золоту казну безсчетную,
 Какъ даетъ имъ платья цвѣтныя,
 Обѣщаетъ при себѣ ихъ во чести держать.
 И велитъ онъ всѣ царевы кабаки раскрыть,
 Чтобы весь народъ пилъ зеленое вино;
 Кто не хочетъ зеленая вина,
 Тотъ бы пилъ все пива пьянаго;
 Кто не хочетъ пива пьянаго
 Тотъ бы пилъ медовъ стоялыхъ— (60)
 Чтобы всѣ да веселился.
 И заводитъ онъ великъ почестень пиръ
 На своихъ князей, на бояровъ
 Да на всѣхъ могучихъ богатырей;
 И беретъ онъ за бѣлыя руки
 Ту собаку царя Калина,
 Садитъ также за столы дубовые,
 Кормитъ яствушкой сахарною,
 Пойтъ пштыцемъ медвянымъ;
 А собака бьетъ челомъ ему:

„Ай же ты, Владиміръ князь да стольно-кіевскій!
 Не сруби-ка ты мнѣ буйной головы!
 Напишу съ тобой я записи великія,
 Буду я платить отъ вѣку до вѣку,
 Дани-выходы тебѣ, князю Владиміру.“

Скоро тутъ домой онъ убирается,
 Убирается, собака, не съ прибытками,
 Не съ прибытками, а со убытками.
 Со убытками, со страмотою вѣчною.
 Тутъ ему, собакѣ, и славу поють.

* *
*

Что ни лучше богатыри—во Кіевѣ,
 Золотая казна—во Черниговѣ.

Боловольный звонъ — во Новѣ-городѣ,
Темны лѣсушки — Смоленскіе,
Горы-долы — Сорочинскіе,
А чисты поля — ко Ерусѡлиму.
Здуинай-най-най!
Болѣ пѣть впередѣ не знай.

БЫЛИНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

ЧУРИЛА ПЛЁНКОВИЧЪ.

Бласлови-ка, хозяинъ, бласлови, государь,
Старину намъ сказать стародавнюю,
Хорошо сказать, да лучше слушати,
Про младáго Чурилу сына Плёнковича! (61)

* *
*

Въ стольномъ городѣ было во Кіевѣ
Да у ласкова князя у Владиміра
Заводился хорошъ да почѣстенъ пирь
На многѣхъ князей да на бѣяровъ,
На всѣхъ русскіихъ могучіихъ богатырей
Да на всѣхъ на поленицъ удалыхъ.
Дологъ день идетъ ко вечеру,
А почѣстенъ пирь идетъ ко веселу.
Всѣ на пиру пьяны-веселы,
Самъ государь распотѣшился,
Выходилъ на крылечко на перѣное,
Зрѣлъ-смотрѣлъ въ поле чистое.
Какъ изъ дѣлеча-дѣлеча поля чистаго
Тутъ толпа мужичковъ появилась,
Все-то мужички-рыболовщички,
А и всѣ-то избиты-изранены,

Булавами головы пробиваны,
Кушавами буйныя завязаны;
Кланяются князю, поклоняются,
Бьютъ челомъ, жалобу творять:
„Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!
Дай, государь, намъ праведный судъ,
Дай на Чурилу сына Пленковича.
Вздили мы по рѣкамъ-озерамъ,
На твое на счастье княженецкое
Ни единой рыбки изловить не могли.
Появились люди невѣдомые,
Шёлковы неводы замѣтывали,
Камешки у сѣтокъ-то серебряныя,
Поплавочки на сѣткахъ позолоченныя:
Бѣлую рыбицу повѣпугали,
Щуку, карасей повѣловили,
Мелкую рыбицу повѣдавили.
Намъ, государь-свѣтъ, улову нѣтъ,
Вамъ со княгиней свѣжа куса нѣтъ,
Намъ отъ васъ нѣту жалованья.
Жены, дѣти наши осиротѣли,
По міру пошли скитаться,
Насъ самихъ избилы-изранили.
Скажутся-называются
Все они дружиною Чуриловою.“
Та толпа со двора не сошла,
Новая съ поля появилась,
Все мужичьи-птицеловчички,
А и всѣ-то избиты-изранены,
Булавами головы пробиваны,
Кушавами буйныя завязаны;
Кланяются князю, поклоняются,
Бьютъ челомъ, жалобу творять:
„Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!

Дай, государь, намъ праведный судъ,
Дай на Чурилу сына Плѣнковича.
Ѣздили мы по тихимъ заводамъ,
На твое на счастье княженецкое
Ни единой птички не высмотрѣли.
Появились люди невѣдомые,
Всѣхъ ясныхъ соколовъ повѣхватали,
Всѣхъ гусей-лебедей повѣловили,
Всѣхъ сѣрыхъ утушекъ повѣстрѣляли.
Намъ, государь-свѣтъ, улову нѣтъ,
Вамъ со княгиней свѣжа куса нѣтъ,
Намъ отъ васъ нѣту жалованья.
Жены, дѣти наши осиротѣли,
По міру пошли скитатися,
Насъ самихъ избилы-изранили.
Скажутся-называются

Все они дружиною Чуриловою.“

Та толпа со двора не сошла,
Новая съ поля появилась,
Все мужички-звѣроловщички,
А и всѣ-то избиты-изранены,
Булавами головы пробиваны,
Кушаками буйныя завязаны;
Кланяются князю, поклоняются,
Бьютъ челомъ, жалобу творять:
„Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!

Дай, государь, намъ праведный судъ,
Дай на Чурилу сына Плѣнковича.
Ѣздили мы по темнымъ лѣсамъ,
На твоемъ государевомъ на займищѣ
На твое на счастье княженецкое
Никакого звѣря не наѣзживали.
Появились люди невѣдомые,
Шёлковы тѣнета протягивали,

Кунку да лиску повѣловили,
Чёрнаго соболя повѣдавили,
Туровъ, оленей повѣстрѣляли.
Намъ, государь-свѣтъ, улову нѣтъ,
Вамъ со княгиней свѣжа куса нѣтъ,
Намъ отъ васъ нѣту жалованья.
Жены, дѣти наши осиротѣли,
По міру пошли сѣтатися,
Насъ самихъ избили-изранили.
Скажутся-называются
Все они дружиною Чуриловою.“

Воспроговорить тутъ ласковый Владиміръ князь:

„Гой вы, князья мои да ббяре,
Сильные, могучіе богатыри!
Кто это Чурила есть таковъ?
Какъ не знаю я Чуриловой посѣлицы,
Какъ не знаю, гдѣ Чурила и дворомъ стоитъ.“

Выступалъ изъ-за столовъ овольныхъ
Старый Бермята сынъ Васильевичъ:

„Я, государь-свѣтъ, Владиміръ князь,
Знаю Чурилову посѣлицы,
Знаю, гдѣ Чурила и дворомъ стоитъ.
Какъ не здѣсь живетъ Чурила, не во Кіевѣ,
Какъ живетъ онъ да пониже Мала Кіевца.
Дворъ у Чурилы на семи верстахъ,
Около двора булатный тынъ,
Вѣрхи на тѣчингахъ точёные,
Каждая со маёвовой-жемчужиньей;
Подворотня—дорогъ рыбій зубъ,
Надъ воротами иконъ до семидесяти;
Среди двора теремá стоятъ,
Теремá все златоверховатые;
Первыя ворота—вальящетыя,
Среднія ворота—стекольчатые,

Третіи ворота—рѣшетчатыя.“

Скоро тутъ Владиміръ князь съ княгинею
 Въ путь поднимается, поѣздку чинить:
 Хочетъ на Чуриловъ на дворъ поглядѣть.
 Взялъ съ собой, чтобы путь показать,
 Старога Бермяту Васильевича,
 Взялъ всѣхъ князей своихъ да бояровъ,
 Взялъ еще любимаго подручника
 Старога удѣла Илью Муромца,
 Съ нимъ младѣ Добрынюшку Нивитича;
 Всѣхъ собралось ихъ пятьсотъ человѣкъ,
 Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
 Ко Чурилову двору за Малый Кіевецъ.

Подъѣзжаетъ князь ко Чурилову двору,
 Говорить, головой повачиваетъ:

„А и право же такъ, не прогали мнѣ.“

Какъ изъ тѣхъ изъ теремовъ высокѣихъ
 Выходилъ тутъ старъ матѣрь человѣкъ;
 Шуба-то на старомъ соболиная,
 Подъ дорогимъ зеленымъ стѣметомъ,
 Петельки на шубѣ семи шелвовъ,
 Пуговки все вальящетыя,
 Литый вальякъ-то красна золота.
 Отворяетъ князю со княгинею
 Первыя ворота вальящетыя,
 Князьямъ-боярамъ—среднія стекольчатыя,
 Малымъ людямъ—третьи рѣшетчатыя,
 Самъ говоритъ таковыя слова:

„Здравствуешь, князь со княгинею!

А пожалуй-ка ты къ намъ во высобѣ терѣмъ
 Хлѣба да соли покушати,
 Бѣлаго лебеда порушати.“

Говорить ему ласковый Владиміръ князь:

„Ай же ты, старъ матѣрь человѣкъ!

Какъ не знаю тебѣ, старому, я имени,
Какъ не знаю тебѣ, старому, отечества.“

Говорить ему старъ матёръ человекъ:

„А я Плёнко, гость Сурóжанинъ, (62)

А и есть вѣдь я Чуриловъ батюшка.“

И пошелъ Владиміръ во высóкъ терёмъ,
Ходить по терему—дивуется,
Хорошо тамъ все изукрашено:
Поль-середá одногó серебрá,
Печки-то все муравленья,
Пóдки у печекъ серебряныя,
Нá стѣны сѹвна набіваны,
Нá сукна стѣкла набіваны,
А потолокъ красна золота,
Вся луна небесная повѣведена:
Солнце нá небѣ—солнце и въ теремѣ,
Мѣсяць нá небѣ—мѣсяць и въ теремѣ,
Звѣзды нá небѣ—звѣзды и въ теремѣ,
Пó небу звѣздочка покатится—
Въ теремѣ звѣздочки посыплются;
Все по небесному въ теремѣ,
А и всякая краса несказáная.

Сѣли за столы за убраные,
Пьютъ всѣ, ѣдятъ, потѣшаются,
Столъ у нихъ идетъ о полú-столѣ,
Пиръ у нихъ идетъ о полú-пиру;
День на дворѣ вечеряется,
Красное солнце закатáется;
Всѣ-то ужъ они безъ памяти сидятъ,
Солнышко князь свѣтель-радошень,
Вскрылъ немножечко окошечко,
Зрѣль-смотрѣль въ поле чистое.
Какъ изъ дáлеча-далéча поля чистаго
Тутъ толпа молодцóвъ появилась,

Молодцѣвъ-то болѣе тысячи:
Кѣни подѣ ними одношерстныя,
Узды на кѣняхъ одноѣдныя,
Сѣдла на всѣхъ шиты золотомъ;
Сами молодцѣи-то одноличныя,
Платье-то на всѣхъ скурлатъ-сукна,
Всѣ подпоясаны истѣченьками,
Шапки на всѣхъ черны мѣрманки,
Черны мѣрманки-золотѣ вершеи;
А на ножвахъ сапожки-зелѣнѣ сафьянѣ,
Нѣсы-то шиломъ, пяты востры,
Кругѣ носѣвъ-носовѣ хотѣ яйцомѣ провати,
Подѣ пятѣ-пятѣ воробей пролети,
Воробей пролети, перепархивай.
Молодцѣи на коняхъ какѣ свѣчи горятъ,
Кѣни подѣ ними какѣ собола летятѣ.
Среди всѣхъ ѣдетѣ купавѣ молодѣцѣ,
Купавѣ молодѣцѣ да краше всѣхъ:
Кудри у мѣлодца дугой золотой,
Шея у мѣлодца какѣ бѣлый снѣгѣ,
Личико у мѣлодца какѣ маковѣ цвѣтъ,
Очи какѣ у ясна собола,
Брови какѣ у чѣрна собола;
Впереди его скороходы бѣгутѣ,
Передѣ нимѣ отѣ солнца подсолнечникѣ несутѣ,
Чтобѣ не запыло ему бѣла лица;
Самѣ онѣ ѣдетѣ на трехъ лошадахъ,
Сѣ лошади на лошадѣ перескакиваетѣ,
Изѣ сѣдла въ сѣдло перемакиваетѣ,
Шапочки у мѣлодцевѣ подхватываетѣ,
На головушки мѣлодцамѣ покладываетѣ.
Какѣ Владимѣръ князь тутѣ исполбался,
Говоритѣ старику да таковѣ слова:
„Ай же ты, Пленчище Сурѣжанинѣ!

Чья это сила появилась?
То не царь ли какой со своей ордой
На меня, Владимира, идетъ войной,
Во полонъ меня взять собирается?"

Усмѣхается Пленчище Сурожанинъ:

„Не пужайся, государь, не полбшайся!
То не царь со ордой идетъ войной,
То съ дружиной ѣдетъ сынишко мой,
Молодой Чурилушка Пленковичъ.“

Выходилъ тутъ Пленчище Сурожанинъ
На то заднее брылѣчко на перѣное,
Говорить Чурилѣ таковѣ слова:

„Ай же ты, сынокъ мой Чурилченко!
Есть у тебя любимый гость,
Солнышко Владиміръ стольно-киевскій:
Чѣмъ будешь гостя ты подчивати,
Чѣмъ будешь гостя ты жаловати?"

Бралъ тутъ Чурила золотыя влючи,
Заходилъ Чурила во глубокъ погрѣбъ,
Отмыкалъ Чурила кованы ларцы,
Бралъ оттуда шубу соболиную,
Дорогаго соболя заморскаго,
Подъ дорогимъ заморскимъ стѣметомъ—
Подарить имъ солнышка Владимира;
Бралъ еще камбѣчу хрущатую—
Подарить княгиню Апраксию;
Бралъ куницъ, лисицъ, бѣлыхъ зайцевъ—
Подарить князей да бояровъ,
Бралъ несмѣтно золотой казны—
Подарить дружинѣ княженецѣю.

Принималъ Владиміръ князь подарочекъ,
Самъ говоритъ таковѣ слова:

„Ай же ты, Чурилушка сынъ Пленковичъ!

Много на тебя было просителей
Болѣе того да челомъ-бѣтчиковъ,
А теперъ того больше благодателей,
И не дамъ я теперъ суда на тебя.
Не долѣветъ тебѣ жить за Кіевцемъ,
А долѣветъ тебѣ жить во Кіевѣ.
Ужь пойдѣ-ка ко мнѣ ты въ стольники,
Въ стольники ко мнѣ да въ чашники?*

Кто отъ бѣды откупается—

А Чурила на бѣду нарывається:
Онъ идетъ ко князю въ стольники,
Въ стольники идетъ да въ чашники.

Какъ прѣхали ужó во Кіевъ градъ,
Свѣтъ-государь Владиміръ князь
На хорошаго новаго стольника
Заводилъ хорошъ да почѣстенъ пиръ.
Молодой Чурила сынъ Пленковичъ
Ходитъ да ставитъ дубовы столы,
Жѣлтыми бѣдрями потряхиваетъ—
Жѣлтые бѣдри разсыпаются,
Что свачѣнъ жемчугъ раскатается.

Рушала княгиня Апраксія
Бѣлое мясо лебединое—
Заглядѣлась на Чурилу сына Пленковича,
Бѣлу ручушку себѣ порѣзала,
Со стыда подъ стóль руку свѣсила,
Говоритъ сама таковы слова:

Свѣтъ-государь мой, Владиміръ князь!

А не быть бы Чурилушкѣ въ стольникахъ,
А не быть бы Чурилушкѣ въ чашникахъ:
На красу на Чурилову гляючи,
На его на бѣдрышки жѣлтые,
На его на перстни золочѣные.

Бѣлу руку я себѣ порѣзала,
Помѣшался разумъ во буйной головѣ,
Помутился свѣтъ въ ясныхъ очушеяхъ.“

Говорить княгинѣ Владимірь князь:

„Богъ тебя суди, что въ любовь мнѣ пришла!
Кабы ты, княгиня, не въ любовь мнѣ пришла,
По плечъ бы тебѣ голову срубилъ.
Ай же ты, Чурила сынъ Пленковичъ!
А не быть же тебѣ у насъ въ стольникахъ,
А не быть же тебѣ у насъ въ чашникахъ:
Быть тебѣ во ласковыхъ зазывателяхъ,
Зазывать мнѣ гостей во почѣстенъ пирь.“

Того дѣла Чурила, не пятится,
Отдалъ поклонъ да и вонъ пошелъ.
А поутру встаетъ ранѣхонько,
Умывается водущею бѣлѣхонько,
Одѣвается самъ хорошехонько.
Какъ нѣ бѣлый тутъ заюшка проскакиваетъ,
Не мелкіе слѣдочки промѣтываетъ—
Чурила изъ сапожковъ-зеленъ сафьянъ
Серебряны гвоздочки выраниваетъ;
Рябяти по слѣдочкамъ прохаживаютъ,
Серебряны гвоздочки нахаживаютъ.
Ходить Чурилушка по Киеву,
Улицами ходить, переулками,
Князей зазываетъ со княгинями,
Бояровъ скликаетъ со боярынями,
Желтыми кудрами самъ потряхиваетъ—
Желтые кудри рассыпаются,
Что сваченъ жемчугъ раскатается.
Заглядѣлися всѣ люди на Чурилушку:
Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещать,
Гдѣ молодушки глядятъ—овонницы звенять,

А старыя старухи востыли грызуть,
Все гляючи на молода Чурилушву.
Съ той поры Чурилу въ старинахъ поемъ,
Вѣкъ будемъ пѣть его и дѣ вѣву.

БЫЛИНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЪ. (63)

Какъ во той во Индіи богатой
Да во той во Галичи провлятой
Не ковыль-трава по вѣтру колыхается,
Да не бѣлая березка погибается—
Сынъ со рѣдной матушкой прощается,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановицъ
Со честной вдовой Мамельфой Тимоѳеевной,
Понизѣшенько ей поклоняется,
Желтыми кудрями до сырѣй земли:

„Свѣтъ мой, государыня родитель-матушка,
Ты честна вдова, Мамельфа Тимоѳеевна!
Дай-ка мнѣ прощеньице-благословеньице
Съѣздить въ славный стольный Кіевъ градъ.
У меня во всѣхъ градахъ побывано,
Всѣхъ князей да перевидано,
Всѣмъ княгинямъ да послужено—
Во одномъ во градѣ Кіевѣ не бывано,
Одного князя Владиміра не видано,
Да одной его княгинюшкѣ не служено;
А вѣдь скажутъ: Кіевъ градъ въ чести, въ добрѣ.“

Отвѣчаетъ Дюку рѣдна матушка,
Рѣдна матушка Мамельфа Тимоѳеевна:
„Свѣтъ мой, чадочко мое любимое,

Молодой бояринъ Дюбушка Степановичъ!
 Нѣтъ тебѣ прощеньица-благословеньица
 Съѣздить въ славный стольный Кіевъ градъ.
 Не бывать тебѣ во градъ Кіевъ,
 Не видать тебѣ князя Владиміра,
 Не служить тебѣ его княгинюшеѣ:
 Вѣдь до славнаго до града Кіева
 Три стойтъ заставушки великіихъ:
 Первая застава—горушки толкучія,
 А другá застава—птицы поклевушія,
 Третія застава—змѣи поѣдучія.
 Тутъ тебѣ ли, Дюку, не пробхати,
 Молодому живу не бывать.“

Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„Ай же ты, моя родитель-матушка!
 Ты меня тѣмъ не угроживай.
 Дашь прощеньица—поѣду я,
 А не дашь прощенья—все поѣду я.“

„Ай же, дитятко мое ты милое,
 Молодой ты Дюбушка Степановичъ!
 Богъ тебя простить, Господь помилуетъ.
 Уродилося ты, дитятко, заносливо,
 Уродилося заносливо, захвастливо:
 Ты расхвастаешься животішвами,
 Животішвами сиротскими, вдовиными;
 А во Кіевѣ-то люди все лукавые,
 Изведутъ тебя вѣдь не за денежку.“

Какъ пошелъ тутъ Дюкъ Степановичъ
 На свою конюшню на стоялую,
 Изъ ста добрыхъ коней, изъ тысячи
 Выбиралъ жеребчика неѣзжена,
 Мала бурушку-кавурушку косматаго.
 Шорсточка у бурушки-то трѣхъ падей,
 Грива у кавурушки-то трехъ локтей,

Краснымъ золотомъ повѣта, изукрашена,
Хвостъ до самой до сырѣи земли,
Застилаеть, заметаеть слѣды конскіе.
Выводилъ бурка́ бояринъ на широкой дворъ,
Да каталь-валяль его въ росѣ вечерней, ⁽⁶⁴⁾
Расчесалъ гребенной-дорогъ рыбий зубъ,
Наложилъ попону пестрядиную,
Въ три ли стрѣки стрѣчену да тѣчену:
Первая строка-то чиста сѣребра,
Средняя строка-то красна золота,
Третія строка-то скатна жемчугу.
Да не тѣмъ попона дорогá была,
Что въ три стрѣки стрѣчена да тѣчена,
Тѣмъ попона дорогá была,
Что ладами всякими выплѣтана,
Да и тѣмъ еще ли дорогá была—
Вплѣтано въ нее по камню яхонту,
По драгому камню самоцвѣтному:
Отъ камней лучи пекутъ да солнѣчные,
Чтобы днемъ и ночью видно было ѣхати.
Полагалъ, еще бояринъ подсѣдельники,
Клалъ снарядное сѣдлышко черкасское,
Уздицу и поводá съ нацвѣтами;
Подпрягалъ двѣнадцать подпруговъ семи шелковъ,
Подтянулъ еще тринадцату продольную—
Да не для-радѣ красы-басы угожества,
Для-радѣ уврѣпы богатырскія;
Втягивалъ въ нихъ пряжечки серебряны,
Вдергивалъ въ нихъ иглы золочѣныя,
Тороки великіе подвязывалъ,
Нагружалъ въ нихъ золотой казны,
Золотой казны да платья цвѣтнаго;
Подводилъ коня къ крыльцу перѣному,
Что къ крыльцу перѣному, къ столбу тѣченому,

Что въ столбу точёному, въ колечку золочёному,
Отошелъ самъ отъ коня—дивуется:

„Али добрый конь ты, али лютый звѣрь—
Изъ-подъ славнаго наряда не увидѣти.“

Видѣли еще, какъ на коня вскочилъ,
А не видѣли поѣздки молодецкія,
Только въ полѣ кудельба стоитъ—
Конь стрѣлой подъ Дюкомъ въ перелѣтъ летитъ.
Ко первой заставушкѣ прискакивалъ,
Ко тѣмъ горушкамъ толкучимъ:
Горы вмѣстѣ стóлкнулись-растóлкнулись,
Не поспѣли снова стóлкнуться—
Бурушка-кавурушка проскакивалъ,
Маленькій косматенькій провѣртывалъ.
Ко другой заставушкѣ прискакивалъ,
Ко тѣмъ птицамъ поклевучимъ:
Не поспѣли птицы крыльцевъ расправити—
Бурушка-кавурушка проскакивалъ,
Маленькій косматенькій провѣртывалъ.
Къ третьей ко заставушкѣ прискакивалъ,
Ко тѣмъ змѣямъ поѣдучимъ:
Не поспѣли змѣи хоботóвъ расправити—
Бурушка-кавурушка проскакивалъ,
Маленькій косматенькій провѣртывалъ.
Съ холма на холмъ, съ горы на гору,
Рѣки да озѣра перескакивалъ,
Широкой раздолья промежъ ногъ спускалъ,
Въ славный Кіевъ градъ прискакивалъ.

Проѣзжаетъ Дюкъ тутъ на широкой дворъ
Къ ласковому солнышу Владимиру,
Привязалъ коня къ столбу точёному,
Ко колечку золочёному,
Заходилъ въ палаты бѣлокаменны,
Приходилъ во гридню во столовую.

А сидитъ тутъ молода Апраксія,
Стольная княгиня княженецкая.

Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„Здравствуешь ты, портомойница!“

Какъ то слово ей не показалось;

Говоритъ княгиня стольная Апраксія:

„Что ты, деревенщина-засельщина,

Рѣчи говоришь мнѣ неумильныя,

Стольную княгиню княженецкую

Называешь портомойницей!“

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ

Головой качаетъ, самъ отвѣтъ держать:

„Гой еси ты, молода княгинюшка!

За то слово на меня ты не прогнѣвайся:

Какъ у насъ во Индіи богатой

Да во той во Галичи проклятой,

У моей у рѣдной матушки,

Въ экомъ платьѣ ходятъ портомойницы.

А и гдѣ же самъ Владиміръ стольно-кѣвскій,

Бить челомъ бы солнышку да поклониться?“

„Онъ ушелъ во церковь во соборную,

Господу ли Богу помолиться,

Ко Господнему кресту ли приложиться.“

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ

Выходилъ на улицу широкую,

Прямо шелъ во церковь во соборную;

Крестъ кладетъ тутъ по писаному,

И поклонъ ведетъ да по учёному,

Желтыми вудрами до сырой земли,

Да не столько Господу молился онъ,

Да не столько образамъ клонился онъ,

Сколько съ ноженьки на ноженьку постукивалъ,

Съ плечика на плечико поглядывалъ,

Самъ губами-то почамкивалъ;

На Владиміра ли взглянетъ князя солнышка —
Повачаетъ лишь головушкой,
На князей, на бояровъ оглянется —
Поведетъ плечомъ лишь да рукой махнетъ.
А стояли около Владиміра:
По праву руку Добрынюшка Нивитичъ младъ,
По лѣву руку Чурилушка сынъ Плѣнковичъ.
Отошла обѣдня воскресенская,
Сталь Владиміръ князь боярина выпрашивать:
„Ты отколъ, скажи, удалый добрый мѡлодецъ?
Ты коѣй земли, коѣй орды?
Какъ тебя, скажи, назвать по имени,
Величати по отечеству?“
Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„Ай же ты, Владиміръ стольно-кѣвскій!
Я изъ той изъ Индіи богатая
Да изъ той изъ Галичи проклятая,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.“
„А давно ли ты, бояринъ, къ намъ повиѣхалъ?“
„Дома я стоялъ заутреню,
А во Кіевъ градъ поспѣлъ къ обѣденю.“
Говоритъ Чурилушка сынъ Плѣнковичъ:
„Гой еси ты, нашъ Владиміръ князь!
Во глазахъ мужикъ вѣдь подлыгается,
Во глазахъ собака насмѣхается!
Повороты у него не Дюковы,
Поговорушка не Дюкова,
А долгонъ онъ быть холопина боярская,
Князя, знать, убилъ, либо боярина,
Платя цвѣтныя содралъ съ него:
У обѣдни Богу не молился онъ,
Все вокругъ посматривалъ, поглядывалъ,
Все свою одѣженьку оглядывалъ:
Видно, цвѣтныхъ платьевъ вѣкъ не нашивалъ.“

Говорить бояринъ Дюеъ Степановичъ:

„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
Сказывали, Кіевъ градъ въ честі, въ добрѣ,
А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
Въ вашей церкви во соборной
Просто-за-просто да пусто-за-пусто,
Противъ нашей и десятой доли нѣтъ;
Платя у тебя, у князя солнышка,
У твоихъ князей да бѣяровъ,
Какъ у насъ у самыхъ бѣдныхъ.“

Зазывалъ тутъ молода боярина
Князь Владиміръ во почѣстенъ пиръ,
Выходили вмѣстѣ съ церкви божіей
Да пошли по городу по Кіеву.
Какъ тутъ пали дождички великіе,
Сдѣлалися улочки да грязныя.
Молодой бояринъ Дюеъ Степановичъ
Шель да на сапожки все поглядывалъ.
Говорить Чурилушка сынъ Пленковичъ:

„И доподлинно холопина боярская,
Деревенщина да пустохвастина:
На свои сапожки не посмотрится,
Вѣеъ такихъ сапожекъ, знать, не держивалъ.“

Говорить бояринъ Дюеъ Степановичъ:

„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
Сказывали, Кіевъ градъ въ честі, въ добрѣ,
А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
Насланы мостѣчки кирпичныя,
Сыпаны песочки рудожелтыя,
Да положены порученья каліновы;
Какъ тутъ пали дождички великіе,
Измочилися песочки рудожелтыя—
Призабрызгалъ я сапожки-то зелѣнь сафьянъ.
У моей у рѣдной матушки

Стланы все мосточии дубовые,
 Пóверху—суко́нца одинцо́выя,
 Да положены порученьки серебряны—
 Какъ пойдешь по тѣмъ мосточикамъ дубовымъ
 Да о тѣ порученьки серебряны,
 Тутъ сапожки идя только чистятся,
 Рудожелтой грязью не забрызжатыся.“

Пріѣзжали ко ворóтамъ княженецкіимъ;
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Головой качаль, самъ проговариваль:
 „Сказывали, Кіевъ градъ въ честі, въ добрѣ,
 А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
 У моей у рóдной матушки
 Надъ ворóтами иконъ-то будетъ семьдесятъ,
 Да и всѣ иконы въ золотѣ,
 А у васъ здѣсь и десятеа нѣтъ!“

Заѣзжали на широкій княженецкій дворъ;
 Ко столбу стоитъ привязанъ Дюковъ добрый конь.
 Головой качаетъ Дюкъ Степановичъ:

„Сказывали, Кіевъ градъ въ честі, въ добрѣ,
 А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
 У моей у рóдной матушки
 На дворѣ стоятъ столбы серебряны,
 Въ нихъ продѣрнуты колечки чиста золота,
 Поразставлена сыта медвѣная,
 Понасыпана пшена да бѣлоярова—
 Есть добрымъ конямъ что пить да кушати.
 А у васъ здѣсь брошено овсишка зѣблага.
 Ай же ты, мой бурушка-кавурушка!
 Ты помрешь здѣсь, бѣдный конь мой, съ голоду:
 Во своемъ во городѣ во Галичѣ
 Ты не кушаль и пшены-то бѣлояровой!“

Заходили во палаты бѣлоаменны,
 Проводили гостя въ гридню свѣтлую,

Становили столики дубовые,
Накрывали скатерти шелковыя,
Становили яствица сахарныя,
Разводили питьица медовыя,
Да садили гостя во большо мѣсто,
Во большо мѣсто да во большомъ углу,
Почитали гостя за гостя.
За столомъ сидятъ всѣ, пьютъ да кушаютъ,
Пьютъ да кушаютъ, а сами слушаютъ.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
За столомъ сидитъ, въ окно глядитъ,
Все качаетъ лишь головушкой;
Со стола крупитчатый калачъ возьметъ,
Верхню корочку повырѣжетъ, на столъ владеть,
Мякишевъ-серѣдеу скушаетъ,
Нижню корочку подъ столъ мечётъ.
Увидалъ то солнышко Владиміръ князь:
„Что же ты, бояринъ, чванишься?
Верхню корочку на столъ владѣшь,
Нижню корочку подъ столъ мечѣшь?“
Отвѣчаетъ Дюкъ Степановичъ:
„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
Сказывали, Кіевъ градъ въ честі, въ добрѣ,
А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
Какъ у васъ все бочки-то дубовыя,
Понабѣваны обручии еловые,
Дѣланы мѣшалочки сосновыя —
Тутъ у васъ и калачи мѣсятъ;
Какъ у васъ все печки-то кирпичныя,
Топятся дровцами да еловыми,
Дѣланы помялушки сосновыя —
Тутъ у васъ и калачи пекутъ:
Оттого у васъ и калачи крупитчаты
Пахнутъ на ту глинушку дожжбвую

Да на то помя́лушко сосновое.
У моей родитель-матушки
Дѣланы все бочечки серебряны,
Понабиваны обру́чики злачѣные.
Да положены все мѣды сладкіе;
Дѣланы мѣшалочки дубовыя—
Туть у ней и калачи мѣсятъ;
Пѣчечки-то все у ней муравлены,
Топятся дровца́ми да дубовыми,
Дѣланы помя́лушки шелко́выя;
Какъ помочать во росу медо́вую,
Пометаютъ печечки муравлены,
Подстилаютъ бѣлою бумагою—
Туть у ней и калачи пекутъ:
Какъ калачикъ съѣшь—другаго хочется,
Другой съѣшь—по третьему душа горить,
Третій съѣшь—четвертый вонъ съ ума нейдетъ.“

Наливали тутъ хмѣльныхъ напитоковъ,
Подносили гостю чару зеленá вина;
Бралъ онъ чару во бѣлы́ руки,
Подносилъ къ устамъ сахарнымъ—
Не понравился боярину напитокекъ,
Половину вылилъ за окошечко,
Половину за спину выплескалъ
Черезъ золотъ стулъ по славной горенѣ,
Говорить самъ князю таковы́ слова:
„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
Какъ у васъ во Киеву да не по нашему:
Дѣланы все бочки-то дубовыя,
Понабиваны обру́чики еловые,
Зеленó вино туда положено,
Въ погреба́ да на́ землю опущено;
Тамъ винцо у васъ и призадохнется:
Горько ваше зеленó вино,

Пахнетъ зѣтхолью великою,
 А и въ ротъ его не можно взять.
 У моей сударыни у матушки
 Дѣланы все бочечки серебряны,
 Понабѣваны обручики злачѣны,
 Пиво сладкое, стоялое положено,
 Въ погребахъ глубокѣихъ повѣшано
 На цѣпочкахъ на серебряныхъ,
 Да по трубамъ подземельнымъ
 Буйны вѣтры понавѣдены:
 Какъ повѣютъ вѣтры со чистѣ поля—
 Воздухи пойдутъ по погребамъ,
 На цѣпочкахъ бочки завачаются,
 Загогочутъ будто лебеди,
 Будто лебеди на тихихъ заводахъ,
 Въ бочкахъ пиво всколыбается,
 А и вѣзъ не затыхается.
 Чару выпьешь—губоньки слипаются,
 Другу выпьешь—третьей хочется,
 Третью выпьешь—по четвертой ли душа горить.“

Какъ тутъ младъ Чурилушка сынъ Пленковичъ
 По столовой гриднѣ захоаживалъ,
 Таковы слова до проговаривалъ:

„Что же ты, холопина боярская,
 Порасхвастался имѣниемъ-богачествомъ,
 Порасхвастался уѣдами да питьями?
 Мы ударимъ-ка съ тобою о великъ закладъ,
 О великъ закладъ, о тридцати о тысячахъ:
 На три года времени проѣхати
 На своихъ на коняхъ богатырскихъ—
 Каждый день бы кони были смѣнные,
 Разношерстные все кони, перемѣнные,
 Чтобы въ три года такой и масти нѣ было;
 На три года времени выщѣпливать—

Каждый день бы платья были смѣнныя,
Цвѣтныя все платья, перемѣнныя,
Снова-на-ново на всѣ на три года,
Чтобы въ три года такого цвѣту нѣ было.“

Говорить Чурилѣ Дюбъ Степановичъ:

„Ай ты, молодой Чурилушка сынъ Плѣнковичъ!

Какъ живешь ты во своемъ во Кіевѣ,
Просто бить тебѣ со мною о великѣ завладѣ:
Кладовыя у тебя полнѣмъ-полно
Всякою одежицей покладены,
У меня же все одежица дорожная,
У меня все платьица завозныя.“

И ударили они тутъ о великѣ завладѣ,
О великѣ завладѣ—о тридцати о тысячахъ;
По Чурилѣ сынѣ Плѣнковѣ
Цѣлымъ градомъ Кіевомъ ручаются,
Поручился самъ Владиміръ князь съ княгинею;
А по Дюкѣ нѣтъ порѣкушки,
Набиралась только голь кабацкая,
Голь кабацкая до тысячи,
Больше все по Дюушкѣ ручаются.
Закручинился бояринъ, запечалился,
Запечалился, повѣсилъ буйну голову,
Ясны очи утопилъ въ кирпичать польъ,
Поскорѣшенько садится на червлѣный стулъ,
Пишетъ письма скорописчаты
Ко своей ко рѣдной матушкѣ:

„Ай же, свѣтъ, моя ты рѣдна матушка!

Ты побыручь-ка меня съ неволюшки,
Съ-подъ того заклада съ-подъ тяжелаго:
Ты пошли-ка мнѣ одежицы снаряжныя,
Чтобъ хватило на три года времени,
Каждый день бы платья были смѣнныя,
Цвѣтныя все платья, перемѣнныя,

Снова-на-ново на всѣ на три года,
Чтобы въ три года такого цвѣту нѣ было.“

Выходилъ бояринъ на широкій дворъ,
Приходилъ къ добру коню ко богатырскому,
Полагаетъ письма подъ сѣдлышко,
Отпускаетъ мала бурушку-кавурушку:

„Побѣгай-ка ты, мой добрый богатырскій конь,
Да во славную во Индію богатую,
Да во славный нашъ во Галичъ градъ,
Забѣгай-ка тамъ на мой широкій дворъ,
Ко своимъ ко конюхамъ любимымъ.“

Побѣжалъ тутъ Дюковъ добрый богатырскій конь
Да по славному раздольицу чисту полю,
Побѣжалъ во Индію богатую,
Прибѣгалъ во славный Галичъ градъ
Да на Дюковъ на широкій дворъ,
Заржалъ громкимъ лошадинымъ ясакомъ.
Услыхали конюхи любимые,
Усмотрѣли мала бурушку-кавурушку,
Приходили къ Дюковой ко матушеѣ,
Ко честной вдовѣ Мамельфѣ Тимошеевнѣ,
Приходили, сами низко поклонялися:

„Ты честна вдова Мамельфа Тимошеевна!
Прибѣжалъ-то Дюковъ конь да на широкій дворъ.“

Поглядѣла во косяцато окошечко,
Увидала бурушку-кавурушку,
Залилася горячьи слезы старушенька:

„Видно, чадочко мое роженое
Положило буйную головушку
Да на матушеѣ на славной на святой Руси!“

Выходила на широкій дворъ,
Брала бурушку за поводъ шелковые,
Приказала бурушку разсѣдывать;
Да какъ стали бурушку разсѣдывать,

Увидала письма подъ сѣдлышкомъ,
Скоро письма распечатала,
Посмотрѣла что въ нихъ принаписано,
Взрадовáлась старая, что живъ любимый сынъ,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Говорить сама да таковы́ слова:

„Знать, заносливо роженое, захвастливо,
Оттого оно тамъ и захвачено!
Ай вы, конюхи мои любимые!
Вы кормите-ка коня мнѣ скоро-на-скоро,
Скоро-на-скоро да сыто-на-сыто.“

Отвели коня въ конюшенъю стоялюю,
Понасыпали пшены да бѣлояровой,
Поразставили сыты медвяныя.
А честна́ вдова Мамельфа Тимоеевна
Скоро шла въ палаты бѣлокаменны,
Скоро брала золоты́ ключи,
Созывала всѣхъ служанокъ вѣрныхъ,
Брала перецѣнщиковъ, разцѣнщиковъ,
Оцѣняли тутъ одежду драгоцѣнную,
Чтобъ хватило на три года времени,
Каждый день бы платья были смѣнныя,
Снова-на-ново да что ни ести лучшія,
Уладали въ сумы перемѣтныя,
Отпускали бурушку во стольный Кіевъ градъ.

Какъ пошелъ бурко́ тутъ по чисту́ полю,
Прибѣгаетъ въ Кіевъ градъ на княженецкій дворъ,
Заржалъ громкимъ лошадинымъ ясакомъ.
Услыхалъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„Знать, пришелъ мой бурушка косматенькій!“
Выходилъ ко бурушѣ-кавурушкѣ,
Распечаталъ сумы перемѣтныя,
Вынималъ одежды драгоцѣнныя.

Сталъ одеждыцы съ Чурилой тутъ понашивать,

На добромъ конѣ съ Чурилой да поѣзживать.
Молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ
Цѣлымъ стадомъ въ полѣ лошадей погналь,
А бояринъ Дюкъ Степановичъ
Поутру пораньше самъ повѣстанеть,
Въ поле бурушку косматаго повыведеть,
Перекатываетъ во росѣ во утренней,
На буркѣ-то шерсть и перемѣнится.

Вздять, шапать годъ они, другой ли годъ,
Вотъ проѣздили, прощѣпили всѣ три года,
Да приходитъ, братцы, имъ послѣдній день,
А и надо имъ идти во церковь божію,
Ко заутреньѣ ко воскресенской.
Божій колоколь ранѣшенько гудомъ гудить,
Въ церковь божію народъ валомъ валить.
Молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ
Всѣхъ впередъ проходитъ надувающихся,
Длинными полами раздувающихся,
Да прихлопывая шапкой-мурманвой;
Ставится на правомъ крылосѣ.
За Чурилой входитъ Дюкъ Степановичъ,
Входитъ потихонько, смиренонько,
Ставится на лѣвомъ крылосѣ,
Всю заутреньку стоитъ прямонько,
Да поклонны лишь владеть частонько.

Солнышко Владиміръ стольно-вѣевскій
Поглянулъ на праву руку, на Чурилушку:
На Чурилушкѣ одежица снарядная:
На головѣѣ шапка-мурманка-золотой вершокъ,
На ногахъ сапоженьки-зеленъ сафьянъ,
Пряжечки серебряны, шпеньки злаченные;
На плечахъ могучихъ кунья шубонька,
Что одна-ли строчка чиста сѣребра,
А другая строчка красна золота,

Петельки прошиваны шелковья,
Пуговки положены злачёныя;
Да во тѣхъ во петелькахъ шелковныхъ
Вплѣтано по красной по дѣвушкамъ,
А во тѣхъ во пуговкахъ злачённыхъ
Вливано по доброму по молодцу:
Какъ застѣгнутся, такъ и обоймутся,
Поразстѣгнутся, такъ поцѣлуются.

Говорить Владиміръ стольно-кѣвскій:
„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Прозакладалъ все имѣніе-богачество
Молоду Чурилѣ сыну Плѣнцову!“

Говорить Бермята сынъ Васильевичъ:
„Ай ты, солнышко Владиміръ стольно-кѣвскій!
Ты на лѣву руку посмотри теперь:
Молодой Чурилушка сынъ Плѣнцовичъ
Прозакладался боярину.“

Солнышко Владиміръ стольно-кѣвскій
Посмотрѣлъ на лѣву руку, на боярина:
На головеѣ шапочка со рожьками,
На рожкахъ по камешку по самоцвѣтному,
Спереди введенъ свѣтѣль мѣсяць,
По косицамъ—звѣзды частыя,
А шеломъ на шапочкѣ какъ жаръ горитъ.
Ноженьки во лапотцахъ семи шелковъ,
Въ пяты вставлено по золотому гвѣздичку,
Въ носы вплѣтано по дорогому яхонту:
Днемъ идти въ нихъ—что по красну солнышку,
Темной ночью—что по свѣтлу мѣсяцу.
На плечѣхъ могучихъ шуба черныхъ соболей,
Черныхъ соболей заморскихъ,
Подъ зеленымъ рытымъ бархатомъ,
А во петелькахъ шелковыхъ вплѣтаны
Все-то божьи птичущки пѣвущія,

А во пуговкахъ злачёныхъ вліваны
 Все-то люты змѣи, звѣрюшки рывучіе:
 Сталь онъ плѣточкой по петелькамъ поваживать—
 Вдругъ заплѣли птичущки пѣвучія,
 Затянули пѣсенъки небесныя,—
 Удивленье весь честной народъ взяло.
 Сталь онъ плѣточкой по пуговкамъ похаживать.
 Сталь онъ пуговку о пуговку позванивать—
 Завричали звѣрюшки рывучіе,
 Люты змѣи съ пуговки плывуть ко пуговкѣ,
 Зашипѣли во всю голову,—
 Всѣ ужáхнулись, во повалъ поадали,
 А ины—какъ пали о земь, такъ и обмерли.

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:

„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!

Поуйми-ка ты звѣрей рывучіихъ,
 Призавличь ва змѣевъ лютихъ,
 Ты оставь людей мнѣ хоть на сѣмена.
 Ай ты, молодой Чурила Плёнковичъ!
 Мы пробіли денегъ сорокъ тысячей:
 Перещапилъ вѣдь тебя бояринъ-то,
 Нѣту у тебя такихъ великихъ хитростей!“

А бояринъ Дюкъ Степановичъ

Только принялъ отъ Чурилы тридцать тысячей,
 Тутъ-же роздалъ всѣ на зеленое вино
 Поручителямъ своимъ—голямъ кабацѣимъ.
 Ополбхался Чурилушка до смѣртушки,
 Шапку-мурманку свою во елочья рветъ,
 Осерчавшись, говорить боярину:

„Гой ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!

Эта похвальба не похвальба у насъ.
 Мы ударимъ-ка съ тобою объ иной закладъ—
 Не о сотняхъ, не о тысячахъ—
 Мы ударимъ о своихъ о буйныхъ головахъ:

О полу-рѣки къ водѣ припадывалъ,
 За кудѣрышки Чурилушку захватывалъ,
 Изъ воды съ конемъ Чурилушку вытаскивалъ,
 Приволокъ ко ножкамъ княженецкіимъ,
 Говорилъ самъ князю таковыя слова:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!

Кто изъ насъ добѣе-то повыступилъ?

Намъ которому съ Чурилой голову рубить?“

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ахъ ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!

Не руби-ка ты Чурилѣ буйной головы

За его за ложное за хвостанье,

Ты оставь-ка намъ Чурилу хоть для памяти.“

Стали со слезами тутъ боярина

О Чурилушкѣ умаливать-упрашивать

Кіевскія красны дѣвушки,

Молодыя молодушечки,

Съ ними старыя старушечки.

Подъѣзжалъ и старый Илья Муромецъ:

„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!

Не руби-ка ты Чурилѣ буйной головы,

Не хвала, не честь въ томъ молодецкая:

Съ нимъ не знаютъ могучіе богатыри,

Знаютъ съ нимъ только бабы въ Кіевѣ.“

Говорить Чурилѣ Дюкъ Степановичъ:

„Ай ты, пустохвастиска боярская!

Княземъ стольно-кіевскимъ упрошенный,

Кіевскими бабами заплаканный!

Ты не ѣзди-ка ужъ съ нами во чисто поле,

Ты живи-ка между бабами во Кіевѣ,

А и вѣѣ живи тамъ съ ними по вѣку!“

Былъ же тутъ Алешенька Поповскій сынъ,

Говорить Алешенька Владиміру:

„Гой еси ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!

Два старика пленковичъ.

Стр. 196—200.

Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборны грешагъ,
Гдѣ молодухи глядятъ—оконница звенягъ,
А старня старухи костыли грызутъ,
..... П.....

Выбирай-ка писчиковъ-общинниковъ,
 Посылай во Индію богатую,
 Да во ту во Галичь во проклятую,
 Описать все Дюково богатство,
 Общинить безсчётну золоту казну:
 Такъ ли онъ своимъ поселемъ хвастаетъ,
 Такъ ли у него во домѣ дѣется?“

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:

„А кого же писчикомъ-общинникомъ
 Я пошлю во Дюково поселище?“

Говорить Алешенька Поповскій сынъ:

„Ты пошли-ка, князь, меня, Алешеньку.“

Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!

Ты не посылай Алешеньки Поповича:

Роду онъ, Алешенька, поповскаго,

А поповски очи завидушія,

А поповски руки загребушія—

Какъ увидить много злата-серебра,

Злату-серебру Алеша позавидуетъ,

Не вернётся больше въ стольный Кіевъ градъ,

Тамъ и сложить буйную головушку.

Ты пошли-ка стара Илью Муромца,

Молода Добрынюшку Никитича,

Въ-третіихъ Михайла Пётыха Иванова,

Трехъ могучихъ русскіихъ богатырей;

Дай съ собой бумаги да чернилъ на три года—

Да не вѣзь же имъ тамъ животы общинивать:

Не какіе наши животы—сиротскіе.“

И послали стара Илью Муромца,

Молода Добрынюшку Никитича

Да Михайла Пётыха Иванова,

Трехъ могучихъ русскіихъ богатырей,

Во ту Индію богатую,

Во ту Галичь во проклятую,
Дюбовыхъ животовъ общивать.
Отправлялись три могучіе богатыря,
Во пути корбтали три мѣсяца,
Ѣхали раздольцемъ чистымъ полемъ.
Да подѣхали подъ Индію богатую,
Поднялись на горушку высокую,
Увидали славный Галичь градъ,
Сами говорятъ промежь собой:

„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Вѣсточку послалъ, знать, къ рѣдной матушѣ,
Чтобъ зажгла свой славный Галичь градъ,
Да нельзя бы намъ было общивать
Животишенекъ сиротскихъ:
Галичь градъ-то вѣдь огнемъ горить.“

Какъ поближе къ Галичу подѣхали:
Кровельки на всѣхъ домахъ да золочѣныя,
Маковки на всѣхъ церквахъ да самоцвѣтныя,
Отъ далѣ-то будто жаръ горять.
Заѣзжали въ славный Галичь градъ,
Подѣзжали ко высѣбу терему:
Не видали теремѣвъ такихъ на семъ свѣтѣ.
Заходили во высѣкъ теремъ:
Всѣ ступеньки-то серебряны,
Всѣ градѣчки-то орлѣныя,
Всѣ орлѣныя да золочѣныя;
Въ стѣны владены камѣныя драгоцѣнныя:
Видно мѣлодца лицомъ въ нихъ, станомъ, возрастомъ;
Половицы все стекляныя,
Подъ полѣмъ течеть вода студѣная,
А въ водѣ играютъ рыбы разноцвѣтныя:
Какъ котрая плеснѣтъ хвостомъ,
Половица звякнеть, будто надтреснеть,
Инь ступать по половицѣ бѣздно.

Какъ прошли въ палаты, во первой покой,
 Увидали стару-матеру жену,
 Мало шёлку, вся во чистомъ сѣребрѣ.
 Господу ли Богу помолилися,
 На всѣ стороны низенько поклонилися:

„Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка!

Сынъ тебѣ шлетъ челомъ-бѣтыце,
 Понизку велѣлъ поклонъ поставити.“

Отвѣчаетъ стара-матера жена:

„Здравствуйте и вы, удамы добры мѡлодцы!

Я не Дюкова есть матушка,
 Я здѣсь Дюкова есть рукомойница,
 Полагаю Дюку воду въ рукомойницеѣ.“

Проходили мѡлодцы въ другой покой,

Увидали стару-матеру жену,
 Мало шёлку, вся во красномъ золотѣ.
 Господу ли Богу помолилися,
 На четыре на стороны поклонилися:

„Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка!“

„Я не Дюкова есть матушка,
 Я здѣсь Дюкова есть судомойница.“

Проходили далѣй добры мѡлодцы,

Увидали стару-матеру жену,
 Мало шёлку, вся во скатномъ жемчугѣ.
 Бьютъ челомъ ей, поклоняются:

„Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка!“

„Я не Дюкова есть матушка,
 Я здѣсь Дюкова калачница.“

Проходили во покой четвертый мѡлодцы,

Увидали стару-матеру жену,
 Мало шёлку, вся въ камѣняхъ самоцвѣтныхъ.
 До земли челомъ бьютъ, поклоняются:

„Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка!“

„Я не Дюкова есть матушка,

Я здѣсь Дюкова есть стольница.
Вы спины-то даромъ не ломайте-ка,
Понапрасну шеи не сгибайте-ка:
Женъ, какъ я, не мало въ нашемъ городѣ,
Всѣмъ, небось, вамъ не навланыться.
Дюкова-то матушка ушла къ обѣденькѣ;
Вы ступайте-ка во церковь во соборную,
Да смотрите, всякому не вланыйтесь.
Какъ пройдутъ впередъ лопатники,
За лопатниками вслѣдъ метельники,
За метельниками вслѣдъ постельники,
Тутъ пойдетъ со церкви божіей
И честна вдова Мамельфа Тимоеевна.“

Скоро шли они ко церкви ко соборной,
Становились у дверей церковныхъ.
Вотъ пошелъ народъ съ обѣденьки,
Кто въ шелку идетъ, кто въ сѣребрѣ, кто въ золотѣ,
Кто идетъ въ каменьяхъ самоцвѣтныхъ.
Выходили тутъ лопатники,
Разгребали путь-дороженьку;
Выходили вслѣдъ метельники,
Засыпали путь песочкомъ жѣлтымъ;
За метельниками шли постельники,
Стлали по пути мосточки дубовые,
Поверху—суконца одинцова,
Полагали вдоль порученьки серебряны.
Какъ ведутъ тутъ стару-матеру старушеньку
Тридцать дѣвицъ со дѣвицей подъ руки,
Надъ старушенькой несутъ подсолнечникъ,
Чтобъ ее не запекало красно солнышко,
На нее не капали бы росы утренни.
Платье на старушенькѣ надѣто цвѣтное,
Вся подвѣдена на немъ луна небесная;
Какъ отъ красна солнца, свѣтла мѣсяца,

По всему по Галичу лучи негутъ,
Часты, мелки звѣзды рассыпаются.

Подходили въ ней, низенько поклонялися:

„Здравствуешь же, Дюкова ты матушка!

Сынъ тебѣ шлетъ челомъ-бѣтѣице,
Понизку велѣлъ поклонъ поставить.“

„Здравствуйте и вы, удамы добры мѣлодцы!

Вы пойдите-ка со мною во высѣбъ терѣмъ,
Хлѣба-соли у меня покушати,
Бѣлыя лебѣдушки порушати.“

„Государыня Мамельфа Тимоѣевна!

Мы прѣехали вѣдь не тебя смотрѣть,
А твое житѣ-богачество описывать:
Призахвастался твой сынъ богачествомъ.“

„Ай же, славные вы писчики-общѣнщики!

Не какіе животы у насъ—сиротскіе,
Животы вдовинные, бобыльскіе,
А не долго же вамъ животы описывать.“

Шли богатыри за нею во высѣбъ терѣмъ,

Побить, кормить ихъ да много чествуетъ.
Какъ валачь съѣдятъ—другаго хочется,
Какъ другой съѣдятъ—по третьему душа горитъ,
Третій ли съѣдятъ—четвертый вонъ съ ума нейдетъ.
Чару выпьютъ—губоньки слипаются,
Другу выпьютъ—третьей хочется,
Третью выпьютъ—по четвертой ли душа горитъ.
Наѣдались до полу-сыта,
Напивались до полу-пьяна.

Тутъ честна вдова Мамельфа Тимоѣевна

Повела ихъ посмотрѣть свое посѣльице,
Самое-то подъ-руки ведутъ служаночки;
Привела въ конюшеньки стоялыя:
Не могли жеребчиковъ перѣсчитать,
Не могли глазами ихъ перѣглядѣть,

Да не знали и цѣны имъ дать:
Въ чѣлкѣ, въ гривѣ, во хвостѣ у каждаго
Вплѣтано по камню самоцвѣтному.
Привела во клѣтку во сѣдельную:
Не могли сѣделышекъ пересчитать,
Не могли глазами ихъ переглядѣть,
А и каждое сѣдло-то во пятьсотъ рублей.
Привела во клѣтку во платѣную:
Не могли тутъ платицевъ пересчитать,
Не могли глазами ихъ переглядѣть,
Всѣ-то дѣланы изъ шёлку да изъ бархату,
Поусажены камнями драгоцѣнными.
Завела во погребъ сорока сажонъ:
Не могли тутъ бочечевъ пересчитать,
Не могли глазами ихъ переглядѣть,
Да полны всѣ злата-серебра,
Злата-серебра да все недѣржана.
Вывела ихъ на широкій дворъ,
А течетъ тутъ рѣчка золочѣная—
Не могли той рѣчкѣ-то и смѣты дать.
Пораздумались богатыри, спроговорятъ:
„Взяли мы бумаги да чернилъ на три года,
Да какъ здѣсь намъ животы описывать,
Здѣсь же вѣкъ свой намъ скоротати.“
Говоритъ имъ старая старушенька,
Та честнѣ вдова Мамельфа Тимоеевна:
„Ай же, славные вы писчики-общинники!
Вы скажите солнышу Владиміру:
На бумагу пусть продасть весь Кіевъ градъ,
На чернила пусть продасть Черниговъ градъ,
Да тогда пріѣдетъ животовъ описывать.“
Отправлялися они назадъ во Кіевъ градъ,
Во пути корѣтали три мѣсяца,
Пріѣзжали въ стольный Кіевъ градъ,

Приходили къ солнышку Владиміру.

Спрашиваетъ ихъ Владиміръ князь:

„Гой еси вы, писчики-обцѣнщики!

А и вѣрно ли похвасталъ Дюкъ Степановичъ,
Великій ль у Дюка животы сиротскіе?“

Отвѣчаютъ князю писчики-обцѣнщики,
Русскіе могучіе богатыри:

„Ой ты, солнышко Владиміръ стольно-кїевскій!

Великій у Дюка животы сиротскіе:

Кабы стали ихъ обцѣнивать, описывать,
Тамъ бы и свой вѣкъ скоротали.

Да навѣзывала Дюкова намъ матушка,
На бумагу-то продать весь Кїевъ градъ,
На чернила-то продать Черниговъ градъ,
Да тогда прїѣхать животовъ описывать.“

Говорилъ Владиміръ стольно-кїевскій:

„Ай ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!

За твою за похвальбу великую
Ты торгуй-ка въ нашемъ градѣ Кїевѣ,
Вѣкъ торгуй у насъ безошлинно.“

Съ тѣхъ-то поръ про Дюка старину скажутъ,
Синему-то морю да на тишину,
А вамъ, добрымъ людемъ, на послушанье.

БЫЛИНА ДВАДЦАТАЯ.

ДОВРЫНЯ НИКИТИЧЪ ВЪ ОТЪЗДѢ.

Какъ стоять во стольномъ городѣ во Кіевѣ
Княженецкія палаты бѣлокаменны.
Не отъ вѣтрича палаты запаталися,
Не отъ вихора палаты отворялися—
Заходилъ туда Добрынюшка Никитичъ младъ,
Съ нимъ товарищи—князья да бояре,
Русскіе могучіе богатыри.
Въ полъ-сыта ли всѣ тутъ наѣдалися,
Въ полъ-пьяна ли всѣ тутъ напивалися,
Во хмѣлю всѣ порасхвасталися:
Умный хвастаетъ отцомъ да матерью,
Неразумный—золотой казной,
А Добрыня—молодой женой.
Какъ надъ тѣмъ всѣ усмѣхнулися,
Другъ на друга оглянулися,
Межъ собою разговоръ вели:
„Чѣмъ-то молодой Добрыня хвастаетъ!“
Не ясенъ совѣтъ съ теплѣ гнѣзда солѣтывалъ,
Не бѣлой кречѣтъ съ теплѣ гнѣзда сопѣрхивалъ—
Возстаетъ самъ батюшка Владиміръ князь
Съ своего большаго мѣста княженецкаго:
„Ай же вы, мои князья да бояре,
Русскіе могучіе богатыри!

Всѣ вы, добры мѳлодцы, расхвастались;
Мнѣ-то, князю вашему, чѣмъ будетъ хвастати?
Какъ ужъ дѳлече-далече во чистѳмъ полѣ,
Какъ летаеть тамъ Невѣжа чернымъ ворономъ, ⁽⁶⁵⁾
Пишетъ мнѣ Невѣжа со угрозою,
Кличеть-выкликаетъ поединчика,
Супротивъ себя да супротивника.
Ужъ вого бы мнѣ послать съ Невѣжей ратиться,
Очищать дороги прямоѣзжія,
Постоять на крѣпкихъ на заставушкахъ
За меня за князя за Владиміра,
За мою княгиню за Апраксию,
За сиротъ, за вдовъ да за несчастныхъ женъ?"

Всѣ богатыри за столикомъ утихнули,
Приутихнули да приумолкнули,
Другъ за друга затулялися:
Бѳльшіе туляются за среднихъ,
Средніе хоронятся за мѣньшихъ,
А отъ мѣньшихъ-то и отвѣту нѣтъ.
Какъ встаетъ изъ-за стола за задняго
Первый богатырь да стольно-кїевскїй.
Старый Илья Муромецъ Ивановичъ,
Говоритъ да таковы слова:
„Гой еси ты, солнышко Владиміръ князь!
Самъ-то я недавно изъ дороженьки,
На заставѣ простоялъ двѣнадцать лѣтъ:
Никогда Невѣжа не казалъ мнѣ глазъ.
Не видалъ я и собачки во чистѳмъ полѣ,
Увидалъ бы—подстрѣлилъ бы изъ туга лука.
А теперь пошли-ка ты съ Невѣжей ратиться,
Очищать дороги прямоѣзжія,
Постоять на крѣпкихъ на заставушкахъ
Молода Добрынюшку Никитича:
Будетъ онъ защитой славу Кїеву,

Обороной будетъ нашей крѣпости.“

И навинули ту служебку-работушку

На того Добрынюшку Никитича.

Выпиваль Добрыня чару зеленá вина,

Скороталь почестень пирь, пошелъ съ пирѹ домой,

Нѣвесель пришель домой, нерáдошень.

Какъ не бѣлая березка въ землѣ клонится,

Не зелѣные листочки разстилаются—

Сынъ во матушкѣ во рѣдной приклоняется:

„Государыня моя ты, рѣдна матушка,

Пречестнá вдова Афимья Александровна!

Ты на что меня несчастнаго спорѣдила,

Безталаннаго на что меня отрѣдила?

Спорѣдила бы меня, родитель-матушка,

Малымъ, катучимъ бѣлымъ камешкомъ,

Обвертѣла бы во тѣнко бѣлое полѣтнице,

Отнесла бы во глубокому синю морю,

Опустила бы въ синѣ море на сáмо дно—

И лежалъ бы тамъ я съ вѣку до вѣку,

Буйны вѣтрушки бы на меня не вѣяли,

Добры людуси бы про меня не баяли.

Я не ѣздилъ бы, Добрыня, по святой Руси,

Я не билъ бы безповинныхъ душъ,

Не слезилъ бы я отцовъ да мáтерей,

Не вдовилъ бы молодыхъ я женъ,

Не сирѣталъ бы я малыхъ дѣтушекъ!

А теперъ мнѣ ѣхать во чисто поле,

Съ чернымъ ворономъ-Невѣжей ратиться,

Очищать дороги прямоѣзжя,

Постоять на крѣпкихъ на заставушкахъ.“

„Ахъ ты, свѣтъ мой, чáдочко любимое,

Душенька Добрынюшка Никитичъ младъ!

Кабы знала я да надъ тобой невзгодушку,

Кабы вѣдала безврѣмье великое,

То не такъ бы я тебя спорѳдила:
Я тебя спорѳдила бы, чадочко,
Силушкой во Святогора во богатыря,
Участью-таланомъ въ Илью Муромца, ⁽⁶⁶⁾
Смѣлостью въ Алешу во Поповича,
Молодецкою посадкою, поѳздкою
Во Михайла Пѳтыка Иванова,
Выступкой, походочкой щеплѳвою
Во младѳ Чурилу сына Плѳнкова,
Всѣмъ житѣмъ-бытѣмъ, имѣнѣмъ-богачествомъ
Во боярина во Дюка во Степанова,
Красотой во солнышко Владимѳра;
Да ужъ, видно, зародилось чадочко
Во безсчастную звѣзду, во безталанную:
Изо всѣхъ статей тебя, Добрынюшку,
Только вѣжествомъ Господь пожаловаль. “

„Ахъ ты, свѣтъ моя да рѳдна матушка!
Дай-ка мнѣ прощенѳице-благословенѳице
Да на вѣки нерушимое. “

Одѣвается Добрыня, снаряжается,
Въ торокѳ владеть онъ валенѳ стрѣлы,
Золотѳ казну да платье цвѣтное,
Обряжаетъ своего добра коня, ⁽⁶⁷⁾
Самъ садится на добра коня;
А честнѳ вдова Афимѳ Александровна
Провожаетъ сына, кличемъ кликаетъ:
„Ай же ты, любимая невѣстушка,
Молода Настасьѳушка Микулична!
Ты чего сидишь во теремѣ въ златѳмъ верху?
Али надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
Заватѳется вѣдъ наше красно солнышко
За высѳби горушки, за темны лѣсушки,
Отѣзжаетъ вѣдъ Добрыня съ широкѳ двора.
Ты сойди-ка на широкѳ дворъ скорѣшенько,

Распроси его да хорошенечко:
Онъ далече ль ѣдетъ, куда путь держить?
Скоро ль ждать себя да поджидать велить?
Скоро ли велить въ окошечко посматривать?“

Какъ сошла тутъ на широкій дворъ скорѣшенью
Молода Настасья дочь Микулична,
Да въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Да въ однихъ тонкихъ чулочкахъ безъ чоботовъ,
Какъ зашла Добрынѣ со бѣла лица,
Припадала къ стремечу булатному,
Стала спрашивать его, вывѣдывать:

„Ай же, свѣтъ ты мой, любимая державушка,
Миленькій Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты далече ль ѣдешь, куда путь держишь?
Скоро ль ждать себя да поджидать велишь?
Скоро ли велишь въ окошечко посматривать?“

Говорить въ отвѣтъ Добрынюшка Никитичъ младъ

„Ай же ты, моя любимая семеюшка,
Молода Настасьюшка Микулична!
Ужь какъ стала у меня ты спрашивать,
Стану я теперь тебѣ и сказывать:
Ожидай Добрыню съ поля три года,
Три года прождешь — другіе три пожди.
Какъ исполнятся тому всѣ шесть годовъ,
И Добрыня твой не возворотится —
Поминай тогда Добрынюшку убитаго,
А тебѣ, Настасьѣ, воля вольная:
Хоть вдовой живи тутъ, хоть замужъ поди,
Хоть поди за князя, за боярина,
За богатыря, за гостя за торговаго
Или за простаго за крестьянина, —
Не ходи ты только за одинаго —
За того за бабьяго насмѣшника,
За судейскаго за перелестника,

За Алешеньку Поповича:

Онъ; собака, мнѣ названный братъ,
А названный братъ вѣдь паче рѣднаго.“

Только видѣли Добрыню сядючи,
А не видѣли Добрынюшки поѣдучи.
Не дорожкой онъ поѣхаль, не воротами,
Черезъ стѣну онъ махнулъ да городѣвую,
Мимо башеньки да наугольные;
Съ горушки на горушку поскакиваль,
Съ холмика на холмикъ перепрядываль,
Рѣки да озѣра перескакиваль,
Широкі роздолья промежь ногъ спускаль.
А гдѣ падали копытца лошадиныя,
Тамъ колодцы становились да глубокіе,
Что глубокіе колодцы да кипячіе. ⁽⁶⁸⁾

Какъ не сѣрныя двѣ уточки сплывалися,
Не двѣ бѣлыя лебедушки слеталися—
Какъ садилися въ одно мѣсто свекровушка
Со свой со молодой невѣстушкой,
Плакали, слезами обливалися,
Молода Добрыни дожидалися.

А денѣчикъ за денѣчкомъ будто дождь дождить,
А недѣлька за недѣлкой какъ трава растеть,
А годѣчикъ за годѣчкомъ какъ соколъ летить.
И проходить тому времени ужъ тріи года—
Не бываль Добрыня со чиста поля.

А денѣчикъ за денѣчкомъ будто дождь дождить,
А недѣлька за недѣлкой какъ трава растеть;
А годѣчикъ за годѣчкомъ какъ соколъ летить.
И проходятъ тому времени всѣ шесть годовъ—
Отъ Добрынюшки ни вѣсти нѣтъ, ни повѣсти.
Какъ привозить тутъ Алешенька Леонтьевичъ
Невеселую имъ вѣсточку, нерадостну:
Что побить лежитъ Добрыня во чистомъ полѣ,

Головой лежитъ во часть ракитовъ кустъ,
 Рѣзвыми ногами во ковыль-траву,
 Ручьи, ножи у Добрыни пораскиданы,
 Буйная головка поразломана,
 Очи ясныя повывлевали вѣроны,
 А сквозь желтые кудѣрышки
 Проростаеъ травушка шелѣвая,
 Расцвѣтають цвѣтки лазуревы.
 Какъ надъ тѣмъ Добрынюшина матушка,
 Жалобнѣхонько да порасплакалась;
 А въ Добрынюшиной молодой женѣ
 Стали запохаживать, засватывать
 Сватомъ самъ Владиміръ солнышко,
 Свахою сама княгинюшка Апраксія,
 Добрыми словами уговаривать:

„Ай же ты, Настасья дочь Микулична!
 Ужь тебѣ ли жить да молодой вдовой,
 Молодой свой вѣеъ одной корѣтати?
 Ты поди замужъ хоть за богатыря,
 Хоть за смѣлаго Алешеньку Поповича!“

Не дается на слова Настасьюшва,
 Свата даритъ новенькой шириночкой,
 Свахоньку другой шириночкой,
 Смѣлаго Алешу каленѣй стрѣлой,
 Имъ сама такой отвѣтъ держать:

„Выполнила мужнюю я заповѣдь:
 Прождала Добрыню цѣлыхъ шесть годовъ.
 Выполню и женскую я заповѣдь:
 Буду ждать другіе шесть годовъ.
 Какъ исполнятся тому двѣнадцать лѣтъ,
 Да не будетъ мужа со чиста поля,
 Все еще поспѣю я замужъ пойти.“

И прошли тому другіе шесть годовъ—
 Не бывалъ Добрыня со чиста поля.

Пріѣзжалъ опять Алешенька Леонтьевичъ
Съ невеселой вѣсточкой, нерадостной:
Что побитъ лежитъ Добрыня во чистомъ полѣ,
А и восточки-то порастасяны.
Сталъ опять Владиміръ князь съ княгинею
Къ молодой Настасьюшкѣ похаживать,
Подговаривать Настасью да посватывать.
Пораздумалась Настасья, поразмыслилась:

„Выполнила мужнюю я заповѣдь,
Выполнила и свою-то заповѣдь,
Не видать ужъ мнѣ моей державушки,
Нѣтъ въ живыхъ Добрынюшки Никитича.“

И пошла Настасья дочь Миеулична
За того Алешу за Поповича.

Вотъ какъ пиръ идетъ у нихъ по третій день,
А сегодня имъ идти во церкви божіей,
Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.
Въ тѣ пору въ своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Пречестна вдова Афимья Александровна
Подъ окошечко садилась подъ косяцато,
Плакала старушенька да съ причетью:

„Ахъ, тому ли ужъ двѣнадцать лѣтъ назадъ
Закатилось наше красно солнышко;
Закатается теперь и младъ свѣтѣль мѣсяць!“

Какъ изъ далеча-далеча изъ чиста поля
Не пороша бѣлаго снѣжку повыпала,
По тому бѣлу снѣжку порошенькѣ
Что не бѣлый заюшка проскакивалъ —
Наѣзжаетъ съ поля, въ перегонъ гонить
Добрый молодець, дѣтинушка залѣшанинъ;
Платьица на немъ не цвѣтныя — звѣриныя,
Конь подъ нимъ косматый, будто лютый звѣрь.
Ѣдетъ не дорожкой, не воротами,
Ѣдетъ черезъ стѣну городовую,

Мимо башни наугольная,
Прямо во придворью во вдовиному:
Пнулъ столбы лохматымъ чоботомъ—
Столбики задрогли, пошатнулись.
Воротá ширóко распахнулись.
Онъ коня пускаетъ непривязана,
Самъ идетъ въ палаты бездокладочно.
Крестъ владеть да по писаному,
И поклонъ ведетъ да по учёному,
Поклоняется на всѣ четыре стороны.
Пречестной вдовѣ старушенькѣ въ особину:
„Ай, честна вдова Аѳимья Александровна.
Государыня, Добрынюшкина матушка!
Твоему Добрынѣ я названый братъ,
Отъ Добрыни я тебѣ поклонъ привезъ.
Во чистомъ полѣ вчера съ нимъ поразѣхались:
Онъ побѣхалъ ко Царю-граду,
На прощанье мнѣ велѣлъ, наказываль:
Какъ случитъ мнѣ Богъ побыть во Киевѣ,
Распросилъ бы про его про родну матушку
Да про молоду Настасью дочь Микуличну,
Про его любимую семеюшку.“
Говорить въ отвѣтъ Добрынюшкина матушка:
„Ай же ты, дѣтинушка залѣшанинъ!
Не тебѣ бы надо мною надсмѣхатися.
Какъ привезъ Добрынюшкинъ названый братъ,
Молодой Алешенька Леонтьевичъ
Невеселую намъ вѣсточку, нерадостну:
Что побить лежитъ Добрыня во чистомъ полѣ.
Какъ слезила я тутъ очи ясныя,
Какъ скорбила тутъ лицо да бѣлое.
Тяжелѣшенько по сынѣ плакала.
А Добрынюшкина молода жена,
Молода Настасья дочь Микулична

За того за брата мужчину
За Алешу за Поповича замужъ пошла.
Свatomъ-то былъ самъ Владиміръ князь,
Свахою сама княгиня да Апраксія.
Какъ идетъ у нихъ ужъ пиръ по третій день,
А сегодня принимать имъ по золоту вѣнцу.“

Говоритъ дѣтинушка залѣшанинъ:

„Да еще ли мнѣ велѣль, наказывалъ
Мой названный братъ Добрынюшка Никитичъ младъ:
Какъ его Настасьюшка замужъ пойдетъ,
Мнѣ сходить на ту на свадьбу веселую,
А тебѣ сходить во погреба глубокіе,
Принести гусѣлышки ярвчаты,
На койхъ онъ самъ, Добрынюшка, поигрывалъ;
Принести еще одѣжку скоморошную:
Что на ноженьки сапоженьки-зелѣнь сафьянъ,
Что на плечи шубоньку да соболиную,
На голову шапочку пушистую,
Что пушистую, ушистую, завѣсистую;
Въ рученьку дубинку сорока пудовъ,
Чтобъ на свадьбѣ насъ не обидѣли.“

„Ой, ты, деревенщина-засельщина!

Было бѣ живо мое красно солнышко,
Нѣ дало бѣ тебѣ, невѣжѣ, надсмѣхатися;
А теперь не стало красна солнышка —
Не къ чему мнѣ гусли скоморошныя,
Не къ чему мнѣ платья скоморошныя,
Не къ чему дубинка скоморошная.“

И брала она скорѣнько золотыя блючи,
Отмыкала погреба глубокіе,
Приносила гусли скоморошныя,
Приносила платья скоморошныя,
Подавала деревенщинѣ-засельщинѣ;
Самъ онъ бралъ дубинку сорока пудовъ,

Накрутился скорой, смѣлой скоморошиной
И пошелъ на тотъ почѣстенъ пиръ, на свадебку.

Какъ стоять тутъ приворотники, придверники,
Не хотять впускать удалу скоморошину.

Отъ воротъ онъ приворотниковъ отпихиваль,

Отъ дверей придверниковъ отталкиваль,

Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія.

Вслѣдъ идутъ тѣ приворотники, придверники,

Князю солнышку велику жалобу творять:

„Гой ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!

Какъ пришелъ удала скоморошина,

У воротъ не спрашиваль онъ приворотниковъ,

У дверей не спрашиваль придверниковъ,

Всѣхъ разбилъ насъ, въ-зашей прочь отталкиваль,

Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія.“

„Ай же ты, удала скоморошина!

Ты зачѣмъ не спрашиваль да приворотниковъ,

Ты зачѣмъ не спрашиваль придверниковъ,

А разбилъ ихъ въ-зашей прочь отталкиваль,

Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія?“

Скоморошина къ рѣчамъ не принимается,

Скоморошина рѣчей не слушаетъ:

„Здравствуй, солнышко Владиміръ князь

Со своимъ со княземъ новобрачнымъ,

Со своей княгиней новобрачною!

А скажи-ка, сударь, уважи-ка намъ,

Гдѣ-то наше мѣсто скоморошное?“

Отвѣчаетъ съ сердцемъ солнышко Владиміръ князь

„Ваше мѣсто скоморошное

Что на печкѣ на муравленой, на запечкѣ!“

Скоморошина тѣмъ мѣстомъ не побрѣзгиваль,

Пó край печеньки садился да муравленой,

Положилъ гусѣлышки ярѣвчаты

На свои колѣна молодецкія,

Учалъ-почалъ струночки налаживать,
Учалъ да по струночкамъ похаживать,
Самъ подъ струнки голоскомъ поваживать:
Сыгрыши выигрывалъ хорóшенъки
Что отъ Кіева да до Царя-града,
Наигрышь все бралъ изъ Кіева,
Всѣхъ пойменно отъ стараго до малаго.
На пиру кругомъ всѣ приумолкнули,
За столомъ кругомъ всѣ позаслушались,
Сами говорятъ промежь себя:

„А не быть же то удалой скоморошинѣ,
Быть какому ни есть добру мѡлодцу,
Святорусскому могучему богатырю!“

Говоритъ княгиня новобрачная,
Молода Настасья дочь Микулична:

„Какъ игралъ таковой игрой мой прежній мужъ,
Прежній мужъ мой, молодой Добрынюше.“

Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай же ты, удала скоморошина!

За твою игру да за веселую
Опускайся-ка теперь ты съ печи-запечка,
Да садись-ка съ нами за дубовый столъ.
Дамъ тебѣ три мѣста я по выбору:
Перво мѣсто—хоть подлѣ меня,
Друго мѣсто—супротивъ меня,
Третье мѣсто—куда самъ захошь,
Куда самъ захошь, пожалуешь.“

Не садился скоморошина подлѣ князя,
Не садился онъ и супротивъ князя,
Сѣлъ онъ супротивъ княгини новобрачной,
Супротивъ Настасьюшки Микуличны.
Говоритъ удала скоморошина:

„Ай ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
А благослови-ка ты меня теперь

Чару зеленá вина налить,
 Поднести, кому я самъ задумаю,
 Кому самъ задумаю. кого пожалую.“

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай же ты, уда́ла скоморошина!
 Какъ дана тебѣ у насъ повольея вольная,
 Чтò задумаешь, то и твори теперь.“

Наливалъ уда́ла скоморошина

Полну чару зеленá вина,
 Опущалъ во чару свой злачѣнь перстень,
 Подносилъ княгинѣ новобрачной:

„Ай же ты, молоденька княгинюшка!

А испей-ка ты отъ насъ да зеленá вина.“

Молода Настасья дочь Мигулична

Брала чару во бѣлы ручки,
 Подносила ко устамъ сахарнымъ.

Говорить уда́ла скоморошина:

„Хошь видать добра—такъ допивай до дна,
 Не допьешь до дна—такъ не видать добра.“

Молода Настасья дочь Мигулична

Выпивала чарочку до доньшка:

Ко устамъ ея сахарнымъ

Прикатился тотъ злачѣнь перстень,

И узнала въ немъ она перстень, коимъ

Въ церкви божіей съ Добрыней обручалася;

Поклонилась князю, говоритъ сама:

„Ахъ ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!

Анъ не тотъ мой мужъ вѣдь, чтò возлъ меня,

Тотъ мой мужъ, чтò супротивъ меня.“

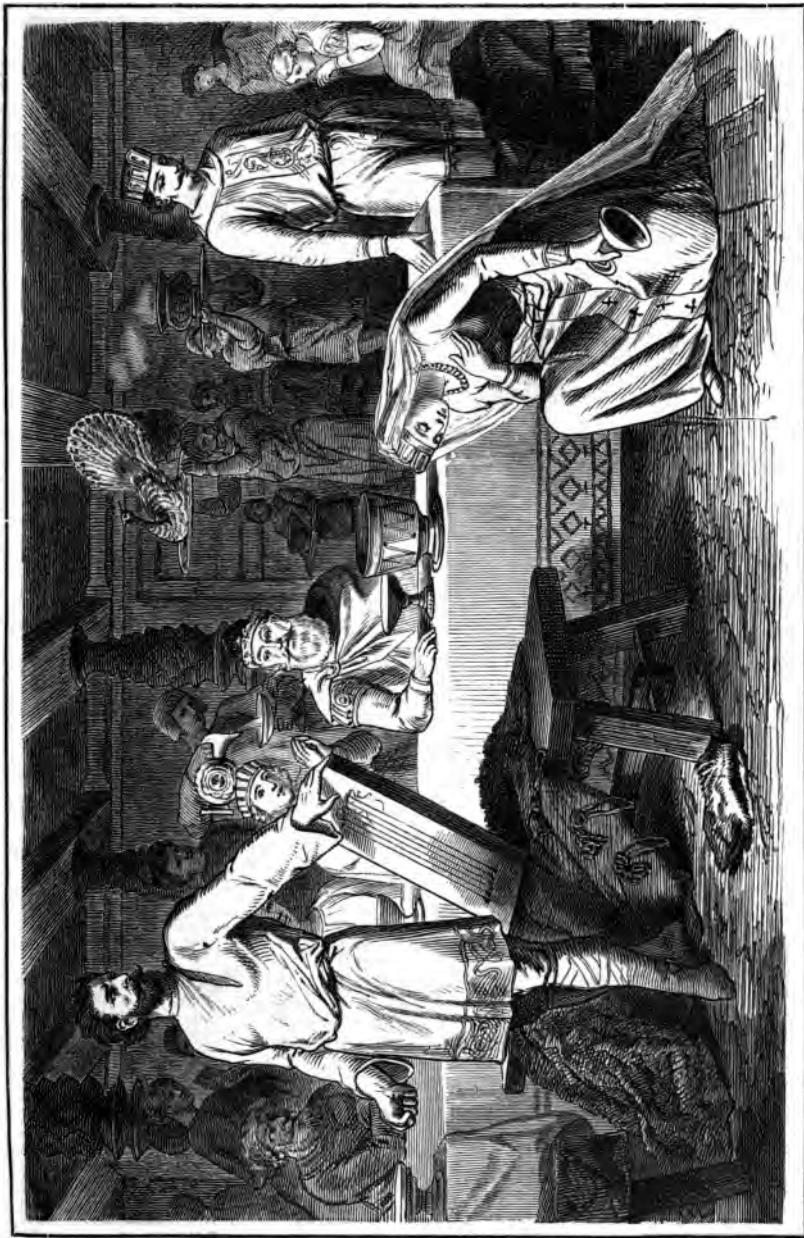
Выходила вонъ изъ-за столовъ дубовыхъ,

Пала мужу ко рѣзвѣмъ ногамъ:

„Ты прости, прости меня, моя державушка,

Во винѣ моей прости. во женской глупости,

Чтò наказа твоего я не послушалась,

„Ты прости, прости меня, моя державушка,
Во винѣ моей прости, во женской глупости,
Что наказа твоего я не послушалась,
За Алешку за Поповича замужъ пошла.“

За Алешку за Поповича замужъ пошла.
 Не охотою берутъ меня, не честію,
 Силою берутъ меня, неволею.“

Говоритъ Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Не дивуюсь разуму я женскому:
 Волось бабій дологъ, умъ-то коротокъ;
 Я дивуюсь братцу своему названому:
 Отъ жива мужа жену беретъ;
 Я въ-другихъ дивуюсь князю солнышку
 Со княгинею его съ Апраксіей:
 Я за нихъ съ Невѣжей въ полѣ ратился,
 Всѣ очистилъ имъ дороги прямоѣзжія,
 На заставѣ простоялъ двѣнадцать лѣтъ,
 А они мою жену законную
 Отъ жива мужа другому сватаютъ.“

Князю со княгинею ко стыду пришло:

Утопили очи во кирпичать полѣ.

А Алешенька Леонтьевичъ

Паль Добрынѣ ко рѣзвѣмъ ногамъ:

„Ты прости, прости меня, названный братецъ мой,
 Что садился я въ твоей ко молодой женѣ,
 Ко Настасѣ дочери Микуличнѣ!“

„Ай же ты, названный братецъ мой,
 Молодой Алешенька Леонтьевичъ!

Какъ во той винѣ тебя Господь простить,

Во другой винѣ я не прощу тебя:

Ты зачѣмъ привезъ имъ со чиста поля

Невеселу вѣсточку, нерадостну:

Что побить лежитъ Добрыня во чистомъ полѣ?

Ты слезилъ мою родитель-матушку,

Ты скорбилъ лицо ей бѣлое,

Тяжелешенько она по сынѣ плакала.

Этой-то вины мнѣ не простить тебѣ!“

Ухватилъ онъ тутъ Алешку за желты вудри,

Держить за желты вудри одной рукой,
 Во другой рукѣ гусѣлышки яровчаты:
 Сталь по гриднѣ по столовой съ нимъ похаживать,
 За желты вудри его поваживать,
 Звонкими гусѣлышками да охаживать.
 Сталь Алешенька Леонтьевичъ поохивать,
 Да отъ буханья не слышно было оханья.

Быль въ пиру-бесѣдѣ старый Илья Муромецъ,
 Бралъ Добрыню онъ за плечи за могучія,
 Говорилъ да таковы слова:

„Не убей-ка за напраслину богатыря;
 Хоть онъ силою не силенъ, да напускомъ смѣль.“

Отпустилъ Добрыня братца тутъ со бѣлыхъ рукъ,
 Бралъ за праву ручку молодую жену,
 Цѣловалъ въ уста сахарныя,
 Да повелъ въ свои палаты бѣлокаменны.
 Смотрить та честная вдова старушенька:
 Какъ не зоренька румяная поробсвѣла,
 Какъ не звѣзды частыя разсѣпались —
 Какъ свѣтѣль мѣсяцъ во горенѣ поробсвѣтилъ,
 Красно солнышко во горенѣ поробспело.

А Алешенька у князя на честномъ пиру
 По край лавочки садился, самъ поохивалъ,
 Самъ поохивалъ да приговаривалъ:

„Всякій-то на свѣтѣ женится,
 Да не всякому женитьба удается-то:
 Удалась женитьба лишь Добрынюшкѣ
 Да еще тому Ставрѣ Годинову.“

Только-то Алеша и женатъ бывалъ,
 Только-то Алеша и съ женой живалъ!

БЫЛИНА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

Какъ не ясны совопы съ чиста поля
Во одно мѣсто слеталися —
Какъ всѣ русскіе могучіе богатыри
Во одно мѣсто съѣзжались,
Къ князю солнышку да на почѣстенъ пирь.
На пиру всѣ ѣли, наѣдались,
На честномъ всѣ пили, напивались,
А и всѣ другъ передъ другомъ порасхвастались.
Порасхвастался и солнышко Владиміръ князь:
„У меня, у князя у Владиміра,
Есть три славныхъ могучіихъ богатыря:
Есть матѣрый, старый Илья Муромецъ,
Есть Добрынюша Никитичъ младъ,
Есть Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ. (69)
Ѣздили всѣ трое за синѣ море,
Поворили языки невѣрные,
Прибавляли мнѣ земельки святорусскія;
А Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Настрѣлялъ еще дорогою въ моему столу
Гусей-лѣбедей да малыхъ уточекъ.
Гой еси, Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
Сослужи-ка во другой мнѣ эту службу,
Съѣзди-ка опять ко морю синему

Да ко тёплымъ, тихимъ заводамъ,
 Настрѣлай-ка бѣлыхъ гусей-лебедей,
 Перелётныхъ, сѣрыхъ, малыхъ уточекъ
 Къ моему обѣду княженецкому:
 Дó-люби я мóлодца пожалую.“

Тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
 Не допивши пива, зеленá вина,
 Богу молится да съ гридни вонъ идетъ.
 Скоро мóлодецъ садится на добрá коня;
 Только видѣли, какъ за ворóта выѣхаль—
 Во чистóмъ полѣ лишъ пылъ столбомъ.

А и будетъ онъ у мóря синяго,
 На его на счастье на великое
 Привалила птица ко вртуому берегу:
 Настрѣляль онъ бѣлыхъ гусей-лебедей,
 Перелётныхъ, сѣрыхъ, малыхъ уточекъ.
 Хочеть ѣхать ужъ отъ моря синяго,
 Посмотрѣть еще на тихія на заводи—
 Увидалъ: плыветь волода бѣлодúбова,
 На володѣ—бѣлая лебѣдушка.
 Черезъ пѣрышко лебѣдушка вся зóлота,
 А головка краснымъ золотомъ увѣвана,
 Святнымъ жемчугомъ поизнасáжена.

Вынимаетъ Пóтыкъ изъ налушна тúгой лузъ,
 Вынимаетъ изъ колчана каленú стрѣлу,
 Тúгой лузъ беретъ во ручку лѣвую,
 Каленú стрѣлу беретъ во правую,
 Налагаетъ на тетівочку шелкóвую,
 Тúгой лузъ потягиваетъ за ухо,
 Каленú стрѣлу до семи чётвертей;
 Заскрипѣли полосы булатныя
 И завыли роги у тугá лука,
 Чуть былó—и спустить каленú стрѣлу...
 Какъ провѣщится тутъ лебедь бѣлая,

Прозвѣчится языкомъ человѣческимъ:

„Душечка Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!

Не стрѣлай меня ты, бѣлой лебеди,

Я не есть вѣдь лебедь бѣлая,

А я есть вѣдь красна дѣвица,

Лебедь бѣлая Авдотья Лиходѣвна, ⁽⁷⁰⁾

Королевична Подблянка.

Не убей-ка ты меня, Подблянки,

А возьми-ка ты меня въ замужество.“

Поднималась тутъ отъ моря синяго

На своихъ на крыльяхъ лебединныхъ,

Вылетала на крутой берѣгъ лебедушкой,

Обернулась душою красной дѣвицей.

Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ

Какъ вотенетъ копье въ сырú землю,

Привязалъ коня да за острó копье,

Подошелъ ко красной дѣвицѣ,

Бралъ ее за ручки бѣлыя,

За тѣ перстни золочѣные,

Цѣловать хотѣлъ въ уста сахарныя.

Говоритъ Михайлѣ красна дѣвица,

Лебедь бѣлая Авдотья Лиходѣвна:

„Ай, Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!

Не цѣлуй-ка ты меня да красной дѣвицы:

У меня уста поганья,

Я вѣдь роду есть невѣрнаго,

Я невѣрнаго есть роду, некрещѣная.

Какъ свезешь меня во стольный Кíевъ градъ,

Приведешь во вѣрушку крещѣную,

Въ церкви божьей мы съ тобою повѣнчаемся,

Да тогда съ тобой и нацѣлуемся.“

Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ

Бралъ ее за ручушки за бѣлыя,

За тѣ перстни золочѣные,

Посадила въ себѣ да на добра коня,
Да повезъ во стольный Кіевъ градъ.

А и будетъ онъ во стольномъ Кіевѣ,
Пріѣзжалъ на княженецкій дворъ,
Подъѣзжалъ въ крылечку красному,
Соскочилъ скорѣнько со добра коня,
Проходилъ во гридню свѣтлую,
Помолился Спасу образу,
Повлонился князю со княгинею
И на всѣ на три-четыре стороны:

„Здравствуешь ты, ласковый Владиміръ князь!

Сослужилъ тебѣ я службу,
Настрѣлялъ тебѣ я гусей-лѣбедей,
Перелѣтныхъ, малыхъ уточекъ;
Самъ себѣ добылъ обрѣчницу,
Лебедь бѣлую Авдотью Лиходѣвну.“

„Ай, Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!

Чѣмъ тебя мнѣ на-скоро пожаловать?
Городами ли со пригородками,
Али селами да со присѣлками?“

„Мнѣ не надо городовъ со пригородками,

Мнѣ и сель не надо со присѣлками,
Дай-ва только мнѣ повѣлечу великую
По царѣвымъ кабакамъ ходить,
Пить вино по кабакамъ безденежно,
Гдѣ пить кружкой, гдѣ полукружкой,
Гдѣ полуведромъ, гдѣ и цѣлымъ ведромъ.“⁽⁷¹⁾

Ласковый Владиміръ стольно-кіевскій

Далъ ему повелечу великую
По царѣвымъ кабакамъ ходить,
Пить вино по кабакамъ безденежно,
Гдѣ пить кружкой, гдѣ полукружкой,
Гдѣ полуведромъ, гдѣ и цѣлымъ ведромъ.

А и только лишь во церкви во соборной

Ко вечернѣ въ колоколъ ударили,
Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Съ бѣлой лебедью Авдотьей Лиходѣвной
Заходили въ матушку во церковь божію,
Службку вечернюю отслушали.
Тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Низко влѣбнится попамъ соборнымъ,
Чтобы дали обрученье съ красной дѣвицей;
А попы-то тому дѣлу радощны,
Своро дѣвицу крестили да молитвили,
Имя дали Марья Лебедь Бѣлая,
Обрученье дали ей съ Михайлушкой,
А и тутъ-же повѣнчали ихъ.
Молодые Богу помолилися,
Ко святымъ иконамъ приложилися,
Клади вмѣстѣ заповѣдь великую:
Кто изъ нихъ да напередъ помретъ,
То другому съ нимъ во гробъ живому лечь,
Во сырú землю идти да на три мѣсяца. (72)
Выходили съ матушки со церкви божіей,
Шли по славну городу по Кіеву,
Шли въ свои палаты бѣлокаменны,
Стали жить да быть, семью сводить.
Да не много же у нихъ житія было,
У Михайла Пóтыка Иванова
Съ молодой женою Марьей Лиходѣвной,
Всего-на-всего да полтора года.
Сталъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
По царѣвымъ кабакамъ ходить,
Пить вино по кабакамъ безденежно,
Гдѣ пить кружкой, гдѣ полукружкой,
Гдѣ полуведромъ, гдѣ и цѣлымъ ведромъ.
Захотѣла Марья Лебедь Бѣлая
Поискать надъ мужемъ мудрости:

Съ вечера ли расхворалася,
Ко полуночи ли разболѣлася,
А во ўтру и преставилась.
Прибѣгаетъ ко Михайлѣ во царевѣ кабагѣ (73)
Братъ названный, молодой Добрынюшка,
Говорить ему да таковыя слова:

„Ай, Михайло Пóтыкъ, братъ названный мой!
Ты здѣсь пьешь да прохлажаешься,
А твоя вѣдь молодá жена
Марья Лебедь Бѣлая преставилась.“

Какъ вскочилъ Михайло на рѣзвыя ноги,
Закричалъ Михайло во всю голову:

„Гой еси вы, братьица мои названные,
Старый Илья Муромецъ Ивановичъ,
А и ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Вы пойдите-ка ко брату ко названому
Пораздумать думу вѣрную.
Надо мнѣ исполнить заповѣдь великую,
Надо въ гробъ живому лечь съ покойницей,
Во сырú землю идти да на три мѣсяца.
Стройте-ка домóвище великое,
Чтобы можно было стоя стать,
Можно было бы и сидя сѣсть,
А при времечкѣ и лёжа лечь.
Да владите хлѣба-соли со водицею,
Чтобъ запасу было на три мѣсяца.“

Скоро эти братьица названные
Строили домóвище великое,
Чтобы можно было стоя стать,
Можно было бы и сидя сѣсть,
А при времечкѣ и лёжа лечь.
Самъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Шель скорымъ-скорó ко кузницамъ,
Приказалъ ковать влещи желѣзныя,

Трое прутьевъ да желѣзныхъ,
Трое прутьевъ оловянныхъ,
Да еще ли трое мѣдныхъ.
Шель тогда въ пошамъ соборнымъ,
Вѣсть подать, что молода жена преставилась.
Приказали тутъ попы соборные
Тѣло мертвое во церви на саняхъ привезть, (74)
На церковной паперти поставити.
Стали-зачали копать могилушеу,
Выкопали пребольшую, преглубую,
Глубиной да шириной по двадцати сажень.
Собиралися попы да дьяконы
Со всѣмъ причетомъ церковнымъ,
Погребали тѣло Марьино,
Опускали со домовищемъ великимъ
Въ ту могилу преглубую.
Опускался во сырѹ землю за тѣломъ мертвымъ
И Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
Бралъ съ собой влещи желѣзныя.
Трое прутьевъ да желѣзныхъ,
Трое прутьевъ оловянныхъ,
Да еще ли трое мѣдныхъ.
А тѣ братьица названые
Клади хлѣба-соли со водицею,
Чтобъ запасу было на три мѣсяца,
Клади свѣчи воску яраго да ладану;
Набивали обручи желѣзные
На домовище великое,
Желтыми песками позасѣпали,
Надъ могилой деревянный крестъ поставили,
Только мѣсто для верѣвочки оставили,
А была верѣвочка привязана
Ко тому ко воловолу ко соборному.

И сидитъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,

Съ полудня сидить въ могилѣ до полуночи;
Ради страху ли добывъ огня,
Зажигаетъ свѣчи воску яраго.
Какъ приходитъ время полунѣчное,
Подплыла змѣя да подземельная;
Разъ лизнѣтъ домѣвище—надлѣзнула,
Обручи желѣзные полопались;
Во другой лизнѣтъ—пролѣзнула,
Рядъ дубѣва тѣсу сдѣрнула;
Въ третій разъ лизнѣтъ—во гробъ плыветъ.
Увидала тутъ Михайла съ молодой женой,
Взвеселилась, взрадовалась:

„А и буду же я нынче сытая,
Сытая я буду, неголодная:
Есть одно ли тѣло мертвое,
А другое ли живое человѣческо.“

Да Михайлушко на то не робѣть былъ:

Вынималъ влещи желѣзные,
Захватилъ въ влещи змѣю проклятую,
Зачалъ сѣчь злодѣйку прутьями желѣзными,
Расхлысталъ всѣ прутья да желѣзные;
Принимается за прутья оловянные,
Расхлысталъ и прутья оловянные;
Принимается за прутья мѣдные...
Повлонила къ нему змѣя, взмолилася:

„Ай же ты, Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!
Не сѣки меня, змѣю, ты на умѣртвѣе,
А спусти меня, змѣю, ко морю синему,
Дамъ тебѣ я заповѣдь великую:
Принести тебѣ живой воды,
Оживить тебѣ жену-красавицу,
Молодую Марью Лебедь Бѣлую.“

Говорить Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ:

„Ай же ты, змѣя лукавая!

Ты отдай-ка мнѣ въ залогъ змѣнышей.“

Отдала ему змѣя въ залогъ змѣнышей,
 Поплыла сама подземельемъ ко морю синему,
 Принесла ему живой воды.
 Какъ возьмётъ за шейку онъ змѣныша,
 Ступить ножкою на хвостъ змѣнышу—
 Пораздёрнулъ на-двое змѣныша;
 Какъ приложить во одно мѣсто по старому,
 Разъ брызнётъ—и сросся онъ по старому,
 Во другой брызнётъ—зашевелился онъ,
 Въ третій разъ брызнётъ—поплылъ изъ гроба вонъ.
 Молодую Марью Лебедь Бѣлую
 Разъ брызнётъ—въ ней кровь зайграла,
 Во другой брызнётъ—зашевелилася,
 Въ третій разъ брызнётъ—повыстала,
 Проглаголила да таковы слова:

„Фу-фу-фу, а долго же проспала я!“

Говорить Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:

„Безъ меня бы ты и вѣкъ спала.“

За верёвочку ударилъ въ колоколь—

Услыхалъ соборный трапезникъ,
 Побѣжалъ къ могилѣ Марьиной—
 Анъ ко волоколу ко соборному
 Изъ земли верёвочка торгáется.
 Какъ вскричалъ Михайло во всю голову—
 Мать-сыра земля заколыбалася,
 Теремки задрогли, зашатались,
 Весь народъ во Кіевѣ ужáхнулся,
 Собирается къ могилѣ да дивуется:

„Что за диво подъ землею дѣется?

Закричали разомъ всѣ покойнички!“

Говорить тутъ старый Илья Муромецъ

Молоду Добрынюшеѣ Нивитичу:

„Видно же, то братецъ нашъ названый есть;

Во сырѣй землѣ не долго пѣжилось:
Душно, звать, въ могилѣ съ тѣломъ мертвымъ,
И кричить онъ богатырскимъ голосомъ.“

Стали разрывать могилу скоро-на-скоро,
Опускали лѣстницы великія;
Возстаетъ на бѣлый свѣтъ Михайлушко,
Молоду жену самъ за рукавъ ведетъ,
Съ братьями назваными цѣлуется.
Объявили тутъ попамъ соборнымъ;
Поновили молодыхъ святой водой, ⁽⁷⁵⁾
Приказали жить имъ да по старому;
Стали жить они да долго здравствовать,
Межь собою времечко корѣтати. ⁽⁷⁶⁾

А когда Михайло живучи состарѣлся,
Живучи состарѣлся да и преставился,
Вспомнили тогда попы соборные
Прежнюю ихъ заповѣдь великую,
Стали хоронить Михайла Пѣтыва,
Да зарыли съ нимъ живую во сырѣю землю
И жену его—ту Лебедь Бѣлую,
Молодую Марью Лиходѣвну.

Съ этихъ поръ имъ стала память вѣчная.

БЫЛИНА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОКОЛЬНИКЪ.

Кто бы намъ сказалъ еще про старое,
Что про старое да про бывалое,
Про того Илью про Муромца?

* *
*

Какъ стояла во чистомъ полѣ подь Кіевомъ,
За пятнадцать мѣрныхъ версть отъ города
Крѣпкая застава богатырская,
Святорусскихъ двѣнадцать ли богатырей:
Во-первыхъ—удалый старый Илья Муромецъ,
Во-вторыхъ—Добрынюшка Никитичъ младъ,
Во-третьихъ—Алешенька Поповскій сынъ,
Во-четвертыхъ—Гришенька Боярскій сынъ,
Во-пятыхъ—Васька Долгополыстый, (77)
Во-шестыхъ—семь молодыхъ братовъ Сбродовичей,
Да еще ли мужики Залѣшане.
Простояли во чистомъ полѣ по три года,
Ничего въ чистомъ полѣ не видѣли:
Мимо ихъ никто пѣхотой не прохаживаль,
На добромъ конѣ никто да не проѣзживаль,
Птица черный воронъ не пролѣтываль,
Сѣрый звѣрь да не прорыскиваль.

Третій годъ ли на проходѣ сталь,
 А четвертый ходить по наўличью.
 Пораздѣрнули богатыри бѣлой шатеръ,
 Стали во шатрѣ да опочивъ держать;
 Спали дологъ день до вечера,
 Ночку тѣмную да до бѣла свѣта.
 На зарѣ на ранней зорюшкѣ,
 На разсвѣтѣ свѣту бѣлаго,
 На восходѣ солнца яснаго,
 Налетала на шатеръ тутъ птица вѣщая,
 Птица вѣщая да черный вранъ,
 Жалобнёшенько проваркала.
 Пробудился старый Илья Муромецъ,
 Будить молода Добрынюшку Никитича:
 „Ай ты, братецъ мой, Добрынюшка Никитичъ мле
 Возставай-ка на рѣзвыя ноги.
 Чтó надъ нашимъ надъ шатромъ подѣлалось?
 Налетала на шатеръ вѣдь птица вѣщая,
 Птица вѣщая да черный вранъ,
 Жалобнёшенько проваркала;
 Видно, сказывала вѣсточку нерадостну.
 Выходи-ка со бѣла шатра,
 Погляди-ка по дорогѣ прямоѣзжой:
 Не проѣхала ли поленица тутъ,
 Не подходить ли подъ вѣней лютой звѣрь?“
 Повскочилъ Добрыня на рѣзвыя ноги,
 Выбѣгаетъ скоро со бѣла шатра;
 Смотритъ по дорогѣ прямоѣзжой—
 Увидаль середь дороги ископытъ,
 Ископытъ великую—во полъ-печи.
 Сталь онъ ископытъ досматривать:
 Ископытъ—могуча богатырская.
 Прибѣгаль назадъ онъ во бѣлой шатеръ,
 Говоритъ да таковыя слова:

„Гой еси вы, братьица мои, товарищи!
Пробуждайтесь-ка отъ крѣпка сна!
Что мы на заставушкѣ устояли?
Что мы на заставушкѣ углядѣли?
Богатырь могучій вѣдь проѣхалъ мимо насъ!“

Возставали тутъ товарищи отъ крѣпка сна,
Собирались во побѣдный кругъ,
Стали думать думу крѣпкую:
Ужь кому-то ѣхать за богатыремъ,
Распросить объ имени, объ отчинѣ,
Силы у богатыря отвѣдати?
Выходилъ удалый старшій Илья Муромецъ,
Говорилъ да таковыя слова:

„Не послать ли мужиковъ Залѣшаньевъ?
Мужики Залѣшане—бѣда дремать,
Анъ продремлютъ во чистомъ полѣ богатыря.
Не послать ли семь братовъ Сбродовичей?
Все ребята-то молбеньки—бѣда зѣвать,
Прозѣваютъ во чистомъ полѣ богатыря.
Не послать ли Ваську Долгополага?
Полы-то у Васьки длинныя:
На ходу въ полахъ онъ заплетается,
На бою въ полахъ онъ замѣшается—
Потеряетъ даромъ буйну голову.
Не послать ли Гришеньку Боярсаго?
Рода онъ боярсаго, хвастливаго:
На бою, на дракѣ призахвѣстнется—
Даромъ же положить буйну голову.
Не послать ли хоть Алешеньку Поповича?
Нраву онъ захлыщева, зарывчата:
Изорветъ онъ силу до богатыря—
Погинѣтъ Алеша понапрасному.
Ужь пошлемъ-ка мы Добрынюшку Никитича:
Знаетъ со богатыремъ онъ съѣхаться,

Знаеть онъ богатырю и честь отдать.“

Посылали тутъ Добрынюшку Нивитича.

Скоро онъ, Добрынюшка, коня сѣдлалъ,

Скоро онъ садился на добра коня,

Скоро выѣзжалъ да во чисто поле.

Посмотрѣлъ изъ кулака изъ молодецкаго:⁽⁷⁸⁾

Видитъ на полѣ чернизину;

Ѣдетъ прямо на чернизину,

Догоняетъ въ полѣ добра мѣлнца.

Хороша управа молодецкая,

Хороши доспѣхи богатырскіе:

Конь подъ мѣлнцемъ какъ лютый звѣрь,

Свои скачетъ по цѣлой верстѣ,

Слѣдъ вымѣтываетъ да во полѣ-печи,

Изъ рта-то у коня огонь пышетъ,

Изъ ноздрей-то искры сыплются,

Изъ ушей-то дымъ кудрявъ встаетъ.

А шеломъ на мѣлнцѣ какъ жаръ горитъ,

На конѣ уздечка какъ лучи пекутъ,

Отъ стремянъ какъ звѣзды сыплются,

Отъ сѣдла какъ ясная заря встаетъ,

Ясная заря да утрення.

Съ лѣва стремени борзой выжлецъ бѣжитъ,

На правѣмъ плечѣ ясень соколъ сидитъ,

По одной рукѣ ли соловей летитъ,

По другой ли жавроленочекъ,

Перелѣтываютъ съ руки на руку,

Перенашиваютъ свисты съ уха на ухо,

Улещаютъ, спотѣшаютъ добра мѣлнца;

Самъ сидитъ онъ на добромъ конѣ да тѣшитъ,

Шутѣчки пошучиваетъ молодецкія:

Боевую палицу беретъ одной рукой,

Какъ перомъ играетъ лебединымъ,

Вверхъ видаетъ палицу подъ облако,

На лету подхватываетъ на бѣлыя руки,
Не допускиваетъ до сырой земли.

Увидалъ Добрыня добра мѣлодца,
Добра мѣлодца окликнулъ звонкимъ голосомъ:

„Ай же ты, проѣзжій добрый мѣлодецъ!
А зачѣмъ ты на заставу не заѣзживалъ,
А зачѣмъ ты у богатырей не спрашивалъ,
Набольшему Ильѣ Муромцу челомъ не билъ,
Грошей подорожныхъ въ казну не клалъ
На всю младшую на братію наборную?“

Какъ услышалъ добрый мѣлодецъ богатыря,
Поворачивалъ къ богатырю добра коня,
Напущался на младя Добрынюшу,
Заревѣлъ самъ, будто лютый звѣрь:
Отъ того отъ реву мѣлодцега
Всколыбалася сыра земля,
Выливалася изъ рѣбъ вода,
Добрый конь Добрынинъ опарашился,
Самъ Добрыня на конѣ устрѣшился,
Богу Господу возмѣлился,
Мати пресвятая Богородицѣ:

„Унеси меня отъ скорой смерти, Господи!“

Подъ Добрыней конь посправился,
Скоро ко заставѣ поворотъ держалъ.
Пріѣзжалъ Добрыня ко товарищамъ,
Говорилъ товарищамъ, рассказывалъ:
„Какъ нагналъ я въ полѣ добра мѣлодца,
Сталъ его вывѣдывать, выпрашивать,
Тутъ коня ко мнѣ онъ поворачивалъ,
Напущался на меня, Добрынюшу,
Заревѣлъ самъ, будто лютый звѣрь:
Всколыбалася сыра земля,
Выливалася изъ рѣбъ вода,
Добрый конь мой опарашился,

Самъ я на конѣ устрѣшилсѣ,
 Богу Господу возмѣлился:
 — Унеси меня отъ скорой смерти, Господи! —
 Подо мною конь посправилсѣ,
 Скоро во заставѣ поворотъ держалъ.“
 Говоритъ Добрыня старый Илья Муромецъ:
 „Коли ты уѣхалъ отъ богатыря,
 Намъ тебя въ товарищи не надобно!
 Поѣзжай-ка ты назадъ во Кіевъ градъ,
 Къ молодой женѣ, ко старой матери. .
 Ай вы, братьица мои крестовые!
 Кто изъ васъ изъ всѣхъ удалѣе,
 У кого конь порыскачѣе,
 За невѣдомымъ богатыремъ поѣхати,
 Распросить его объ имени, объ отчинѣ,
 Если русскій богатырь — то побрататься съ нимъ,
 А невѣрный — поразвѣдаться?“
 Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
 „Я, Алеша, братцы, поудалѣй всѣхъ,
 У меня конь порыскачѣе.“
 Скоро сѣлъ Алеша на добра коня,
 Скоро ѣдетъ во чисто поле,
 Догоняетъ въ полѣ добра мѣлодца,
 Окликаетъ мѣлодца да во всю голову:
 „Ты постой, постой, проѣзжая дѣтинушка!
 Богатырь ли свѣторусскій ты,
 Али деревенщина-засельщина?
 Можетъ, ты коня укралъ аль мужика убилъ,
 А сюда заѣхалъ — хвастаешь,
 Чужимъ именемъ, нахвальщикъ, называешься?“
 Какъ нахвальщику тутъ за бѣду стало,
 За великую досаду показалося.
 Поворачивалъ коня онъ, какъ люта звѣря,
 На Алешу на Поповича,

Бралъ Алешу за бѣлыя руки,
Снялъ Алешу со добра коня,
Вынулъ шелепугу подорожную,
Шелепугою стегалъ его,
На добра коня садилъ опять,
Самъ Алешѣ приговаривалъ:

„Ай же ты, шишира деревенская!
Ужь тебѣ ли ѣздить во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ да на добромъ конѣ?
Жилъ бы ты въ деревнѣ, деревенщина,
Пасъ бы ты въ деревнѣ гусей-лѣбедей,
Сѣрыхъ пернатыхъ утушекъ.“

Ѣдетъ пьянъ Алешенька, шатается,
Ко лужѣ сѣдельной приклоняется.
Увидалъ Алешу Илья Муромецъ:

„Говорилъ тебѣ, Алеша, я, наказывалъ:
Ты не пей, Алеша, зеленá вина,
Ты не кушай сладкихъ кушаньевъ.“

Отвѣчаетъ младъ Алеша Ильѣ Муромцу:

„Радъ бы я не пити зеленá вина,
Радъ бы я не кушать сладкихъ кушаньевъ:
Напоилъ меня нахвальщикъ дѣ-пьяна,
Накормилъ меня онъ дѣ-сыта.
Тою шелепугой подорожною.“

Говоритъ тутъ старый Илья Муромецъ:

„Ужь ты старость, старость богатырская!
Малое-то бѣльшимъ замѣняется,
Бѣльшему-то нѣкъмъ замѣнитися.
Видно, кромѣ старика, ужъ ѣхать некому!
Ай вы, братица мои крестовые!
Поѣзжайте-ка раздольцемъ чистымъ полемъ,
Заѣзжайте-ка на гору на высокую,
Посмотрите-ка на драку богатырскую:
Будетъ надо мною безвременице—

Поспѣвайте, братъица, на выруку.“

И выходитъ старый со бѣла шатра,
Обряжаетъ бурушку добра коня,
Обряжаетъ скоро-на-скоро,
Скоро-на-скоро да врѣшко-на-врѣшко;
И садится на добра коня,
Выѣзжаетъ во чисто поле,
Нагоняетъ добра мѡлодца нахвальщика.
А нахвальщикъ ѣдетъ на добромъ конѣ,
Потѣшается утѣхой молодецкою:
Мечетъ острое копьѣ въ поднѣбесье,
Говорить самъ, похваляется:

„Какъ легко вертѣтъ мнѣ острымъ копьемъ,
Также будетъ мнѣ вертѣтъ Ильею Муромцемъ!“

Подѣзжалъ къ нему Ильюша со бѣла лица,
Становилъ его да супротивъ себя,
Говорить ему да таковы слова:

„Гой еси ты, добрый мѡлодецъ!
Что ты рано похваляешься?
Не улѡва птицы, теребишь ее,
На сваривши птицы, Богу молишься? (79)
Поразѣдемся-ка со чиста поля
На своихъ на вѣняхъ богатырскихъ,
Приударимъ-ка во палицы булатныя,
Силушки другъ у друга отвѣдаемъ.“

Какъ борзаго выжлеца тутъ добрый мѡлодецъ
Ото стремени отвязывалъ,
Самъ ли выжлецу наказывалъ:

„Ужь ты бѣгай-ка, выжлецъ, да по темнымъ лѣсамъ,
Самъ корми-ка свою буйну голову:
Какъ ужъ мнѣ не до тебя пришло.“

Ясна сокола съ плеча сопускивалъ,
Самъ ли ясну соволу наказывалъ:

„Ты лети-ка, соколь, на синѣ море,

XLII. ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОКОЛЬНИКЪ.

Стр. 260.

„Какъ легко вертѣтъ мнѣ острыймъ копьемъ,
Также будетъ мнѣ вертѣтъ Ильєю Муромцемъ!“

Самъ корми-ка свою буйну голову:
Какъ ужъ мнѣ не до тебя пришло.“

Не двѣ грозны тучушки затѣчились,
Не двѣ горы вмѣстѣ содвигались—
Два могучіихъ богатыря съѣзжались
На своихъ на коняхъ богатырскихъ.
Въ первый разъ они сразились,
Приударили во палицы булатныя,
Били другъ друга да по бѣлымъ грудямъ,
Били другъ друга да не жалючи,
А со всею силой богатырскою—
Палицы во кольцахъ попригнулися,
Отломилися по маковкамъ.
У богатырей доспѣхи были крѣпкіе,
Другъ друга они не сшибли со добрыхъ коней,
Другъ друга не побили, не ранили,
Ни котораго мѣстечка не кровавили.

Становили коней богатырскихъ,
Говорили сами промеждѣ собой:

„Какъ намъ силушки другъ у друга отвѣдати?

Поразѣдемся-ка со чиста поля
На своихъ на коняхъ богатырскихъ,
Приударимъ-ка во копы мурземецкія,
Тутъ другъ у друга мы силушки отвѣдаемъ.“

Поразѣхались на добрыхъ коняхъ,
Во другой съѣзжались, сразились,
Приударили во копы мурземецкія,
Били другъ друга да не жалючи,
Не жалючи да по бѣлымъ грудямъ—
Копы въ чивьяхъ поломалися,
Другъ друга они не ранили,
Только оба изъ сѣделъ попадали. ⁽⁸⁰⁾
Становились скоро на рѣзвыя ноги,
Говорили сами промеждѣ собой:

„Какъ еще намъ силушки отвѣдати?
Будемъ биться плотнымъ боемъ-рукопашкою,
Тутъ другъ у друга мы силушки отвѣдаемъ.“

Разошлись, разбѣжались,
Захватились плотнымъ боемъ-рукопашкою,
Другъ съ другомъ ломались, водились,
Съ вечера водились до полуночи,
Со полуночи водились до бѣла свѣта,
По колѣна въ землю приобмялися.
У Ильи-то права ножка оватѣлася,
Лѣва ножка подломила;,
Подхватилъ его нахвальщикъ со коса бедра,
Опустилъ на матушку-сыру землю,
И ступилъ ему на бѣлу грудь;
Бралъ тогда рогатину звѣриную,
Заносилъ да руку правую,
Заносилъ да выше головы,
Опустить хотѣлъ да ниже пояса...
На бою-то смерть Ильѣ не писана,
Застоялась во плечѣ рука у молодца,
Помутился свѣтъ во ясныхъ очушкахъ,
Сталъ нахвальщикъ надъ Ильею издѣваться:

„Ай ты, старая базыга, ты сѣдатый пѣсь!
Ужъ тебѣ ли ѣздить во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ да на добромъ конѣ?
Развѣ не вѣмъ старичинѣ замѣнитися?
Ты поставилъ бы келѣйку по дороженьѣ,
Собиралъ бы во келейкѣ по полупечкѣ:
Тѣмъ бы старичина и животъ питаль,
Тутъ бы старичина и животъ кончалъ.“

Какъ лежитъ Ильюша подъ богатыремъ,
Говорить самъ таковыя слова:

„А не ладно же было написано:
— Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому, —

А теперь лежитъ Ильюша подь богатыремъ.“

Разгорѣлось сердце богатырское,
Раскипѣлась кровь да молодецкая,
Лѣжа силы у Ильюши втрое прибыло;
Что не сѣрая утица востопѣрщится—
На землѣ Ильюша поворѣтится,
Замахнется правой ручушвой,
Да ударить во чернѣ груди ⁽⁸¹⁾ нахвальщива—
Мечеть мѣлодца подь вышину небесную,
Выше дерева стоячаго,
Ниже облака ходячаго.
Свѣту бѣлаго не взвидѣлъ мѣлодецъ,
И летить назадъ онъ во сырѣй землѣ.
На лету его Илья подхватываль
На свои на руки богатырсѣя,
Клалъ на матушку-сырѣю землю,
Самъ ему садился на чернѣ груди,
Бралъ въ бѣлы руки булатный ножъ,
Заносилъ да ручку правую,
Заносилъ да выше гѣловы,
Опустить хотѣлъ да ниже пояса.
Какъ, по божьему тутъ по велѣнью,
Застоялась во плечѣ рука Ильюшина,
Помутился свѣтъ во ясныхъ очушвахъ,
Сталъ онъ мѣлодца допрашивать,
Сталъ онъ мѣлодца вывѣдывать:

„Ай же ты, удалый добрый мѣлодецъ!
Ты скажись, скажись-ва, не утай себя,
Ты коѣй земли, коѣй орды,
Коегѣ отца да коѣй матушки?
Какъ тебя да именѣмъ зовуть,
Величаютъ по отечеству?“

А нахвальщикъ подь Илей лежитъ,—
Хоть мозги въ головѣ потрясаются,

Видь со ясныхъ очушевъ терается,
И рѣчиствъ языкъ мѣшается,—
Самъ Ильѣ такой отвѣтъ держить:

„Ай ты, старая базыга, ты сѣдатый пѣсь!
Какъ сидѣль бы у тебя я на бѣлой груди,
Какъ держалъ бы во рукѣ булатный ножъ,
Не спросилъ бы у тебя я роду-племени,
Не спросилъ бы у тебя отца и матери,
А пласталъ бы только бѣлу грудь тебѣ,
Доставалъ бы сердце да со печенью.“

Во другой ли разъ его Илья допрашивалъ,
Въ третій разъ его Илья вывѣдывалъ,
Не дождался отъ нахвальщика отвѣта онъ,
Заносилъ опять булатный ножъ,
Заносилъ да выше гѣловы,
Опустить хотѣлъ да ниже пояса.
Видитъ мѣлодецъ—конецъ пришелъ ему,
Не утѣился, сказался Ильѣ Муромцу:

„Ай же ты, удалый добрый мѣлодецъ,
Святорусскій богатырь да Илья Муромецъ!
Я такой земли, такой орды:
Отъ того отъ славнаго Латырь-моря,
Отъ того отъ камня да отъ Латыря,
Отъ той бабы отъ великой отъ Латыгорки, ⁽⁸²⁾
А по имени зовутъ Сокольниковъ.“ ⁽⁸³⁾

Какъ тутъ старый Илья Муромецъ
Скоро сходить со груди его,
Какъ беретъ его за ручки бѣлыя,
Какъ беретъ за перстни золочѣныя,
Какъ взимаетъ со сырѣй земли,
Какъ становить на рѣзвѣ ножи,
На рѣзвѣ ножи да супротивъ себя,
Какъ цѣлуется во уста сахарныя,
Называетъ врестничкомъ ⁽⁸⁴⁾ любимымъ,

Самъ-то плачетъ старый, гляючи на крестнича:
 „Здравствуйшь ты, мой любимый крестничеъ!
 Ъздиль я чистымъ полемъ поляковать,
 Повстрѣчался съ поленицею удаюю,
 Съ тою бабою великою Латыгоркой,
 Да какъ съѣхались на поединочѣ,
 Я побилъ ее на поединочѣ.
 Повинилась мнѣ Латыгорка, возмѣлилась,
 Стала звать во кумовья къ себѣ,
 И крестилъ я ей тебя, Сокольнича.
 Какъ поѣдешъ ты ко матушкѣ родимой,
 Ко моей кумѣ любимой,
 Отвези ей отъ Ильи поклоны низкіе.
 А теперъ намъ полно биться-ратиться,
 Послѣ бою-драки богатырскія
 Будемъ отдыхъ-опочивъ держать.“

И прилегъ Ильюша во чистомъ полѣ,
 На бугрѣ высокѣ, раскатистомъ,
 Послѣ бою-драки опочивъ держать.
 И заснулъ. Ильюша богатырскимъ сномъ,
 Богатырскимъ сномъ да на двѣнадцать дѣнь.
 А нахвальщицѣ, младѣ Сокольницѣ пораздумался:
 „Какъ поѣхаль я отъ рѣдной матушки,
 Отъ той бабы отъ великой отъ Латыгорки,
 Говорила мнѣ, наказывала рѣдная:
 — Ты попомни, чадо милое:
 Какъ поѣдешъ во чисто поле поляковать,
 Бейся во чистомъ полѣ со всякими,
 Да не бейся ты со старыми,
 Да не бейся со угрюмыми,
 Да не бейся съ невесѣлыми:
 Примешъ скорую ты смерть отъ стараго. —
 Ай ты, свѣтъ моя да рѣдна матушка!
 Какъ побилъ тебя старикъ на поединочѣ,

Самого за то предамъ я смерти скороей. "

Брать Сокольникъ рогатину звѣриную,
Билъ Илью рогатиною по бѣлой груди:

Спитъ Илья не пробуждается

Отъ того удара богатырскаго.

Надъ Ильюшей добрый конь стоитъ,

Ржетъ надъ нимъ да во всю голову,

Бьетъ копытомъ во сырѹ землю—

Спитъ Илья, не пробуждается

Отъ того отъ ржанья-топота.

Быль же у Ильюши крестъ на вѣротѣ,

Чудень крестъ во полтора пуда:

Погодился чудень крестъ Ильѣ.

Пробудился онъ отъ звона отъ крестоваго,

Вскинулъ вкругъ себя да ясны очушки—

А надъ нимъ стоитъ Сокольникъ,

Бьетъ его рогатиною по бѣлой груди.

Разгорѣлось сердце богатырское.

Раскишѣлась кровь да молодецкая:

Воспрянулъ Ильюша на рѣзвѣ ноги.

За желты кудри схватилъ Сокольника,

Опустилъ на мать-сырѹ землю.

Наступилъ ему на ножку правую.

Дернулъ молодца за ножку лѣвую—

На двое ли молодца порѣзорвалъ,

Раскидалъ кусочки по чистѹ полю—

Что одну ли половинку да сѣрѣмъ волкамъ,

А другую половинку чернымъ вѣронамъ,

Самъ проговорилъ да таковы слова:

— Было чадочко единое—крестное.

Да самимъ же чадо смерти предано!

Только-то Соколичку славы поють.

А Ильюшѣ слава не минуется.

Вѣкъ поють да по вѣку Ильюшеньку.

БЫЛИНА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

ТРИ ПОВЗДОЧКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Намъ не дорого пиво пьяное,
Намъ не дорого зеленó вино,
Дорогá намъ бесѣдушка смиренная.
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ они рѣчи хорошія
Про старое да про бывалое,
Про стараго Илью про Муромца.

* *
*

Ѣздилъ старый по чисту полю,
Ото младости Ѣздилъ до старости,
Ото старости до гробовой доски.
Да хорошъ былъ у стараго добрый конь,
Его маленькій бурушка косматенькій:
Хвостъ у батюшки-бурушки былъ трѣхъ сажень,
Грива трѣхъ локтей, а шерсть трѣхъ пядей.
Онъ у рѣкъ перевозу не спрашиваль,
Однимъ скокомъ онъ ихъ перескакиваль,
Широкій раздолья перерыскиваль,
Да отъ смерти стараго унашиваль.
Какъ не пылъ дорогóй запылилася,
Не туманъ да съ моря подымается,

Не бѣлы снѣжки въ полѣ забѣлѣлися—
 Какъ погуливаетъ старый во чистомъ полѣ,
 Забѣлѣлась его буйная головуша
 Со частой, сѣдой, мелвой бородушкой,
 Затуманился подъ нимъ его добрый конь,
 Запылилась за нимъ сила добрая.

Подѣзжаетъ старый къ тремъ дороженькамъ,
 Къ тремъ дороженькамъ да перекрѣсточкамъ,
 И лежитъ на перекрѣсточкахъ горючъ камень,

А на камешкѣ подпись подписана:

„Во дорожку ту ѣхать—богату быть,
 Во другую ѣхать—женату быть,
 А во третью ѣхать—убиту быть.“

Дивовался старый, головой качаль,

Головой качаль, проговариваль:

„Да я сколько по святой Руси ни ѣзживаль,

А такого чуда вѣкъ не видываль!

Ѣхать развѣ во дорожку, гдѣ богату быть?

Да на что мнѣ, старому, богачество?

Нѣтъ у стараго семьи любимыя,

Молодой жены, малыхъ дѣтушекъ,

А и нѣкому держать золотой казны,

А и нѣкому держать платья цвѣтнаго.

Ѣхать развѣ во дорожку, гдѣ женату быть?

Да на что мнѣ, старому, жениться?

Мнѣ жениться—не нажитися,

Молодую взять—чужа корысть,

А старуху взять—на печи лежать,

На печи лежать, киселѣмъ кормить.

Ужъ поѣду-ка въ дорожку, гдѣ убиту быть,

Гдѣ убиту быть да замучену,

Со душою тѣлу быть разлучену:

Пожилъ добрый молодецъ на сѣмъ свѣтѣ,

Походилъ, погулялъ во чистомъ полѣ.

И застала его старость глубокая,
Во чистомъ полѣ застала чернымъ вѣрономъ,
Сѣла мѡлодцу на буйну голову,
А и при смерти головушка шатается.
Только смерть мнѣ на бою-то не написана!

И поѣхалъ онъ въ дорожку, гдѣ убиту быть.
Какъ отѣхалъ старый за три поприща,
Какъ заѣхалъ старый во темны лѣса,
Наѣзжаетъ на станицу станичниковъ,
А по-русски назвать такъ разбойниковъ,
Немного, немало—сорокъ тысячей.
Увидали стараго разбойники,
Кругомъ его, стараго, облѣвили,
Хотятъ его, стараго, ограбить,
Хотятъ его, стараго, съ коня стащить,
Хотятъ добра мѡлодца убить-погубить,
Тѣло бѣлое со душой разлучить.
А старикъ на конѣ головой качалъ,
Головой качалъ, проговаривалъ:

„Ой вы гой еси, братцы станичники,
Гой еси, подорожники-разбойники!
Вамъ убить меня, стараго, не за что,
Да пограбить у стараго нечего:
Не случилось у меня съ собой казны,
Есть наличныхъ только три тысячи,
Еще крестъ на груди въ цѣлу тысячу,
Кунья шубонька во пятьсотъ рублей,
Соболиная шапочка во три сотеньки,
Да еще рукавички въ одну сотеньку.
Коню доброму цѣны я не вѣдаю:
На базаръ я его не вываживалъ,
И никто ему цѣнъ не овлаживалъ;
Только вотъ узда во пятьсотъ рублей,
Да черкасское сѣдельце во двѣ тысячи;

Потому сѣдельце дорого,
Что орлено перьемъ орлинымъ—
Не того орла, что по морямъ леталь,
А того орла, что по горамъ леталь!
Какъ ударился орель о горючъ камень,
Обломаль себѣ перья орлиныя;
Проѣзжали купцы изъ-за синя моря,
Обирали перья орлиныя,
Привозили старому во подарочекъ.
А попона на конѣ семи шелвовъ,
Въ три строки ли строчена-точена:
Какъ одна-то строка злата-серебра,
А другая строка чиста золота,
Еще третья строка желтой мѣди.
А во гривушеу влѣтанъ сваченъ жемчугъ,
Межъ ушами каменье понасажено,
Драгоценное каменье самоцвѣтное,
Да не для-ради красы молодецкія,
Для-ради осеннихъ темныхъ ноченекъ:
Ходить батюшка-бурушка во чистомъ полѣ,
А отъ батюшки-бурушки лучи пекутъ
За три вѣрсты, какъ отъ свѣтла мѣсяца.“

Закричалъ тутъ атаманъ разбойничій,
Кликнулъ кличъ громкимъ, зычнымъ голосомъ:

„Какъ ужь, старый ты чортъ, сѣдатый волкъ,
Еще много сталь съ нами разговаривать!
Гой, ребяташки, тати-станичники,
Гой вы, братцы мои, плуты-разбойники!
Принимайтесь-ка за дѣло ратное,
Да срубите-ка вы старому буйну голову!“

Говоритъ имъ старый Илья Муромецъ:

„А вы дайте-ка мнѣ, старому, управиться,
Послѣ сами мнѣ будете вланыться.“

Вынималъ изъ налушна онъ тугой лукъ,

Вынималъ изъ колчана каленú стрѣлу,
На тугóмъ лукѣ тетивку натягивалъ,
Каленúю стрѣлку накладывалъ:

„Ой вы го́й еси, добры мѡлодцы!
Въ васъ стрѣлять ли, аль во сырой дубъ?“

Онъ стрѣляетъ не по станичникамъ,
Онъ стрѣляетъ во сыръ кряковистый дубъ;
А и спѣла тетивка у туга́ лука,
Угодила стрѣла въ кряковистый дубъ,
Изломала его въ черенья ножёвые.
Отъ того ли отъ грому богатырскаго
Всѣ станичники съ коней попадали,
Испужались, врозь разбѣжались,
На ножи-было сами наметались:

„Го́й еси ты, старъ матёръ человекъ!
Ты оставь-ка насъ хоть на сѣмена!
Ты бери съ насъ всего, сколько надобно,
Ты бери съ насъ золотú казну,
Ты бери съ насъ платье цвѣтное,
Ты бери и нашихъ добрыхъ коней!“

Усмѣхается старъ матёръ человекъ:
„Кабы братъ мнѣ вашу золотú казну,
За мной рыли бы ямы глубокія;
Кабы братъ мнѣ ваше платье цвѣтное,
За мной были бы горы высокія;
Кабы братъ мнѣ вашихъ добрыхъ коней,
За мной гнали бы табуны великíе.“

Говорятъ ему станичники-разбойники:
„Одно красное солнце на бѣломъ свѣтѣ,
Одинъ сильный богатырь Илья Муромецъ!
Ужь поди-ка ты въ намъ во товарищи,
Будешь намъ ты большимъ атаманушкой.“

„Ой вы, братцы, станичники-разбойники!
Не пойду я въ вамъ во товарищи,

Не охота мнѣ съ вами овецъ пасти.
 Расходитесь-ка вы по своимъ мѣстамъ,
 По своимъ мѣстамъ да по своимъ домамъ,
 Къ отцамъ-матерямъ, къ молодымъ женамъ,
 Къ молодымъ женамъ, къ глупымъ дѣтушкамъ,
 Будетъ вамъ стоять при дороженькѣ,
 Пролити кровь христіанскую.“

Скоро старый назадъ тутъ ворочался,
 Приѣзжалъ къ горячему камешку,
 Подписъ старую на немъ захѣриваль,
 Подписъ новую на немъ подписываль:
 „А и ложно была подписъ подписана:
 Во дороженьку ѣздилъ—убить не бываль.“

Пораздумался старый, прогѣворилъ:

„А поѣду-ка теперь, гдѣ женату быть.“

Какъ отѣхалъ старый за три поприща,

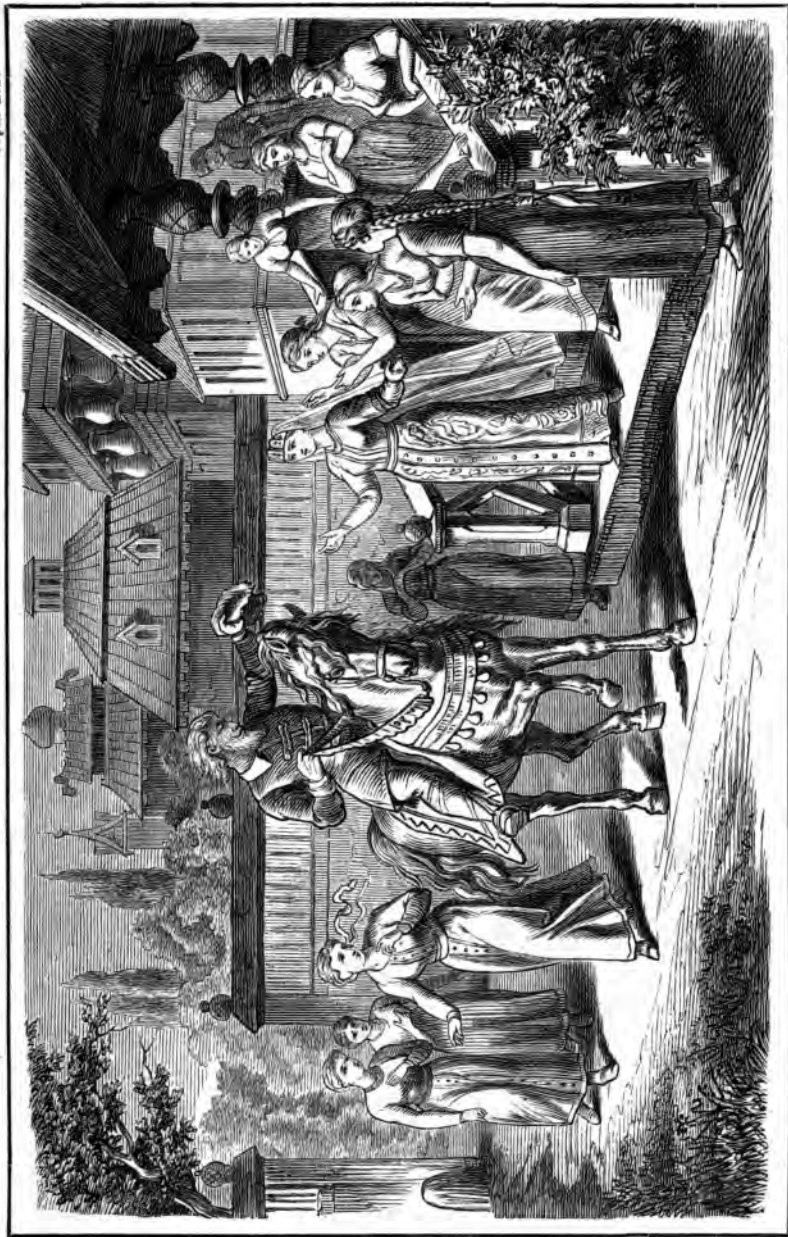
Наѣзжалъ теремъ златоверхіе.
 Выбѣгали двѣнадцать красныхъ дѣвушекъ,
 Посреди ихъ королева-душечка;
 На ней платье-то драгоцѣнное,
 Драгоцѣнное платье самоцвѣтное—
 На полушечку мѣста рублемъ не купить.

Говоритъ королева-душечка:

„Ты, удаленькій, дородный добрый молодецъ!

Ты пожалуй-ка ко мнѣ во высѣкъ теремъ,
 Напою-накормлю хлѣбомъ-солю.“

Какъ сходилъ тутъ старый со добра коня,
 Оставлялъ коня неприкована,
 Неприкована да непривязана;
 А прекрасная королева-душечка
 Брала стараго за ручки бѣлыя,
 Цѣловала во уста сахарныя,
 Проводила во высѣкъ-теремъ,
 Садила за дубовый столъ,

„Ты, удаленький, дородный добрый молодец!
Ты пожалуй-ка ко мнѣ во высѣкъ терѣмъ,
Напою-накормлю хлѣбомъ-солю.“

Страла скатерти бранныя, шелёвныя,
Приносила яствушки сахарныя,
Приносила напитокы медёвые,
И поила-кормила добра мѣлодца,
Добру мѣлодцу низко кланялася.
Ѣсть и пьеть старикъ, прохлаждается,
Весь ли дологъ депъ и до вечера.
Вышелъ тутъ изъ-за стола дубоваго,
Говорилъ самъ таковы́ слова:

„Ай ты, душечка красная дѣвушка!
А и гдѣ у васъ ложни теплыя,
Гдѣ у васъ кровати тесовыя,
Гдѣ перины мягкія пуховыя?
Мнѣ на старость старику бы опочинуться.“

Привела его въ ложни теплыя,
Ко кровати ко тесовой.
У кровати старый головой качалъ,
Головой качалъ, проговаривалъ:

„Да я сколько по святой Руси ни ѣзживалъ,
А такого чуда вѣкъ не видывалъ!
Знать, кровать-то подложная.“

Какъ возьметъ королеву за бѣлыя ручки,
Шибанѣтъ ко стѣнѣ кирпичной,
Отвернулась кровать подложная,
Увалилась королева во глубокъ погрѣбъ.
Говорить старикъ таковы́ слова:

„Гой еси вы, слуги безъименные!
Покажите-ка мнѣ ходъ во глубокъ погрѣбъ.“

Показали ему ходъ во глубокъ погрѣбъ,
Старику ключей не надобно:
Онъ перстами замки отдѣргивалъ,
Онъ ногами двери вонъ вышибывалъ,
Выпускалъ сорокъ царей-царевичей,
Съ ними сорокъ королей-королевичей,

Сорокъ сильныхъ могучихъ богатырей,
Говорить самъ таковыя слова:

„Ай, глупыя же вы, цари-царевичи,
Ай, глупыя вы, короли-королевичи,
Ай, глупыя вы, могучіе богатыри!
Вы сдаются на прелесть на женскую.
Поѣзжайте-ка всё по своимъ землямъ,
По своимъ землямъ да по своимъ ордамъ,
Ко своимъ женамъ, ко малымъ дѣтушкамъ.“

Какъ тутъ всё они съединилися,
Старику до земли поклонилися:
„А спасибо жъ тебѣ, старъ матѣрь человекъ,
Что насъ выпустилъ съ неволи великія.“

Вышла тутъ и королева-душечка,
До земли тоже била челомъ ему:
„Ахъ ты, кумъ мой любезный, Илья Муромецъ!
Не узналъ ты меня, видно, Латыгорскі?“

Говорить въ отвѣтъ Илья Муромецъ:
„Ай ты, лютая баба-Латыгорскя!
А почто же ты кума любезнаго
Безъ вины хотѣла схоронить живьемъ?“
„А почто же ты самъ, мой любезный кумъ,
Смерти предалъ младаго Сувольничка,
Мое чадо чко милое единое?“

„А почто же онъ, младъ Сувольничекъ,
Нападалъ на крестнаго батюшку,
Нападалъ на соннаго, безоружнаго?
Знать, отъ вашего роду отъ провлятаго
Не видать покою людямъ, доволь
Не останется одинъ лишь пепелъ съ васъ.“

Бралъ тутъ старыи ея за бѣлыя ручки,
Выводилъ ея старыи на широкій дворъ,
Привязалъ къ тремъ жеребичамъ нежданымъ —
Куда руки, куда ноги раздѣрнули,

Растащили ея по чисту полю.
Раздалъ тутъ все имѣнье-богачество
Добрымъ мѣлодцамъ, могучимъ богатырямъ,
Теремъ златоверхіе огню предалъ,
Самъ во камешку поворотъ держалъ,
Подпись старую на немъ захѣривалъ,
Подпись новую на немъ подписывалъ:
„А и ложно была подпись подписана:
Во дороженьку ѣздилъ—убить не бывалъ,
Во другую ѣздилъ—женатъ не бывалъ.“

Пораздумался старый, прогѣворилъ:

„Ужъ поѣду-ка теперъ, гдѣ богату быть.“

Какъ отѣхалъ старый за три поприща,
Наѣзжаетъ на превеликъ камень,
Превеликъ камень въ тридевяносто пудъ,
А на камнѣ подпись подписана:
„Кому камень подѣ силу вывалить,
Да подѣ камнемъ плиту чугунную,
Тотъ найдетъ подѣ плитой глубѣкъ погребѣъ,
А во погребѣъ—богачество несмѣтное.“

Какъ у камня старый головой качалъ,
Головой качалъ, проговаривалъ:

„Да я сколько по святой Руси ни ѣзживалъ,
А такого чуда вѣе не видывалъ!“

Опускался старый со добра воя,
Подпадалъ подѣ камень могучимъ плечомъ,
За три поприща камень выкатывалъ,
Да плиту чугунную выпинывалъ—
Отворился ему глубѣкъ погребѣъ,
А насыпанъ погребѣъ злата-сѣребра,
А насыпанъ весь да скатна жемчугу.
Бралъ тутъ старый мису чиста сѣребра,
Бралъ другую красна золота,
Бралъ и третью скатна жемчугу,

На коня садился, поворотъ держалъ,
Приѣзжалъ во славный во Кіевъ градъ
И воздвигнулъ три церкви соборныя:
Перву церковь—Спасу пречистому,
Другу церковь—Николѣ Можайскому,
Третью церковь—Георгію храброму,
Заводилъ тутъ пѣнье церковное,
Установливалъ звоны колокольные:
„Чье имѣнье, за того, пускай, идетъ!“
Остальное злато-сѣребро, скаченъ жемчугъ
Раздавалъ по нищей по братіи,
Раздавалъ по сиротамъ безпріютнымъ;
Самъ въ горячему камешку ворбчался,
Подпись старую на немъ захѣривалъ,
Подпись новую на немъ подписывалъ:
„А и ложно была подпись подписана:
Во дороженьку ѣздилъ—убить не бывалъ,
Во другую ѣздилъ—женатъ не бывалъ,
И во третью ѣздилъ—богатъ не бывалъ.“ (36)
Тутъ-то старому во вѣкъ слава-честь пошла,
А и наша старина-то до конца дошла.

БЫЛИНА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

КАКЪ ПЕРЕВЕЛИСЬ БОГАТЫРИ НА СЯТОЙ РУСИ. (86)

Какъ на славной было, братцы, на Сафать-рѣкѣ, (87)
Не здорово, братцы, учинилося,
Помутилась славная Сафать-рѣка,
Помѣшался славный богатырскій кругъ:
Что не стало бѣльшаго богатыря,
Стараго удала Ильи Муромца!
Ужь вы, братцы, вы, товарищи!
Убирайте-ка вы лѣжки струженъки
Дорогимъ сувонцемъ багрецовымъ,
Увивайте-ка весѣльчики
Аравитскимъ краснымъ золотомъ,
Увивайте-ка укрюченъки
Цареградскимъ крупнымъ жемчугомъ;
Чтобы по ночамъ онѣ не бѣркали,
Чтобъ не подавали ясака
Ко тѣмъ злымъ людемъ — татаровьямъ.

* *
*

На закатѣ было красна солнышка,
Выѣзжали на Сафать-рѣку
Семь удалыхъ русскіихъ богатырей,
Семь могучихъ братьицевъ названыхъ:

Выѣзжалъ Горденко Блудовичъ,
 Выѣзжалъ Василій Казиміровичъ,
 Выѣзжалъ Иванъ Гостинный сынъ, ⁽⁸⁸⁾
 Выѣзжалъ Самсонъ Самойловичъ, ⁽⁸⁹⁾
 Выѣзжалъ Алешенька Поповичъ младъ,
 Выѣзжалъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
 Выѣзжалъ и матерой Илья,
 Старый Илья Муромецъ Ивановичъ.

Пораскинулось предъ ними поле чистое,
 А на томъ на полѣ старый дубъ стоитъ,
 Старый дубъ стоитъ, вряковистый,
 У того ли дуба три дороги сходятся:
 Ужъ какъ первая дорога къ Нову-городу,
 А вторая-то дорога къ стольну Киеву,
 А что третія дорога ко синю морю,
 Ко синю морю далѣкому;
 Та ли третія дорога прямоѣзжая,
 Прямоѣзжая дорога, прямопутная—
 Залегла дорога ровно тридцать лѣтъ,
 Ровно тридцать лѣтъ, и три года.
 Становились на распутіи богатыри,
 Разбивали свой бѣлой шатеръ,
 Отпускали коней погулять въ чистомъ полѣ;
 Ходятъ кони по шелковой муравѣ-травѣ,
 Да пощипываютъ зелену траву,
 Да побрякиваютъ золотой уздой;
 А въ бѣломъ шатрѣ богатыри
 Долгу ночь сномъ корбтаютъ.

На восходѣ было красна солнышка,
 Возставалъ всѣхъ раньше Илья Муромецъ,
 Выходилъ да на Сафать-рѣку,
 Умывался студеной водой,
 Утирался тонкимъ полотномъ,
 Помолился чудну образу;

Видитъ тутъ: черезъ Сафать рѣву
Переходитъ силушеа невѣрная:
Добру мѡлодцу той силы не объѣхати,
Сѣру волку не обрыскати,
Черну вѡрону не облетѣть.

И вричитъ Ильюша зычнымъ голосомъ:

„Ой, ужъ гдѣ же вы, могучіе богатыри,
Вы, удалы братица названые!“

Какъ сбѣгались на зовъ его богатыри,
Какъ сажались на добрыхъ коней,
Какъ бросались на силушеу невѣрную,
Стали силушеу колоть-рубить.
Да не столько рубятъ ихъ богатыри,
Сколько топчутъ кони добрые:
Бились съ силой ровно три часа,
Изрубили силу до одинаго.

Стали мѡлодцы тутъ похвалятися:

„Какъ у насъ, могучихъ богатырей,
Плечи молодецкія не намахались,
Кони добрые не уходились,
И мечи булатные не притупились!“

И возгворитъ Алешенька Поповичъ младъ: ⁽⁹⁰⁾

„подавай намъ силу хоть небесную:
Мы и съ тою силой, братцы, справимся!“

Только молвилъ слово неразумное,
Появились двое супротивниковъ,
Крикнули имъ громкимъ голосомъ:

„А давайте-ка вы съ нами бой держать?
Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.“

Не узнали супротивниковъ богатыри,
Разгорѣлся на слова ихъ младъ Алешенька,
Разгонялъ коня ретиваго,
Налетѣлъ на супротивниковъ,
Разрубаетъ по-поламъ ихъ со всего плеча:

Стало четверо—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрынюшка Нивитичъ младъ,
Разрубаеъ по-поламъ ихъ со всего плеча:
Стало восьмеро—и живы всѣ.
Налетаетъ старый Илья Муромецъ,
Разрубаеъ по-поламъ ихъ со всего плеча:
Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ богатыри,
Стали силушку колоть-рубить—
А та сила все растеть-растетъ,
На богатырей боѣмъ идетъ.
Да не столько рубятъ ихъ богатыри,
Сколько топчутъ вѣни добрые—
А та сила все растеть-растетъ,
На богатырей боѣмъ идетъ.
Билися три дня и три часа,
Намахалися ихъ плечи молодецкія,
Уходилися ихъ вѣни добрые,
Притупилися ихъ мечи булатные—
А та сила все растеть-растетъ,
На богатырей боѣмъ идетъ.
Испугалися могучіе богатыри,
Побѣжали въ каменнымъ горамъ,
Ко пещерушкамъ ко тѣмнымъ;
Первый только побѣжалъ въ горѣ,
Какъ на мѣстѣ и окаменѣлъ;
Другой только побѣжалъ въ горѣ,
Какъ на мѣстѣ и окаменѣлъ;
Третій только побѣжалъ въ горѣ,
Какъ на мѣстѣ и окаменѣлъ.
Съ тѣхъ-то поръ могучіе богатыри
И перевелися на святой Руси!
Тутъ богатырямъ и старинамъ конецъ.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ БЫЛИНАМЪ.

1. (Стр. 3). «Леванидовъ чудный крестъ» есть крестъ, взятый Владиміромъ Святѣмъ изъ Корсуна (греческаго Херсонеса въ Крыму), послѣ принятія тамъ св. крещенія, и водруженный потомъ въ Кіевѣ на дугахъ, получившихъ отъ креста названіе «дуговъ Леванидовыхъ». Самый крестъ названъ Леванидовымъ, вѣроятно, по епископу Левонтію. У креста Леванидова обыкновенно «братаются» богатыри, и отъ него же начинаются ихъ богатырскія поѣздки. Затѣмъ онъ оказывается вообще повсюду, гдѣ начинается какое-нибудь знаменательное дѣйствіе, какъ въ данномъ случаѣ— у истока Волги.

2. (Стр. 3). «Бѣлый горючій камень Латырь» (отъ греческаго электронъ), «Латырь-камень», «бѣлый горючій камень» или, просто, «горючій камень» есть янтарь, который, обладая, по повѣрью народному, большими цѣлебными и вообще чародѣйными свойствами, служитъ, какъ крестъ Леванидовъ, но еще чаще его, мѣстомъ отравленія богатырей на разнаго рода подвиги, и лежитъ обыкновенно на перекресткахъ трехъ дорогъ. Балтійское море, побережье котораго особенно изобилуетъ янтаремъ, называется по немъ Латырь-моремъ:

«Ахъ, Латырь-море всѣмъ морямъ отецъ,

А Латырь-камень всѣмъ камнямъ отецъ.»

(Изъ «Голубиной Книги.»)

Впрочемъ, янтарь, какъ показали недавнія раскопки, встрѣчается и около Кіева, на правомъ берегу Днѣпра, иногда кусками до двухъ фунтовъ вѣсомъ.

3. (Стр. 4). Слово «богатырь» нѣкоторыми учеными производится отъ слова Богъ, въ виду того, что богатыри, по представленію народному, — существа съ высшими божественными качествами, полубоги. По мнѣнію другихъ, оно выработалось изъ древняго буйтуръ (прозвище, между прочимъ, князя Всеволода Святославича въ «Словѣ о полку Игоревѣ»), составленнаго изъ словъ буй (дикій) и туръ (зубрь, волъ). Полубогами-титанами по-преимуществу являются богатыри до-владимірскаго эпохи, такъ-называемые «старшіе» богатыри — исполинскіе мифическіе представители прежней

стихійной кочевой жизни, борющіеся не столько съ людьми, сколько съ непокорными силами природы, тогда какъ «младшіе» богатыри, которые тѣломъ меньше и слабѣе старшихъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и человѣчнѣе ихъ, осѣдо группируясь около кіевскаго князя Владиміра, служатъ опозтизированными типами сложившейся уже русской общины. Главнѣйшіе изъ старшихъ богатырей: Вольга Всеславьевичъ, Микула Селяниновичъ и Святогоръ; кромѣ нихъ, встрѣчаются въ былинахъ: Самсонъ (отъ ветхозавѣтнаго Самсона «съ семью власами ангельскими на головѣ») Самойловичъ, Суханъ или Сухманъ (суш-манъ, засушаемый, иссыхающій) Домантьевичъ (христіанское Дементьевичъ—передѣлка изъ первоначальнаго мническаго Одихмантьевичъ), Полканъ (полуконь), Колыванъ (образъ котораго совершенно неопредѣленный) и проч. Между младшими богатырями, главными дѣйствующими лицами кіевскаго эпоса, первое мѣсто принадлежить тремъ: Ильѣ Муромцу, Добрынь Никитичу и Алешѣ Поповичу, которые въ позднѣйшихъ пересказахъ, времени донскаго казачества, величаются: первый—«атаманомъ» казачьимъ, второй—«подъатаманомъ», третій—«есауломъ».

4. (Стр. 4). «Поленницы» или «полянницы» (отъ полевать, поляковать), обыкновенно дочери «старшихъ» богатырей (напр. Микулы Селяниновича),—амазонки древней Руси, дѣвцами «полюють» въ чистомъ полѣ и силой, ловкостью, удалью превосходятъ часто богатырей. Выйдя же замужъ, онѣ дѣлаются самыми преданными, любящими женами и только въ исключительныхъ случаяхъ проявляютъ еще свои богатырскія наклонности (какъ Василиса Микулична). Рыская на конѣ за приключеніями, участвуя въ княжескихъ пиршествахъ, играя въ шашки-шахматы, даже сватаясь лично за богатырей, поленницы пользуются полною равноправностью съ мужчинами, которая, такимъ образомъ, народомъ нашимъ уже въ древности охотно предоставлялась женщинамъ, если она умѣла постоять за себя.

5. (Стр. 4). Добрыня Никитичъ, какъ показываетъ самое имя его,—олицетвореніе мягкосердія богатырскаго: при большой тѣлесной силѣ, онъ, безъ крайней необходимости, и муки не обидитъ, но для защиты спротивъ вдовъ и «безсчастныхъ» женъ, самъ домовитый семьянинъ, готовъ драться до послѣдней капли крови. Его кротость доходитъ иногда даже до робости (см. былинку объ «Ильѣ Муромцѣ и Сокодьникѣ»). Сынъ боярина Никиты Романовича, онъ своимъ «вѣжествомъ», «уговоромъ», «смиреньцемъ» вполне оправдываетъ свое боярское происхожденіе; а ко всему этому, онъ и артистъ въ душѣ: мастеръ плѣть и прать на модномъ инструментѣ—гусляхъ. Нѣкоторыми рапсодами Добрыня называется племянникомъ князя Владиміра, т.-е. родственникомъ его, меньшимъ лѣтами. У Нестора же имя «Добрыня» носить дядя Владиміра Святого, дававшій ему мудрые совѣты. Вѣчная юность красавца-боярина выражается краснорѣчиво въ его постоянномъ

прозвищѣ «младъ», которое, для усиленія, иногда даже удваивается: «молодой Добрынюшка Никитичъ младъ».

6. (Стрн. 6). Старшій богатырь Вольга Всеславьевичъ—титанъ-охотникъ и воинъ, изучившій, для порабощенія всей одушевленной природы (звѣрей, птицъ, рыбъ и людей), всѣ хитрости-мудрости, заключающіяся главнымъ образомъ въ оборотничествѣ, т.-е. въ способности принимать образъ разныхъ животныхъ. Имя его «Вольга» или «Волхъ» происходитъ отъ одного корня съ словомъ волхвъ—кудесникъ, жрецъ, занимающійся волхвованіемъ. Отъ Волха же производятъ названіе рѣки Волхова. Почти нѣтъ сомнѣнія, что въ полубога Вольгу былевымъ творчествомъ преобразенъ историческій Олегъ, который, по славіи всевѣдѣнія, вѣдовства и въ Несторовой Лѣтописи называется Вѣщимъ. Не безынтересно указать здѣсь на другаго богатыря-оборотня—князя Игоря въ «Словѣ о Полку Игоревѣ»: совершая побѣгъ свой изъ земли Половецкой, Игорь, чтобъ отвести глаза врагамъ, оборачивается попеременно то въ горностая, то въ волка, то въ сокола. Отчество Вольги «Всеславьевичъ» или «Святославичъ» заимствовано рапсодами отъ брата Владиміра Святаго—Олега Святославича.

7. (Стрн. 10). Въмѣсто «индейскаго» царя «Салтыка Ставрुльевича» и царицы его «Азвяковны» (Узбековна), въ нѣкоторыхъ вариантахъ выступаютъ «турецкій» царь «Турецъ-Санталъ» съ царицей «Панталовной». Походъ Вольги съ его дружиной въ индейское (или турецкое) царство есть, вѣроятно, набѣгъ Олега на Царь-градъ въ 906 году.

8. (Стрн. 15). Ближайшіе приближенные князя Владиміра—«князья-бояре» не играютъ въ былинахъ почти никакой роли, какъ въ драмѣ «лица безъ рѣчей». Изъ дѣтей боярскихъ—«боярченковъ» набирается придворный штатъ князя: «стольники», «чашники», «кравчіе» и т. д., въ число которыхъ поступаютъ, впрочемъ, и богатыри, какъ, напр., Добрыня Никитичъ (по происхожденію своему бояринъ) и Чурила Плёнковичъ. Изъ князей и бояръ въ былинахъ называются поименно только Блудъ (у Нестора подъ 980 годомъ), Часъ, Путята (отецъ Забавы Путятичны, племянницы Владиміра) и Бермята Васильевичъ, иначе Пермьята, Черминъ или Пермилъ (происхожденіемъ, вѣроятно, изъ Перми). Послѣдній, съ прозвищемъ «старый», служитъ князю, такъ-сказать, ходячимъ архивомъ, дающимъ во всякое время необходимыя справки о предметахъ, никому другому неизвѣстныхъ.

9. (Стрн. 16). Всѣ чужія страны на востокъ отъ Кіева называются обыкновенно «ордами», а на западъ «землями» или «Литвами». Въ ордахъ царствуютъ «цари» съ «царевичами» и «царевнами», въ земляхъ и Литвахъ «короли» съ «королевичами» и «королевнами» («королевичнами»).

10. (Стрн. 16). Былевая Апраксія (Евпраксія) королевична есть, по всему вѣроятію, лѣтописная Рогнѣда, дочь половецкаго князя Рогволода, отказывавшаяся сначала отъ замужства съ княземъ Владиміромъ, но вышедшая потомъ за него, по убіеніи отца ея Рогволода.

11. (Стрн. 17). Дунай Ивановичъ относится нѣкоторыми къ числу «старшихъ» богатырей (см. прим. 3), такъ какъ, обратившись, умирая, въ старшую рѣку славянъ Дунай, онъ какъ-бы возвращаетъ природѣ ея стихійную силу и самъ дѣлается олицетвореніемъ всѣхъ рѣкъ вообще, такъ что съ теченіемъ времени въ устахъ народа обратился даже въ нарицательное имя: «за рѣкамъ, за дунаями». Прозвище «тихий», принадлежащее рѣкѣ Дунаю у всѣхъ славянъ присвоено въ былинахъ и богатырю Дунаю Ивановичу.

12. (Стрн. 29). Въ нѣкоторыхъ пересказахъ этой былинны, вмѣсто «Дунай Ивановича» и «Настасья королевичны», поставлены «Донъ Ивановичъ» и «Нѣпра (Днѣпра, Днѣпръ) королевична».

13. (Стрн. 35). Былина объ «Алешѣ Поповичѣ» въ основныхъ своихъ чертахъ представляетъ много общаго съ былинкою объ «Ильѣ Муромцѣ и Идѣлицѣ»: тамъ и здѣсь русскій богатырь, готовясь на бой съ чудовищемъ-врагомъ, маскируется калкой перехожею, чтобы не быть узваннымъ; тамъ и здѣсь роковое столкновеніе вызывается обжорствомъ чудовища, причемъ и самое глумленіе русскаго богатыря надъ «обжорцемъ» выражается въ одномъ и томъ-же наивно-остроумномъ сравненіи (съ собакой и короной, «треснувшими» отъ обжорства). Съ другой стороны, всѣ мелкія подробности этихъ былинъ и всѣ приемы каждаго изъ двухъ богатырей: лукаваго Алеши и прямодушно-грубаго Ильи, настолько различны и соотвѣтствуютъ характерамъ того и другаго, что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ самостоятельности обоихъ разсказовъ. Остается принять, что въ нихъ описываются два отдѣльные, но весьма схожія событія, бессознательно вылитыя народнымъ творчествомъ, по ихъ тождественности, въ одну и ту-же поэтическую форму. Всѣ мнѣнія нашихъ ученыхъ сходятся на томъ, что въ убіеніи Ильею великаго и страшнаго Идѣлица слѣдуетъ видѣть уничтоженіе при Владимірѣ идолопоклонства на Руси. Сравнивая, съ этой точки зрѣнія, былинку объ «Алешѣ Поповичѣ» съ былинкою объ «Ильѣ и Идѣлицѣ», мы не могли не остановиться на мысли, что и въ первой изъ нихъ врагомъ русскаго богатыря является языческій идолъ: первоначальныя попытки введенія въ языческой Руси христіанства весьма естественно должны были исходить отъ христіанскаго духовенства, нашедшаго къ намъ доступъ еще при Св. Ольгѣ, принявшей христіанство; и вотъ миссія низверженія идоловъ возлагается въ былевомъ эпосѣ, прежде всего, на богатыря изъ «богомольной стороны» — города Ростова, на сына стараго попа соборнаго (вѣроятно епископа) Леонтія—Алешу Поповича. Первый бой его съ идоломъ происходитъ еще по пути къ стольному Кіеву; причемъ, какъ-бы для зачуранія

себя отъ нечистой силы, онъ заимствуетъ у богомольнаго странника его посохъ и весь каличій нарядъ. Преодоливъ врага посредствомъ уловки и отрубивъ ему голову, богатырь прѣзжаетъ въ Кіевъ. Но здѣсь идолопоклонство еще въ силѣ, и только-что пораженный идолъ торжественно воздвигаютъ вновь и чествуютъ обильными жертвами: онъ съѣдаетъ по цѣлой ковригѣ «монастырской», проглатываетъ заразъ бѣлую лебедь, «охлѣстываетъ» духомъ чары зеленá вина въ полтора ведра. Алеша Поповичъ, насмѣявшись надъ чудовищемъ, вызываетъ его на новый бой: весь дворъ княжескій, весь народъ и даже заѣзжіе купцы держатъ поруки за идола; одинъ владыка черниговскій ручается за торжество христіанства. И въ этотъ разъ, благодаря своей хитрости, Алешѣ удается справиться съ сильнымъ врагомъ. Но окончательно уничтожить «Идóлице» со всей его «силой невѣрной» суждено только богатырю-крестьянину Ильѣ Муромцу.

14. (Стрн. 35). Алешѣ Поповичу, подобно Добрынѣ, хотя и нѣсколько рѣже, присваивается прозвище «младъ». Онъ изъ всѣхъ богатырей наименѣе любимъ народомъ, что высказывается какъ въ изображеніи съ видимымъ удовольствіемъ и обстоятельностью комическихъ положеній въ его жизни и въ презрительной кличкѣ «Алешка», такъ и въ томъ, что единственная былина, которой онъ является героемъ — настоящая былина о борьбѣ его съ Тугариномъ Змѣвичемъ — имѣется вполнѣ лишь въ одномъ пересказѣ (у Кириши Данилова); память народная, точно нарочно, утратила воспоминаніе о главномъ подвигѣ этого несимпатическаго богатыря. Наши современные собиратели успѣли разыскать только три отрывка этой быliny.

15. (Стрн. 36). Каликами переходящими, одними изъ древнихъ пѣвцовъ былинъ, внесено въ быliny много именъ изъ священнаго писанія. Такъ «Сафать-рѣка» получила свое названіе отъ ветхозавѣтной долины Іосафата. Въ настоящей былинѣ, воспѣвающей, какъ сказано, первое торжество христіанства надъ язычествомъ, перенесеніе дѣйствія на библейскую почву очень естественно.

16. (Стрн. 36). «Калики переходящіе», по своему названію, хотя и близки къ нищимъ-калъкамъ нашего времени, но общаго съ ними имѣютъ только хожденіе съ мѣста на мѣсто и прошеніе милостыни. Они, въ своемъ родѣ, также богатыри, но, подобно богатырямъ «старшимъ», богатыри кочевой, до-владимірской эпохи: шуба на нихъ соболиная, лапти семи шелковъ, шитые серебромъ и золотомъ, сумка рытаго бархату; гуня въ тридцать пудъ, шляпа въ девять пудъ, посохъ въ сорокъ пудъ; подъ шагами ихъ мать-земля подгибается; а «зычный» голосъ ихъ дѣйствуетъ пуше грому небеснаго:

«Становилися калики во единый кругъ,
Клюки-посохи въ сырú землю потыкали,
Сумочки на посохи навѣсилл,

Сумочки-то рыта бархату,
 Попросили милостыни, золотой гривны,
 Бривнули всё вмѣстѣ зычнымъ голосомъ:
 Отъ тѣхъ покряковъ отъ богатырскихъ
 Да отъ голосовъ отъ молодецкихъ
 Дрогнетъ матушка сыра земля,
 Со деревъ охлопья да посыпались,
 Съ теремовъ верхи да повалились,
 Въ горенкахъ оконницы рассыпались,
 Въ погребахъ напитки всколыбались,
 Конь подъ княземъ окарачился,
 А богатыри съ коней попадали.»

(Непомѣщенная здѣсь былина о «Сорока каликахъ»).

Это — послѣдніе могиканы былой кочевой жизни, выговорившіе себѣ дальнѣйшее существованіе объѣтомъ странствовать ко святымъ мѣстамъ и распространять въ народѣ духовные стихи, а также поэтическія повѣствованія о сѣдой старинѣ. Силы въ нихъ еще болѣе, чѣмъ въ истыхъ богатыряхъ, которые поэтому зачастую и вооружаются каличьей клюкою или шелепугою; но смѣлости въ нихъ нѣтъ уже и «въ полѣ-богатыря».

17. (Стр. 37). Имя «Тугаринъ» дано противнику Алеши Поповича, какъ полагаютъ, по имени половецкаго хана Тугаркана, на ввучѣѣ котораго былъ женатъ сынъ Владиміра Мономаха Андрей. По тождеству имени двухъ Владиміровъ, имя позднѣйшаго половецкаго хана вѣроятно перенесено народомъ и въ памятное ему царствованіе Владиміра Святаго. Отчество «Змѣевичъ» присвоено Тугарину, какъ потомку нечистой силы, которая всѣми народами олицетворяется чаще всего въ образѣ змѣи или дракона.

18. (Стр. 41). Оживленіе убитаго уже разъ Тугарина объясняется, какъ изложено въ прим. 13-мъ, восстановленіемъ разрушеннаго идола. Затѣмъ вообще, какъ отродѣ змѣиное, Тугаринъ долженъ обладать особенной жизненной силой.

19. (Стр. 46). «Пучай-рѣка» — вышняя Почайна. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ, вмѣсто Пучая, встрѣчается «Израй-рѣка», отъ библейскаго Израиля.

20. (Стр. 50). Змѣя предлагаетъ Добрынь побратимство — обычное между богатырями братство «крестовое» или «названное».

21. (Стр. 50). Племянница Владимірова «Забава» называется иногда также «Зававой» или «Любавой». Имя отца ея «Путаты» встрѣчается въ летописяхъ въ эпоху, непосредственно предшествовавшую Владиміру Мономаху, и, подобно имени Тугарина (см. выше прим. 17), перешло впоследствии въ былевые рассказы о времени Владиміра Святославича.

22. (Стр. 50). Большихъ горъ въ предѣлахъ древней Руси нѣтъ, и потому, вмѣстѣ съ неясностью понятія о горѣ, и самыя названія горъ въ былинахъ какія-то мнѣшескія. Всего чаще упоминаются: 1) «Латырь-гора» (воображаемый возвышенный берегъ Латырь-моря, т.-е. Балтійскаго моря); 2) гора «Сорочинская» (сараинская, арабская), которая, по представленію народному, помѣщается гдѣ-то на берегу Хвалынскаго (Каспійскаго) моря; 3) «Святые Горы», на которыхъ живетъ богатырь Святогоръ,—вѣроятно Карнагы.

23. (Стрн. 62). О богатырицѣ Василисѣ Микуличнѣ и мужѣ ея существуютъ двѣ разныя былины, построенныя на одномъ и томъ-же мотивѣ: что мужъ ея впадаетъ въ немилость князя Владиміра; но развитіе и развязка дѣйствія въ одной былинѣ комичны, въ другой трагичны. Мы выбрали первую редакцію, какъ потому, что послѣдняя, по развязкѣ, весьма схожа съ помѣщаемою здѣсь былинною о «Дунаѣ Ивановичѣ и Настасѣ королевичнѣ», такъ и потому, что въ послѣдующихъ былинахъ упоминается о счастливомъ супружествѣ еще здравствующихъ Ставра и Василисы. Въ трагическомъ пересказѣ былины, мужъ Василисы называется Давилой Ловчаниномъ и посылается княземъ въ «службу дальнюю, невзворотивную», на Буяны-островъ. Съ горя, что онъ сдѣлался «негоденъ» князю, Давило, побивъ предварительно враговъ, падаетъ грудью на «востроу копые». Василиса, съ тоски, «спарываетъ» себѣ также бѣлу грудь надъ трупомъ мужа.

24. (Стрн. 62). Въ Лѣтописи (Новгородской) Ставѣръ упоминается въ первый разъ подъ 1118 годомъ. Въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ бояръ новгородскихъ, присягавшихъ въ Кіевѣ Владиміру Мономаху, но негодныхъ ему, онъ былъ отправленъ въ ссылку. Тождественность событія и одинаковость именъ царствующихъ князей послужили слагателямъ былинъ поводомъ къ наименованію Ставрамъ одного изъ богатырей Владиміра Святаго, причѣмъ родною его, вмѣсто Новгорода, называется Черниговъ.

25. (Стрн. 62). Торговля въ старину производилась по болѣе части мѣновая, и купцы находились постоянно въ разъѣздахъ, т.-е. вездѣ были гостями; отсюда названіе ихъ—«гости торговые».

26. (Стрн. 64). Василиса Микулична—старшая дочь Микулы Селяниновича (см. былину объ немъ). Въ народныхъ сказкахъ она называется также «Василисою Золотою Косою», «Василисою Премудрою» и «Прекрасною».

27. (Стрн. 64). Подъ выраженіемъ «посадить на овесъ и на воду», очевидно, слѣдуетъ разумѣть «на хлѣбъ (овсяный) и на воду».

28. (Стрн. 65). «Грознымъ» (страшнымъ) представляется простолюдину всякій посолъ, застающій его врасплохъ нежданою-негаданю вѣстью.

29. (Стрн. 67). По плохому состоянію дорогъ въ древней Руси, по нимъ ставились вѣхи.

30. (Стрн. 69). Въ былинахъ «лицами безъ рѣчей», подобно князьямъ-бограмъ, являются еще такъ-называемые «скупенные» богатыри, дѣла кучи которыхъ, по общему ихъ свойству, носятъ одно общее имя: «братья Притченки» (отъ прыткій), «Хапиловы» (отъ хапаты, хвататы — «хвататы»), «Сбродовичи» (отъ сбродъ), «мужики Залѣшане» (отъ залѣсье, дѣсь).

31. (Стрн. 79). Молодому заѣзжему венеціанскому купцу, одаренному удивительнымъ искусствомъ пѣнія и игры на гусяхъ (подъ которыми здѣсь слѣдуетъ понимать, конечно, нѣчто въ родѣ итальянской мандолины или гитары), дано имя искусѣйшей пѣвчей птицы—«Соловья», точно также, какъ и знаменитому былевому Соловью разбойнику, свистъ котораго если и не умиляетъ, то сражаетъ всякаго съ ногъ. Отчество «Будиміровичъ», составленное изъ словъ буди и міръ, усиливаетъ еще артистическое значеніе Соловья, который, какъ Орфей, своей чарующей игрой пробуждаетъ весь окружающій міръ.

32. (Стрн. 82). «На златѣ-серебрѣ не погниваться» — значитъ: князь не прогнивается, что ему не дарятъ злата-серебра: такимъ подаркомъ его не удивишь.

33. (Стрн. 82). «Всѣ-то хитрости на нихъ Царя-града,
Всѣ-то мудрости Ерусалима,
А все замыслы Соловья Будимірова»—

означаетъ: всѣ подробности узоровъ были заморскіе, но соединеніе ихъ въ одно стройное дѣло принадлежало самому Соловью.

34. (Стрн. 83). Какъ человѣку торговому, князь предлагаетъ Соловью Будиміровичу для застройки «бойкое» мѣсто; но Соловью, хотя и строящему затѣмъ, кромѣ теремовъ, гостинный дворъ, не того надобно.

35. (Стрн. 86). Соловьѣва золота казна «стучить-бренчить, щелчить-молчить»—т.-е. только и слышно пересыпаніе денегъ.

36. (Стрн. 87). По одному варианту, Соловей Будиміровичъ съ Забавой Путятичной тутъ-же мѣняются перстнями; но Соловьѣва матушка отсрочиваетъ свадьбу до тѣхъ поръ, пока сынъ не расторгнется. Соловей отѣзжаетъ за синія моря. Между тѣмъ является къ князю Владимиру съ подарками «голый щапъ» (бѣдный щеголь) «Давидъ Поповъ», и князь отдастъ за него племянницу. Во время свадебнаго пира, однако, возвращается Соловей Будиміровичъ, и Забава изъ-за стола съ радостью бросается къ нему и выходитъ за него. Этотъ эпизодъ явно заимствованъ изъ былинны о «Добрынь въ отѣздѣ», такъ какъ не только общее содержаніе его, но и многія мелкія подробности и даже дѣльныя фразы схожи съ концомъ послѣдней былинны; «голый» же «щапъ Поповъ» есть, очевидно, «бабій перемѣшникъ» Алеша «Поповичъ».

37. (Стрн. 90). Пока совершаются богатырями кievскаго князя описываемые въ предыдущихъ былинахъ подвиги,—далеко на сѣверѣ, въ нынѣшней Владимірской губерніи, подъ Муромомъ, въ деревушкѣ Карачаровѣ безвѣстно прозябаетъ растительною жизнью параличный крестьянскій сынъ Илья Муромецъ, которому суждено сдѣлаться впоследствии спасителемъ отчины отъ враговъ внутреннихъ, духовныхъ и внѣшнихъ. Здѣсь, предоставленный въ теченіе десятилѣтій самому себѣ, въ дали отъ суеты мірской, какъ прикованный къ скалѣ Прометей, Илья исподоволь набирается того безкорыстнаго, человѣчнаго духа, который необходимъ истинному оберегателю общественныхъ интересовъ, остающемуся вѣкъ безсемейнымъ болыемъ для вящей пользы общины. На родинѣ его, въ селѣ Карачаровѣ и въ настоящее время есть крестьяне Ильюшины, которые съ гордостью производятъ отъ него родъ свой.

38. (Стрн. 91). Мать Ильи Муромца, по преданію, называлась Ефросиньей Яковлевою.

39. (Стрн. 91). Въ теченіе тридцатилѣтняго «сидѣнія» Ильи Муромца, въ немъ какъ-бы назрѣваютъ исполинскія силы, необходимыя для предстоящихъ ему подвиговъ, непреодолимыхъ для другихъ смертныхъ. Но вывести его изъ неподвижности можетъ только внѣшняя, сверхъестественная, искупительная сила; такими ангелами-искупителями являются могучіе представители вѣчнаго движенія, благо кочевья—каликы переходящіе, однимъ словомъ своимъ пробуждающіе къ жизни его онѣмѣлые члены, однимъ прикосновеніемъ губъ къ напитоку, который онъ испиваетъ послѣ нихъ, дѣлающіе изъ него сильнѣйшаго богатыря.

40. (Стрн. 94). Заря, по народному повѣрью, самое дѣйствительное время для совершенія всякаго рода чаръ; роса же заревая обладаетъ, будто бы, особенною цѣлебною силой, и купаніе въ ней подъ Ивановъ день принадлежитъ къ древнѣйшимъ обрядамъ славянъ.

41. (Стрн. 95). Какъ самъ Илья Муромецъ, до пробужденія богатырскихъ силъ его поданнымъ каликами питьемъ, находится въ безпомощномъ, параличномъ состояніи, такъ и богатырскій конь его, до купанія въ чародѣйной утренней росѣ, долженъ быть болѣзненнымъ, шелудивымъ.

42. (Стрн. 99). «Въ полпути» отъ села Карачарова къ Мурому дѣйствительно воздвигнута надъ ключомъ часовня во имя пророка Іліи, который, такимъ образомъ, является какъ-бы ангеломъ муромскаго богатыря.

43. (Стрн. 99). Въмѣсто Чернигова, въ разныхъ вариантахъ называются «Бѣжеговъ», «Бекетовецъ», «Кидишъ», «Кряковъ», «Смолягинъ» (Смоленскъ) и «Турговъ».

44. (Стрн. 102). «Заставы» въ былинахъ бываютъ двоякаго рода: заставы вражьи—преграды, встрѣчаемыя богатырями на своемъ пути со стороны враговъ или вообще враждебной силы, и, въ противоположность

нитъ, заставы богатырскія—небольшія крѣпостцы, болѣею частью по окраинамъ государства, на которыхъ стоитъ богатырская дружина «братія крестовая» или «названая», обороною отчины отъ вѣншихъ враговъ.

45. (Стр. 102). Рѣка «Смородина» или «Самородина» есть ипеческая рѣка, сама рождающаяся и, подобно древне-греческой Летѣ, безпощадно поглощающая въ своихъ волнахъ всѣхъ смертныхъ, перешивающихъ ее. Поэтому она протекаетъ и мимо Соловьинаго гнѣзда, гдѣ всякому прохожему грозитъ неминуемая смерть.

46. (Стр. 103). Соловей разбойникъ, залегающій тридцать лѣтъ до-рогу въ столичный Кіевъ, олицетворяетъ собою вообще главныхъ внутреннихъ враговъ возникающаго государства—шайки разбойниковъ, которыя разсыяты суждено первому нашему народному герою—Ильѣ Муромцу. Кто не испытывалъ невольной дрожи темною, ночью въ глухомъ мѣстѣ при неожиданномъ рѣзкомъ свистѣ, служащемъ обыкновенно условнымъ знакомъ для злоумышленниковъ? Неудивительно, что народное воображеніе одарило прототипъ русскихъ разбойниковъ убійственнымъ соловьинымъ свистомъ, отъ котораго онъ и получилъ свое имя. Отчество же его «Рахмановичъ» производится отъ слова рахманъ или брахманъ, т. е. браминъ—индейскій жрецъ и кудесникъ. Иногда онъ называется и «Птицей Рахмайной», «Алатырцемъ некрещенымъ» (отъ Латырь-моря), а по батюшкѣ «Одихманътевичемъ» (какъ и старшій богатырь Сухманъ) или «Ахматовичемъ» (отъ татарскаго Ахмата).

47. (Стр. 107). По другимъ пересказамъ, неожиданное нападеніе до того раздражило нашего богатыря, что онъ разорилъ все гнѣздо Соловьиное и «показнилъ» всю семью, за исключеніемъ самого отца-разбойника, котораго повезъ съ собою въ Кіевъ.

48. (Стр. 117). Какъ Вольга Всеславьевичъ есть полубогъ-охотникъ и воинъ, побѣждающій всю одушевленную природу, такъ Микула Селявиновичъ есть «любимый землею» полубогъ-крестьянинъ, божественный представитель земледѣлія и первой осѣдлости на Руси, который, избораживъ свою чудесною сохою вдоль и поперекъ всю матушку святую Русь, порабощаетъ питательную силу земли. Имя его «Микула»—Микола, Николай; отчество «Селявиновичъ» показываетъ, что онъ сынъ селянина, т. е. крестьянина; въ видѣ исключенія онъ величается и «Никитичемъ». Сыновей у него нѣтъ; но, по одинаковости происхожденія, изъ «младшихъ» богатырей всего ближе приходится ему главнѣйшій—Илья Муромецъ. Второй, послѣ Илья, младшій богатырь—Добрыня Никитичъ, типъ селянина, женится на одной изъ трехъ поленицъ-дочерей Микулы—Настасьѣ, старшая сестра которой, Василиса, замужемъ за богатыремъ-купецомъ Ставромъ. Такимъ образомъ Микула есть, въ вѣкоторомъ родѣ, родоначальникъ младшихъ богатырей.

49. (Стрн. 122). Тяжесть сохи Микулиной, которой не могла осилить вся дружина Вольги, есть та-же самая «земная тѣга», которую затѣмъ тѣсно силится одолѣть въ переметной сумкѣ Микулиной великанъ-Святогоръ (см. былинну о немъ).

50. (Стрн. 123). По Лѣтописи, Олегъ подъ Гурчевцемъ или Вручевцемъ нашелъ смерть: «Побѣгшию же Ольгу съ вои своими въ градъ, рекомый Вручій, бяше черезъ гроблю мость ко вратамъ граднымъ: тѣсячеса другъ друга пихаху въ гроблю; и спехнуша Ольга съ мосту въ дебрь, падаху людье мнози, и удавиша кони человекѣи. И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручего, и есть могила его и до сего дня у Вручего.»

51. (Стрн. 129). Двухъ главныхъ «старшихъ» богатырей, о которыхъ имѣются отдѣльныя былины, Вольги Всеславьевича и Микулы Селяниновича, при князѣ-солнышѣ Владимірѣ нѣтъ уже въ живыхъ. Изъ прочихъ старшихъ богатырей, нѣкоторые также сошли уже со сцены; другіе, не умѣя освоиться съ условіями ослѣдой жизни, доживаютъ кое-какъ свой вѣкъ, не совершая уже никакихъ богатырскихъ подвиговъ. Одинъ изъ нихъ, Святогоръ удалился отъ свѣта на свои Святыя Горы, и единственная попытка его (описываемая въ настоящей былинѣ) приложить свою исполнскую мощь къ новымъ житейскимъ условіямъ — къ земскому дѣлу — почти погубила его: онъ по колѣна угрызъ въ землю, и кровь, вмѣсто пота, потекла по лицу его. Онъ—представитель грубой физической силы кочеваго періода, которая, какъ самостоятельная стихія, въ строгомъ стрѣбѣ одухотворенной нравственнымъ началомъ гражданской жизни не имѣетъ уже мѣста и должна умереть. Изрѣдка Святогору присвоивается отчество—«Колывановичъ».

52. (Стрн. 139). По одному пересказу, встрѣча Ильи Муромца съ Святогоромъ происходитъ тотчасъ по первомъ выѣздѣ его изъ родительскаго дома. Но конь Святогоровъ возитъ своего хозяина съ Ильєю трое сутокъ: Илья же, простоявъ въ Муромѣ заутреню, къ поздней обѣднѣ того-же дня посилъ въ Кіевъ, слѣдовательно, по пути, очевидно, не могъ трехъ сутокъ пробыть въ карманѣ Святогора. Затѣмъ, рассказывая въ Кіевѣ князю о помѣхахъ, замедлившихъ его своевременное прибытіе къ обѣду «княженецкому», онъ ни въ одномъ вариантѣ не упоминаетъ о своей встрѣчѣ съ Святогоромъ. Далѣе, рекомендуясь Святогору, онъ, въ нѣсколькихъ пересказахъ, называетъ себя богатыремъ изъ Кіева (значитъ, ѣдущимъ изъ Кіева, а не впервые въ Кіевъ), и указываетъ даже цѣль своей поѣздки—повидать Святогора, невиданнаго еще кіевскими богатырями. Поэтому, не можетъ быть, кажется, сомнѣнія, что поѣздку свою на Святыя Горы Илья совершилъ уже послѣ перваго приѣзда своего въ Кіевъ съ Соловьемъ разбойникомъ.

53. (Стрн. 145). Вдохнувъ въ себя могучій богатырскій духъ Свято-

гора и получить въ наслѣдство его славный мечъ (называемый въ одномъ варіантѣ мечомъ-кладенцемъ), Илья Муромецъ дѣлается прямымъ воспріемникомъ древнихъ русскихъ титановъ—«старшихъ» богатырей, и можетъ смѣло выступить, на защиту отечества, противъ всѣхъ враговъ духовныхъ (Идблицца) и вѣшнихъ (царя Калина), какъ выдержалъ уже убійственный свистъ врага внутренняго (Соловья разбойника).

54. (Стрн. 147). Въ «Идблицѣ» (иначе «Одолице» — отъ одолѣть) представляется метафорически, какъ надо полагать, старшій изъ древнерусскихъ боговъ Перунъ (отъ глагола переть, бить), соответствующій греческому Зевсу-громовержцу. «Силу поганую», сопровождающую Идолице, составляютъ прочіе боги: Купало—богъ земледѣлія, Волосъ—богъ скотоводства, Стрибогъ—богъ вѣтровъ, Ладо—богъ семейнаго счастья и любви, Коляда—богъ мира, и другіе. Всѣ боги древней Руси олицетворялись кумирами, которыми, для болѣе внушительности, придавался обыкновенно возможно грозный видъ огромными размѣрами тѣла, множествомъ головъ и страшными чертами лица; причемъ каждый кумиръ имѣлъ свои необходимыя, наводящія ужасъ атрибуты, въ видѣ многоголовыхъ ящеровъ, змѣевъ и т. п. Туловщце громоноснаго Перуна было искусно вырѣзано изъ дерева и стояло на желѣзныхъ ногахъ; голова его была серебряная съ золотыми усами, а въ рукѣ у него сверкала молнія изъ рубиновъ и карбункуловъ.

55. (Стрн. 147). Смѣлый Алеша Поповскій сынъ, первый изъ русскихъ богатырей дерзнувшій свергнуть одиночный идолъ (Тугарина Змѣевича), не нашелъ въ себѣ, однако же, достаточно мужества, чтобы выступить противъ всего сонмища языческихъ боговъ.

56. (Стрн. 153). По лѣтописнымъ свѣдѣніямъ, Владиміръ Святославичъ, окрестившись въ Херсонесѣ (близъ нынѣшняго Севастополя) въ 988 году, по возвратѣ въ Кіевъ, прежде всего распорядился уничтоженіемъ языческихъ идоловъ. Идолъ Перуна, возвышавшійся на священномъ холмѣ противъ самаго княжескаго терема, былъ привязанъ къ лошадиному хвосту и, подъ палочными ударами, спущенъ подъ гору въ Днѣпръ. Здѣсь бѣдный идолъ будто-бы, съ рыданіями и воплями пытался еще выбиться на берегъ; но его схватили, и, съ тяжелымъ камнемъ на шеѣ, онъ пошелъ ко дну. Послѣ этого, убѣжденный въ безпомощности своихъ старыхъ боговъ, народъ повалилъ толпами въ рѣку, гдѣ, стоя въ водѣ, по примѣру Христа, и былъ окрещенъ іереями. Прочіе кумиры были также или разбиты, или сожжены.

57. (Стрн. 156). Вылина объ «Ильѣ Муромцѣ въ ссорѣ съ княземъ Владиміромъ» заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что въ ней муромскій герой. «помѣшавъ учёныя мѣста» на пиру у Владиміра и усадивъ затѣмъ рядомъ съ собою бѣдный пролетаріатъ—«голей кабацкихъ», удовольствовавшись самъ, впрочемъ, мѣстомъ середнимъ,—ратуетъ за равноправность сословій, которая лишь 9 вѣковъ спустя, въ нынѣшнее благополучное

царствованіе, по собственной державной волѣ Царя Освободителя, дарована русскому народу въ столь широкой мѣрѣ—въ крестьянской реформѣ, все-сословныхъ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, гласномъ судѣ съ присяжными и всеобщей воинской повинности.

58. (Стрн. 167). Поголовное побіеніе татаръ Ильею Муромцемъ, рассказываемое въ былинѣ объ немъ и царѣ Калинѣ, не соотвѣтствуетъ никакой исторической битвѣ въ особенности, какъ и въ самомъ царѣ Калинѣ не слѣдуетъ искать какой-нибудь опредѣленной исторической личности: царь Калинъ есть лицо собирательное, внѣшній врагъ по преимуществу, и въ побѣжденіи этого врага съ его несчетной силой должно видѣть вообще побѣдоносныя дѣйствія оружія Владиміровыхъ богатырскихъ дружинъ противъ азіатскихъ варваровъ, особенно печенѣговъ, безпрестанно вторгавшихся въ русскіе предѣлы; причеъ побѣдные лавры, естественно, представляются все тому-же любимому былевому герою — Ильѣ Муромцу. Татарское иго, однако, запечатлѣлось въ памяти народной на столько глубоко, что позднѣйшими рапсодами, вмѣсто тѣхъ или другихъ враговъ владимірской Руси, вездѣ называются одни «татаровья», а вмѣсто царя Калина, нерѣдко выступаетъ «Батый Батыевичъ» («Батыга», «Бутеянъ Бутеяновичъ») или «Мамай»; такъ что въ окончательномъ избіеніи силы царя Калина, описываемомъ съ такимъ торжествомъ, воспѣвается безсознательно и сверженіе татарскаго ига, совершившееся 500 лѣтъ спустя (въ 1480 году).

59. (Стрн. 176). Интересно сравнить это описаніе несмѣтныхъ полчищъ царя Калина съ рассказомъ Волинскаго Лѣтописца о нашествіи Батыя въ 1237 году: «Приде Батый Кыеву въ силѣ тяжцѣ, многомъ множествомъ силы своей, и окружи градъ и остолпи сила татарская, и бысть градъ во обдержаньи велицѣ. И бѣ Батый у города, и отроки его обсъдяху градъ, и не бы слышати отъ гласа скрипанія телѣгъ его, множества ревънїа вельблудъ его и рѣжанїа отъ гласа стадъ конь его.»

60. (Стрн. 188). Достоинно вниманїа, что князь Владиміръ добровольно предоставляет здѣсь народу ту самую льготу, которою прежде Илья Муромецъ обусловилъ примиреніе свое съ княземъ.

61. (Стрн. 190). Чурила Пленковичъ есть яркій типъ получившаго свѣтскій доскъ того времени богатаго купческаго сына, живущаго въ полное свое удовольствіе, незнающаго удержу своимъ затѣямъ и поставившаго себѣ жизненною цѣлью—своимъ щегольствомъ и удалью разуднить весь міръ. Въ этихъ видахъ онъ поступаетъ и на службу къ князю, при дворѣ котораго есть чѣмъ и предъ кѣмъ блеснуть. Своею удалью онъ возвысился до богатырства; но онъ ограничивается только придворною должностью, а не примыкаетъ къ земской богатырской дружинѣ: ему, бѣлолицему красавцу и щеголеватому волокитѣ, не до защиты отчизны, въ чис-

томъ полѣ, въ дождѣ и вьюгѣ, или на дальнихъ, безлюдныхъ «заставахъ», въ дали отъ столичнаго комфорта. Имя «Чурила» (или «Чурило») нѣкоторыми языковѣдами производится отъ предполагаемаго родоначальника его Чура, какого-то древняго славянскаго бога, которому вѣроятно воздвигались встрѣчавшіеся въ старину на перекресткахъ идолы—чурьи или чурь, и которымъ и донынѣ чураются въ заговорахъ и заклинаніяхъ. Имя же «Чура» тѣми-же лингвистами сближается съ именемъ греческаго бога Гермеса (Меркуріи).

62. (Стр. 195). Имя «Плѣнь» («Плѣнко», «Плѣнчище») происходитъ вѣроятно отъ слова плѣнь, полонъ: плѣнные, полоненные продавались нѣкогда въ рабство, составляя весьма важную статью торговли; одному изъ главныхъ торговцевъ этимъ живымъ товаромъ легко могло быть присвоено соответственное имя Плѣнь. Происхожденіемъ же этотъ «гость» — «Сурбавинъ», т. е. съ Сурожа (Азовскаго моря).

63. (Стр. 201). Ни въ одной другой былинѣ столь свойственный русскому народу простодушный юморъ не достигаетъ такой силы, какъ въ былинѣ о «Дюкѣ Степановичѣ»: не знаешь, что забавнѣе: небывалыя ли чудеса Дюкова «посельца» и наивное удивленіе «общивающихся» ихъ русскихъ богатырей, или же самъ пѣвецъ быliny, искренне вѣрующій во всѣ эти чудеса и невинно подтрунивающій, вмѣстѣ съ Дюкомъ, надъ протачками-киевлянами. Особенно яркій контрастъ представляетъ самоувѣренно-спойное хвастовство вылощеннаго западно-европейской цивилизаціей Дюка съ доморощеннымъ ухарствомъ киевскаго фата Чурилы. Хотя Дюкъ и величается въ былинѣ «бояриномъ», но, судя по имени, онъ едва ли не Дух, герцогъ, который, впрочемъ, какъ усматривается изъ конца быliny, не гнушается заниматься и (столь прибыльнымъ) торговымъ дѣломъ; для этого дѣла-то онъ въ сущности, можетъ быть, и прибылъ въ Киевъ, и пущенная имъ въ глаза киевлянамъ пыль, которою ослѣплять такъ умѣютъ насъ и современные иностранные «гости», послужила ему лучшей рекламой, добывшей ему право вѣчнаго безошляннаго торгова. Родина Дюка — родственная намъ Галицкая Русь («Галичъ проклятая»), которая однако, какъ лежащая за предѣлами Владиміровыхъ владѣній, помѣщается неособенно сильными въ географіи рапсодами гдѣ-то тамъ — въ «Индіи богатой».

64. (Стр. 203). О значеніи купанія въ росѣ см. прим. 40.

65. (Стр. 229). Невѣжа-черный воронъ олицетворяетъ собою цѣлое вражеское подчине.

66. (Стр. 231). «Участь-таганъ» Ильи Муромца въ томъ, что ему «смерть на бою не писана».

67. (Стр. 231). Сборы Добрыни въ дорогу описываются здѣсь, нѣкоторыми рапсодами, также обстоятельно и тѣми-же словами, какъ и сборы его

на гору Сорочинскую противъ змѣя Горынчища, для избавленія Забавы Путятичны (см. былинѣ о второмъ боѣ его съ змѣемъ). Такъ какъ такое-же подробное описаніе сборовъ, съ незначительными отступленіями, должно было быть сохранено нами, по его характеристичности, еще въ двухъ былинахъ, гдѣ героями являются два другіе богатыря (Илья Муромецъ, въ былинѣ объ немъ и царь Калинъ, и Дюкъ Степановичъ), то въ настоящей былинѣ мы считали умѣстнымъ выбрать сокращенную редакцію, незадерживающую дѣйствія.

68. (Стр. 233). Одинъ пѣвецъ (правда, лучшій—Рябининъ) повѣствуетъ здѣсь и о самыхъ подвигахъ Добрыни Никитича; причѣмъ Добрыня дается княземъ Владиміромъ въ товарищи другому богатырю—Василію Казиміровичу, отправляющемуся къ королю (царю) Бутеяну Бутеяновичу (Батю) отвести дани-выходы за двѣнадцать съ половиною лѣтъ; но, прибывъ къ Бутеяну, отодвигаетъ Василія на второй планъ и выступаетъ самъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Такъ какъ ни въ одномъ изъ прочихъ многочисленныхъ (до тридцати) пересказовъ былинны о «Добрынь въ отъѣздѣ» — о походахъ Добрыни ничего не упоминается, то мы склоняемся къ мнѣнію, что рассказъ объ этихъ походахъ перенесенъ Рябининымъ въ настоящую былинѣ изъ какой-нибудь другой самостоятельной былинны, отрывки которой и передаются также нѣкоторыми другими рѣсодами. Не включая затѣмъ этихъ богатырскихъ приключеній въ нашу сводную былинѣ, тѣмъ болѣе, что они повредили бы цѣльности и занимательности всего рассказа, имѣющаго предметомъ эпизодъ изъ семейной жизни Добрыни, — мы не можемъ, тѣмъ не менѣе, не привести здѣсь въ извлеченіи весьма картиннаго описанія Добрынинныхъ подвиговъ:

На вопросъ Бутеяна Бутеяновича:

«— Ай же вы, дородны добры мѣлодцы!
Кто изъ васъ гораздъ играть во шашки-шахматы,
Да во славныя во тѣвлей нѣмецкія?» *)

Василій Казиміровичъ отвѣчаетъ:

«— Дома у меня всѣ игроки оставлены,
Только ести у меня надеюшка
Что на Спаса, на Пречисту Богородицу
Да на своего на братца на крестоваго,
На младѣ Добрынюшку Никитича.»

Кликнули Добрынюшку Никитича. «Со великой со горячности» просмотрѣлъ Добрыня одинъ «ступѣнь» шашечный и проигралъ Бутеяну добра

*) „Нѣмецкія“ — явно новѣйшая редакція.

коня богатырскаго. Подъ другую игру король ставитъ залогомъ великую безсчетну золоту казну, а русскій молодецъ свою буйную головушку. На этотъ разъ, однако, Добрыня обыгрываетъ короля. Тогда король предлагаетъ другаго рода состязаніе:

« — Кто изъ васъ гораздъ стрѣляти изъ туга лука,
Пропущати стрѣлочку калѣную
По тому по острію пожѣвому,
Чтобы вѣсомъ ровно шла да на двѣ стороны,
Угодила бы въ колечико серебряно?»

Василій Казиміровичъ посылаетъ, вмѣсто себя, опять своего брата крестоваго. Побѣждали слуги королевскіе за лукомъ.

«Какъ несутъ Добрыня тугой лукъ разрывчатый,
Подъ конецъ несутъ лукъ сто татаровой,
Подъ другой несутъ другое сто,
Подъ серѣдочку еще да третье сто,
Всѣ идутъ татаровья — покряхтываютъ.
Бралъ Добрыня тугой лукъ разрывчатый,
Сталъ Добрыня стрѣлочку накладывать,
Сталъ шелкѣвую тетивочку потягивать —
Заскриѣли полосы булатныя,
Заревѣли змѣи у туга лука,
Изломался тугой лукъ, полопался,
Со бедра его Добрыня бросилъ о землю.»

Какъ Добрыня играетъ здѣсь только роль «товарища» Василя Казиміровича, такъ у него самого взять нажомъ молодой Иванушка Дубровичъ; этого нажа онъ посылаетъ къ коню богатырскому отстегнуть отъ праваго стремени его собственное «дранное лучѣнышко завозное».

«Какъ во томъ луку разрывчатомъ, въ тупомъ концѣ,
Были сдѣланы гусѣлышки яровчаты,
Да не для-ради красы-угожества,
Для-ради потѣхи молодецкія....»
«Какъ беретъ Добрыня тугой лукъ разрывчатый,
Самъ становится да на рѣзвѣ ножки
Супротивъ колечика серебряна,
Какъ кладетъ онъ тугой лукъ подъ ножку лѣвую,
Съ лѣвой ножки на правое плечо:
Зашелкѣла тутъ тетивочка шелкѣвала,
Натянулся у Добрыни тугой лукъ,

Наложилъ онъ стрѣлочку калѣную,
Три раза стрѣлилъ по острію ножѣвому,
Три раза попалъ въ колечико серебряно.»

Послѣ него стрѣляетъ Бутеянь:

«Первый разъ стрѣлилъ — перестрѣлилъ,
Другой разъ стрѣлилъ — не дострѣлилъ,
Третій разъ стрѣлилъ — попасть не могъ.»

Королю дѣло не слюбилось, и онъ предлагаетъ бороться.

«Какъ на улицѣ-то ходять три борца,
Три борца да три татарина,
Дружка дружку за воротъ похватываютъ,
Дружка дружку на земь да побрасываютъ.»

Добрыня сходитъ съ крыльца и спрашиваетъ Бутеяна: какъ прикажетъ съ ними драться — со всѣми ли вдругъ или по одиночкѣ? Бутеянь отвѣчаетъ, что можетъ драться, какъ ему угодно. Тогда Добрыня перваго татарина хватаетъ за воротъ, втораго за голову, третьяго за волосы, бросаетъ о сырѣ землю и зашибаетъ до смерти. «Та борьба была побѣрона.» Бутеянь, испугавшись, не только отказывается отъ привезенныхъ ему русскими богатствами даней-выходовъ, но даетъ имъ еще «грамоту повинную» платить съ своей стороны кievскому князю дани-выходы «вѣкъ по вѣку».

69. (Стрн. 243). Какъ указано въ прим. 16, калики переходже были послѣдними представителями былой кочевой жизни. Богатырь Михайло Пѣтыкъ; выступающій въ одной былинѣ (о «Сорока каликахъ», непомѣщенной здѣсь) во главѣ каликъ, есть по-преимуществу богатырь-бродяга, какъ показываетъ самое прозвище его: «Пѣтыкъ» (потыкаться, слоняться по міру) или «Потѣкъ» (неудержимо-подвижный, какъ потокъ, рѣка). Изъ эпохи кочевья, къ которой онъ принадлежитъ еще своимъ существомъ, богатырь этотъ влечетъ за собою всю языческую обстановку: жену-оборотня, подземныхъ гадовъ, добывающихъ живую воду, и проч. Но христіанское начало въ немъ все-таки пустило уже столь глубокіе корни, что еретница-жена тщетно пытается погубить его, и сама, по смерти мужа, несетъ заслуженное наказаніе, будучи обречена живою лещъ съ нимъ въ могилу.

70. (Стрн. 245). «Бѣлою Лебедью», въ которую обыкновенно обращались красавицы-женщины-оборотни сказочныхъ временъ, стали называться впоследствии вообще женщины-красавицы. Авдотья Лиходѣевна (иначе Лиховидѣевна) есть, по нѣкоторымъ варіантамъ, дочь царя Лиходѣя Лиходѣевича.

71. (Стрн. 246). Безшабашный разгулъ есть одна изъ характеристическихкихъ чертъ бродяжничества, представителемъ котораго служить Пóтыкъ.

72. (Стрн. 247). Со стороны доврчиваго Пóтыка таковой уговоръ былъ искреннимъ выраженіемъ безграничной супружеской вѣрности, тогда какъ Бѣлая Лебедь Авдотья Лиходѣевна, какъ показали послѣдствія, имѣла при этомъ свой особый злой умыселъ.

73. (Стрн. 248). По нѣкоторымъ пересказамъ, вѣсть о смерти жены застаеъ Пóтыка на чужбинѣ, въ ордѣ царя Налета Налетовича (иначе царя заморскаго Бухаря), гдѣ онъ, по примѣру Добрыни (см. прим. 68), обыгрываетъ царя въ шапки-шахматы.

74. (Стрн. 249). Покойники въ старину доставлялись въ церковь не иначе какъ на саняхъ.

75. (Стрн. 252). Уже разъ отпѣтые покойники, въ случаѣ оживленія, вновь освящаются.

76. (Стрн. 252). Въ нѣкоторыхъ вариантахъ былины рассказываются еще дальнѣйшія похождения Пóтыка, вызванныя побѣгомъ жены его къ королю литовскому: волшебница Лебедь Бѣлая подноситъ погнавшемуся за ней мужу «зелья забыдушаго» и обращаетъ его въ бѣлый горячій камешекъ (см. прим. 2); но братья названные его Илья Муромецъ и Добрыня, при помощи встрѣтившагося имъ калики перехожаго, приподнимаютъ грузный камешекъ, который раскалывается и выпускаетъ на свѣтъ божій Пóтыка. Не смотря на уговариванья братцевъ крестовыхъ, мягкосердый Пóтыкъ вторично идетъ въ Литву за женою, которая снова успѣваетъ слабую до зеленá вина мужу преподнести, подъ видомъ зеленá вина, соннаго зелья. Тутъ, однако, спасаетъ его, посредствомъ уловки, дочь королевская Настасья, съ которою Пóтыкъ и «принимаетъ по злату вѣнцу», снявъ предварительно буйну голову чародѣйкѣ-женѣ за ея «поступки неумильные».

77. (Стрн. 253). «Васька Долгополостый», «Долгополый», «Долгополище», иначе называемый еще «Василіемъ Казиміровичемъ», «Долгомѣровичемъ» или «Игнатѣвичемъ», а также «Пьяницей», оба съ Михайлой Потыкомъ—знаменитые пьяницы.

78. (Стрн. 256). Смотрѣніе въ даль изъ кулака молодецкаго соответствуетъ современному наблюденію въ подзорную трубку, которая, впрочемъ какъ анахронизмъ, иногда упоминается и рпосодами.

79. (Стрн. 260). «Не уловя птицы, тербишь ее,
Не сваривши птицы, Богу молиться»—

значить: не поймавъ птицы, уже щиплешь ее; не сваривъ птицы, сядишься за столъ.

80. (Стрн. 261). По одному пересказу, послѣ боя на коняхъ, богатыри еще тагаются черезъ гривы лошадиныя:

«Тѣгами желѣзными хваталися,
Черезъ гривы лошадиныя тянулися,
Другъ другá никто не перетагивалъ,
Другъ другá богатыри не ранили.»

81. (Стрн. 263). У всѣхъ исчадіи тьмы груди черныя, тогда какъ у людей, хотя бы и враговъ, онѣ бѣлыя.

82. (Стрн. 264). «Латыгорка» (иначе «Латымірка», «Лысогорка», «Горыничка», «Горыничанка», въ сказкахъ «Баба-Яга»), богатырина царства тьмы, получила свое имя отъ Латырь-горы, которая есть ничто иное, какъ берегъ Латырь-моря (Балтійскаго).

83. (Стрн. 264). «Сокольникъ» (иначе «Соловникъ», «Борисъ Козловъ», «Збутъ королевичъ младъ», «Жидовинъ богатырь», «Татарченокъ Бусурманченекъ») есть представитель темной силы, такъ что бой его съ Ильей Муромцемъ есть какъ-бы аллегорическая борьба начала тьмы и зла съ свѣтлымъ, нравственнымъ началомъ.

84. (Стрн. 264). Сокольникъ называется также сыномъ Ильи Муромца.

85. (Стрн. 276). Нѣкоторые рапсоды заставляютъ «старого» послѣ этого умереть:

«Какъ пріѣхалъ опять во Кіевъ градъ,
Ко пещерамъ тѣмъ ко кіевскимъ,
Прилетала сила невидимая,
И взимали стараго со добра коня,
Заносили во пещеры во кіевски;
Тутъ ли старый и опочивъ держалъ,
Тутъ матѣрь чловѣкъ и окаменѣлъ,
И пощныѣ его мощи нетлѣнныя.»

Въ кіевскихъ пещерахъ, дѣйствительно, до настоящаго времени показываются мощи Ильи.

86. (Стрн. 277). Существуетъ мнѣніе, что былина о томъ, «Какъ перевелся богатыри на святой Руси»,—значительно позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ всѣ прочія былины Владимірова круга. Поводомъ къ такому мнѣнію должно было послужить приведенное выше (въ прим. 85) окончаніе былины о «Трехъ поѣздочкахъ Ильи Муромца», который, по нѣкоторымъ пересказамъ, умеръ своею смертію при возвратѣ съ послѣдней поѣздки,—чѣмъ оправдалъ на дѣлѣ предсказаніе каликъ переходящихъ, давшихъ ему богатырскую силу: что смерть ему на бою не написана. Притомъ-же былина о гибели богатырей имѣется вполнѣ лишь въ одномъ пересказѣ. Но подобное мнѣніе едва ли основательно. Каждый былевой богатырь есть тишъ, живущій вѣка, и продолжительность жизни богатырей соотвѣтствуетъ гран-

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ТРЕБУЮЩИХЪ ОБЪЯСНЕНІЯ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ И НЕОБЫЧ-
НЫХЪ СЛОВЪ, ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ БЫЛИНАХЪ.

А.

- Азвяковна (царица) — жена индейскаго царя Салтыка Ставрुльевича (см. прим. 7).
 Алеша Поповичъ — см. прим. 13 и 14.
 Апраксія — столовая княгиня кievская (см. прим. 10).
 Афимья; Александровна — мать Добрыни Никитича.

Б.

- Базыга — хричь.
 Баса — краса.
 Безвременье — невзгода.
 Бермята Васильевичъ — см. прим. 8.
 Бесѣда — скамья.
 Бласловить — благословить.
 Богатырь — герой (см. прим. 3).
 Богачество — богатство.
 Большой уголь — главный уголь, гдѣ стоять образа.
 Браный — узорчатый, вышивной.
 Братовство — братство.
 Буде — если.
 Булатъ — сталь; *булатный* — стальной.
 Буркб — бурый конь.
 Бурнастый — бурый.
 Бѣгецъ — бѣгунъ.
 Бѣлоярная пшена — пшеница-кукуруза.

В.

- Вальякъ — рѣзба; *вальяцетый* — рѣзной.
 Василиса Микулична — старшая дочь Микулы Селяниновича (см. прим. 23 и 26).
 Васька Долгополый или Долгополый — см. прим. 77.
 Вдвоемъ — вдвое; «*вдвоемъ тебя*» — вдвое противъ тебя.
 Вдовить — лишать жену мужа.
 Веденець — Венеція; *веденецкій* — венеціанскій.
 Верехъ — верхъ.
 Взимать — брать.
 Вливать — выливать.
 Во всю голову — во все горло.
 Волжанка — кюва изъ дерева иволги.
 Волокитный — волочащійся съ мѣста на мѣсто.
 Вольга Всеславьевичъ — см. прим. 6.
 Вольгота — свобода, вольный шагъ.
 Во-потай (впотай) — тайно.
 Воспрогворить — выговорить.
 Воспрокуриться — подняться, ударить въ голову (въ переносномъ смыслѣ).
 Вранъ — воронъ.
 Выжлецъ борзой — ловчій песь.
 Выгрышъ — содержаніе пѣсни.
 Вырука — выручка.
 Выступва — поступъ, осанка; *выступкою шагать* — щеголять поступью, осанкою.

Вить—1) їда, кормъ («медвѣжьявить»);
2) количество їды заразъ.
Выщипливать—щеголять.
Выщербить—выломать часть цѣлаго.
Вѣжество—вѣжливость.
Вѣковѣчный—начинающійся съ начала вѣка или продолжающійся до конца вѣка.

Г.

Главище (глава)—голова.
Голь кабацкая—народъ обѣдѣвшій, бездомный.
Горденко Блудовичъ—см. прим. 88.
Гостебище—пирушка, гости.
Гость торговый—купецъ; гость корабельный—мореходный купецъ (см. прим. 25).
Граять—каркать.
Гридня—столовая комната.
Грудью пойти—поскакать.
Грядка—шесть для вѣшанья одежды.
Гуя—верхнее платье.
Гурчевецъ (Вручевецъ, Вручій)—вѣроятно, Овручъ (Волинской губ.) (см. прим. 50).
Гусѣлышки, гусельцы—гусли.

Д.

Державушка (держава)—владыка.
Держать—носить, тратить; держаться—издерживаться.
Дивоваться—удивляться.
Добрыня Никитичъ—см. прим. 5.
Довлѣть—подобасть, прилично.
Догадка—догадливость.
Долина—длина, вышина.
Домовище—гробъ.
Дунай Ивановичъ—см. прим. 11.
На дымъ пустить—пожечь.

Дѣянье—дѣйствіе.
Дѣяться—дѣлаться.
Дюкъ Степановичъ—см. прим. 63.

Е.

Еврейскій стихъ—духов. тѣ.
Епанѣчка (епанча)—плащъ.
Ерусалимъ—Іерусалимъ.

Ж.

Жаровой гѣсъ—рослый, выросшій на припекѣ, на жару.
Жалкій—жалобный.
Живность—жизнь.

З.

Забава Путятична—племянница князя Владиміра (см. прим. 21).
Завидливый, завидуцій—завистливый.
Заводъ—заливъ, защищенный отъ вѣтра.
Завозный—взятый на дорогу, привезенный для дороги.
Заворачивать—забирать.
Завѣсистая шапка—съ завѣсами, которые можно опускать и приподнимать.
Завѣть—обѣтъ.
Загусельщикъ—гусларь.
Задаться—поступить въ обученіе или на службу.
Задѣрнуть—приготовить.
Зазыватель—позовщикъ.
Займище—топкое мѣсто, иногда по-решее тростникомъ или гѣсомъ.
Закатѣться—закатываться.
Заколотить—покрыться колодезь.
Залѣшанинъ (имя нарицательное)—гѣсной житель, дыкаръ; отъ того-же

корня: мужики Заолѣшане (см. прим. 30) и Никита Заолѣшанинъ —подъ именемъ котораго скрывается Илья Муромецъ (см. был. XVI).

Замуравѣть — покрыться муравою.

Заносливый — заносчивый.

Заповѣдь — см. завѣть.

Заржучись — отъ *заржачь*.

Застава — преграда (см. прим. 44).

Застолье — мѣсто за столомъ.

Застояться — остановиться.

Затохоль — затхлый запахъ.

Затыхаться — сдѣлаться затхлымъ.

Затюремщикъ — заключенникъ.

Захвастливый — хвастливый.

Захлыщевый — забубенный, отчаянно-смѣлый.

Захошь — см. хошь.

Зачинъ — начало.

Звеселять — взвеселять.

Земь — земля.

Златоверховатый — съ золотымъ верхомъ.

Златъ — золотой.

Зобать — ѣсть что-нибудь мелкое, рассыпчатое.

Зычный — звучный.

И.

Иванъ Гостинный сынъ — см. прим. 88.

Идѣлице — см. прим. 13 и 54.

Избыть — избавиться.

Изотчество, изотчина — отцовское имя.

Илья Муромецъ — см. прим. 37.

Индѣйское царство — см. прим. 7.

Индія богатая — см. прим. 63.

Ископытъ — комъ грязи или земли изъ-подъ копыта.

Исполѣшаться — всполошиться.

Источенька — разноцвѣтный струйчатый поясъ.

К.

Кавурка (каурка) — каурый (желторыжий) конь.

Калика переходящая — нищій калѣка (см. прим. 16).

Калинъ царь — см. прим. 58.

Камень бѣлый горючій или, просто, горючій — янтарь (см. прим. 2).

Камочка — камка.

Кирпичать полъ — кирпичный.

Клюшничать — быть клюшникомъ.

Кожанъ, кожанецъ — 1) невѣдѣланый овчинный тулупъ; 2) кожаный мѣшокъ.

Кой — который.

Кокровка — загнутый верхній конецъ палки (клюки).

Коло — около.

Колпакъ — см. шляпа.

Колыбаться — колебаться.

Конникъ — залавокъ сейчасъ при входѣ въ дверь, послѣдній уголъ.

Конюхать — быть конюхомъ.

Корба — чаща мелкаго лѣса.

Косица — високъ.

Красовитый — красивый.

Крестьянствовать — заниматься крестьянскимъ дѣломъ.

Крылецъ — крыльцо.

Крылось — клирость.

Кряковистый — съ корявымъ пнемъ, суковатый.

Кудельба — см. курево.

Купавъ — красивый.

Курево — пыль столбомъ.

Л.

Ладить — готовить, готовиться;

ладиться—1) собираться; 2) быть въ по́ру.

Ластинье — тонкая дрань.

Латыгорка — мать Сокольника (см. прим. 82).

Латырь-камень — янтарь (см. прим. 2).

Латырь-море — Балтійское (см. прим. 2).

Леванидовъ крестъ — курсунскій (см. прим. 1).

Леванидовы луга — см. прим. 1.

Литва — всякая земля на западъ отъ Кіева (см. прим. 9).

Ложня — спальная комната.

Луда — подводный камень.

Лукоморье — излучина морскаго побережья.

Луна небесная — твердь.

Люби — отъ *любовь*; *до-люби* — сколько угодно; *по-люби* — по душѣ.

Въ любовь придти — по сердцу придти, понравиться.

М.

Маломожный (маломочный) — мало-сильный.

Мамельфа Тимоеевна — мать Дюка Степановича.

Марѳа Всеславьевна — мать Вольгі Всеславьевича.]

Матѣрый, матерой — престарѣлый и сильный.

Матерѣтъ — расти, становиться большимъ и сильнымъ.

Меженный — отъ *межень*, жаркая лѣтняя пора.

Микула Селяниновичъ — см. прим. 48.

Михайло Пѣтыкъ Ивановичъ — см. прим. 69.

Младъ — молодой.

Моготá — мощь.

Молигвиться — молиться.

Мосты — насланые переходы наружныхъ сѣней.

Мудрости искать надъ кѣмъ — стараться пережитрить, опутать чарами.

Муравленный — муравую, разводами расписной, пестрый.

Мурашь — муравей.

Мурземецкій — отъ *мурза*. (Эпитетъ копыя).

Мурманка — шапка, имѣющая съ обѣихъ сторонъ завѣсы, которые можно опускать и приподнимать.

Н.

На́большій — наибольшій, глава.

По на́добью — сколько надобно.

Наигрышь — содержаніе пѣсни.

Наконъ — разъ.

Накрутиться — накутаться, нарядиться.

Налучникъ, налушно — чахолъ на лукъ.

Намѣтывать (служебку) — налагать.

Напускъ — сильное нападеніе.

Напустить — напуститься.

Нарядить — справиться.

Науличье — площадь на улицѣ.

Невѣжа-черный воронъ — см. прим. 65.

Немудрый — простой.

Неуѣмчивый — неукротимый.

Неумильный — невѣжливый.

О.

Обзариться — заглядѣться, польститься.

- Обкольчужиться—надѣть кольчугу.
 Облатиться — надѣть латы.
 Ободверина — притолока и косяки у дверей.
 Обоймень—что можно обнять двумя руками.
 Оболоко — облако.
 Обцѣщикъ — оцѣщикъ.
 Обьумѣться — придти въ себя.
 Одинцовый — темнозеленый.
 Одноличный — одинаковаго лица.
 Одноѣдный — изъ одной мѣды.
 Озадориться — раззадориться.
 Окаракою, окарачь — на четверенькахъ.
 Окатиться — раскатиться.
 Околенька — оконница.
 Окольный — идущій *около* чего-нибудь.
 Омѣщикъ — рало у сохи.
 Оперезъ — прежде.
 Опознать — узнать.
 Опочивъ держать — опочивать.
 Опочинуться — уснуть.
 Оратай — землешапецъ.
 Орать — пахать.
 Орда — земля, сторона (см. прим. 9).
 Ордынский — отъ *орда*. (Эпитетъ тельги).
 Орѣховець — вѣроятно, вымышленный городъ.
 Въ особину — особенно.
 Отвѣдать — попробовать.
 Отчина — см. изотчина.
 Ошарашиться — стать дыбомъ.
- II.
- Палатный брусъ — гряда, откуда и *средня* или *средня* (столовая).
 Палица (палка) — дубинка.
 Паль — обгорѣлый лѣсъ.
 Паробокъ — слуга.
- Пенъе — пни.
 Перелестникъ (судейскій) — обманщикъ. (Эпитетъ Алешн Поповича).
 Перёное крылечко — съ *перёнами* или *перилами*.
 Перепастся — перепугаться.
 Перещанить — перещеголять.
 Писчикъ — писарь.
 Платённый — платяной.
 Пленъ (Шленко, Пленчище) Сурожанинъ — отецъ Чурилы Шленковича (см. прим. 62).
 Повертвй — поворотливый, проворный.
 Поволжаный — изъ дерева иволги.
 Поволька — воля.
 Поворотъ держать — вернуться.
 Повѣтеръ — попутный вѣтеръ.
 Погода — непогода.
 Погодиться — пригодиться.
 Погрязывать, угрязывать — погружаться въ грязь, въ землю.
 Подвигаться — подвизаться, совершать подвиги, полевать.
 Подираться — драться.
 Подковыренные лавти — проплетенные вторично.
 Подколѣнный — младшй (отъ *колѣно*, старшй въ семьѣ или въ родѣ).
 Подерутиться — приодѣться.
 Подорожникъ — попадающійся на дорогѣ. («Разбойнички-подорожнички».)
 Подорожный — 1) взятый на дорогѣ или на дорогу; 2) платимый за дорогу.
 Подсолнечникъ — зонтикъ, опахало.
 Подстоле — мѣсто подъ столомъ.
 Позариться — польститься.
 Показаться — понравиться.
 Покляпый — наклоненный въ одну сторону.

Полевать — рыскать по чисту полю, отыскивая приключеній.

Полевица — женщина-богатырица (см. прим. 4); также и иноземные богатыри.

Полона́ — взятое въ плѣнъ.

Поло́нь — 1) плѣнъ; 2) плѣнникъ.

Получка — дань.

Поляковать — см. полевать.

Помя́лушко (помело) — метла для выметанія печи.

Попротивиться — вступить въ бой.

Пороша — молодой свѣгъ.

Порученьки — перила.

Порысучій — см. рысучій.

Поселица (поселье) — мѣсто поселенія, постоянного жительства.

Поскакучій — отъ *поскакивать*. (Эпитетъ зайца).

Поскочить — поскакать.

Пословаться — вести посольское дѣло.

Поступка — поступь.

Посыльный — посольскій.

Потникъ — подстилка подъ сѣдло, чтобы не тереть спины лошади.

Почѣнный — знающій.

Почестка — почесть.

Прикакуивать — ликовать.

Приниматься къ рѣчамъ — обращать вниманіе.

Присошекъ — лопатообразная часть сохи, накладываемая попеременно то на одинъ, то на другой омѣшникъ, для откидыванія вспаханной земли.

Прстиляться — разстиляться.

Притченки — см. прим. 30.

Прихватка — ухватка.

Причетъ — причитанія.

Приогрушиться — погрузиться.

Прижахнуться — ужаснуться.

Провизгъ — визгливый тонъ рѣчи.

Провѣщиться — заговорить.

Пропитомство — пропитаніе; *пропитомствовать* — пропитать.

Просто — легко.

Путыни — пути.

Пучай — рѣка Почайна (см. прим. 19).

Пѣхотою — пѣшкомъ.

На пятау отворить дверь — настезь.

Р.

Разболакивать — разоблачаться, скидавать.

Развалить — расчистить.

Разгорчивый — легко разгорающійся.

Разрывчатый — отъ *разрывать*. (Эпитетъ лука).

Ратиться — сражаться.

Рогачъ — рукоятка у сохи.

Родитель, родителекъ — родной, родная.

Розстанъ — перекрестокъ.

Рудожелтый — красножелтый.

Рукобитье — обрядъ сговора.

Рыбій зубъ — моржовая кость.

Рысучій — издающій рыкъ.

Рысучій — рыскающій.

С.

Салтыкъ Ставрुльевичъ — см. прим. 7.

Самсонъ Самойловичъ — см. прим. 3.

Саповочка — дудочка.

Сафать-рѣка — см. прим. 15.

Сахарный — сахарный. (Эпитетъ яствъ и усть).

Сбродовачи — см. прим. 30.

Сверстаться — поровняться.

Сверстный — равный, подходящій.

Сворохнуться — пошевелиться.

Святогоръ — см. прим. 51.

Святые Горы — см. прим. 22.

Сдивоваться — удивляться.

- Семья, семеюшка — общее название супруговъ въ отношеніи другъ друга.
 Середа — полъ.
 Сила — войско.
 Сиротать — лишать родителей.
 Скорбить — доводить до скорби.
 Скурлатъ — шерстяная тканьъ разнаго цвѣта.
 Слава идетъ — молва; *славу пѣть* кому-нибудь — пѣть въ честь умершаго.
 Слезить — вводить въ слезы.
 Смѣртушка — смерть.
 Смородина (рѣка) — см. прим. 45.
 Смѣта — счетъ.
 Снарядный — нарядный.
 Сокольникъ — см. прим. 83.
 Сокрутиться — одѣться.
 Соловей Будиміровичъ — см. прим. 31.
 Соловей разбойникъ — см. прим. 46.
 Соловый — блѣдножелтый.
 Сорочинскій — сарацинскій, арабскій; *гора Сорочинская* — см. прим. 22.
 Спроговорить — проговорить.
 Слусить — отпустить.
 Спѣть — глаголъ, выражающій *пѣніе* спускаемой тетивы или стрѣлы.
 Ставѣрь Годиновичъ — см. прим. 24.
 Саметъ (аксамитъ) — бархатъ.
 Становитый — статный.
 Старина, старинка, старинишка — пѣсня про *старину*, былина.
 Статья — 1) свойство характера, качество, выпавшее кому-нибудь на долю; 2) самая участь, судьба.
 Столованье — пированье.
 Стольничать — быть столбалькомъ.
 Сторожокъ — спускная дверь.
 Стоялый — 1) давно стоявшій (считеть меда); 2) гдѣ есть стойло (считеть конюшни).
 Стрѣта — встрѣча.
 Ступа, ступокъ — тихій шагъ.
 Ступень — ходъ (въ игрѣ).
 Сумляться — сомнѣваться.
 Супротивиться — драться, вступать въ бой.
 Супротивникъ (супротивница) — равный по силѣ или по другому свойству противникъ, а также вообще ровня.
 Супротивъ — 1) напротивъ; 2) *супротивъ* кого силой, красотой — ровня.
 Суханъ Домантьевичъ — см. прим. 3.
 Сходня, сходенька — лѣстница.
 Сцанина — царापина.
 Счудиться — сотвориться (о чудѣ).
 Счудоваться — быть пораженнымъ чудомъ.
 Съ-подъ — изъ-подъ.
 Сыгрышъ — музыка, напѣвъ.
 Сыта (медвяная) — жидкій пчелиный медъ.
 Сыть — то, чѣмъ бываютъ *сыты*. («Волчья сыть».)
 Съдатый — съдой.

Т.

- Тавлеи (tabula) — шапки, шахматы.
 Тать — воръ.
 Толкучій — ставливающийся.
 Тоневья — тони, рыболовные сѣти.
 Торожи — дорожный мѣшокъ, сума за сѣдломъ.
 Тощиться — истощаться.
 Тугаринъ Змѣевичъ — см. прим. 13 и 17.
 Туляться — прятаться; *тулица* — туляющійся, прятающійся.
 Туръ — зубръ, волъ.

У.

- Увалиться — провалиться.

Угодить — попасть.
 Угожество — красота.
 Угроживать — угрожать.
 Угряживать — см. погряживать.
 Укрючины — уключины, въ которыхъ ходять весла.
 Укрѣла — крѣпость.
 Улещать — ластиться.
 Уливаться — заливаться.
 Уловный — гдѣкто уловленъ, найденъ.
 Умильный — умѣлый, вѣжливый, любезный.
 Уныльный — унылый.
 Упадка — упадокъ духа; *не съ упад-кою* — безъ боязни.
 Управа — посадка.
 Уродствовать — проказить, чудить.
 Утопить (очи) — уставить.
 Утріе — утро.
 Утѣшенье (утішенье) — тишина; *«си-мѣху морю на утѣшѣть»* — чтобъ было тихо.
 Уѣда — кушанье.

X.

Хайлище — пасть.
 Хамкать — лаять по-собачьи.
 Хапловы — см. прим. 30.
 Хвалынское море — Каспійское.
 Хоробрый — храбрый.
 Хошь, захошь — хочешь, захочешь.
 Хрущатый — жесткій, плотный.

Ц.

Царѣвъ — постоянный эпитетъ кабака.
 Цѣловальникъ — цѣловавшій, въ знакъ вѣрности, крестъ кому-нибудь.

Ч.

Чашничать — быть чашникомъ.
 Чебурацкій (?) — эпитетъ свенца.
 Челомъ-битчикъ — челобитчикъ.
 Червленый — багряный, пурпуровый.
 Червчатый — красноватый.
 Чернедь — чернь.
 Чернизина — черное пятно.
 Чивье — рукоятка.
 Чингалпше — кинжалъ.
 Чоботь — полусапожекъ, сапогъ.
 Чурила Пленковичъ — см. прим. 61.

Ш.

Шалыга, шелепуга — плеть съ обя-занной пугей, кистень.
 Шеломъ — шлемъ.
 Ширинка — полотенце.
 Шишира — празднотающійся.
 Шляпа (колпакъ) земли греческой — дорожная, съ широкими полями.
 Шопоткомъ — шопотомъ.
 Шпенекъ — пражечная шпилька.

Щ.

Щапить — щеголять.
 Щапъ — щеголь.
 Щелейка — горное ущелье.
 Щепливый (щепелливый) — щеголь-ской.
 Щепомъ щепить — щеголять.

Я.

Ярлыкы скорописчаты — грамоты.
 Яровчатый — яворчатый, изъ дере-ва явора.
 Ясакъ — вѣсть, голосъ, зовъ.